

Литературное чтение 3 класс

Дополнительный
материал к учебнику
Климановой Л.Ф.,
Горецкого В.Г.

ФОП

В сборнике содержатся произведения и материалы по чтению для 3 класса, соответствующие Федеральной рабочей программе по литературному чтению (для 1–4 классов образовательных организаций). – Москва. 2022 г., но отсутствующие в учебнике Климановой Л.Ф., Горецкого В.Г. для 3 класса.

Согласно программе учитель может сам выбирать из рекомендованного перечня произведений тексты для чтения и слушания

При составлении использованы материалы сайтов
Медиатека Просвещения <https://media.prosv.ru/content/>
Фоксфорд <https://foxford.ru/>
Новый Диск (Образовариум) <https://marketplace.obr.nd.ru/>
<https://uchebnik-rabochaya-tetrad.com/>
Мишкины книжки <https://mishka-knizhka.ru/>

Фольклор

Рассмотрите «живой цветок» устного народного творчества. Назовите его жанры и приведите примеры.

Потешки

Кошка на окошке
Рубашку шьёт,
Курочка в сапожках
Избёнку метёт.

- Здравствуй, кум! Ты куда?
- Да по дрова поехал.
- Что везёшь?
- Сено.
- Какое сено, ведь это дрова?!
- А коли видишь, так что спрашиваешь?

Мыши водят хоровод,
На лежанке дремлет кот.
Тише, мыши, не шумите,
Кота Ваську не будите.
Вот проснётся Васька-кот,
Разобьёт весь хоровод.

- Я медведя поймал!
- Так веди сюда!
- Не идёт.
- Так сам иди!
- Да он меня не пускает!

Чик, чики, чикалочки!
Едет гусь на палочке,
Уточка на дудочке,
Курочка на чурочке,
Зайчик на тачке,
Мальчик на собачке.

Как у нашего соседа
Весела была беседа:
Гуси — в гусли,
Утки — в дудки,
Овцы — в донцы,
Тараканы — в барабаны.

Тень-тень, потетень,
Выше города плетень.
Сели звери под плетень,
Похвалялись весь день.
Похвалялась лиса:
— Всему свету я краса!
Похвалялся зайка:
— Поди догоняй-ка!
Похвалялся медведь:
— Могу песни я петь!
Похвалялись ежи:
— У нас шубы хороши!

Считалки

Начинается считалка:
На берёзу села галка,
Две вороны, воробей,
Три сороки, соловей.

Ой ты, зоренька-заря,
Заря вечерняя.
А кто зореньку найдёт,
Тот и вон пойдёт.

Конь ретивый
С длинной гривой
Скачет по полям
Тут и там.
Где проскачет он —
Выходи вон.

Раз, два, три, четыре, пять!
Вышел зайчик погулять.
Вдруг охотник выбегает,
Прямо в зайчика стреляет.
Пиф! Паф! Не попал.
Серый зайчик убежал!

На золотом крыльце сидели:
Царь, царевич, король, королевич,
Сапожник, портной,
Кто ты будешь такой?
Выходи поскорей,
Не задерживай добрых и честных людей!

Небылицы

Небывальщины - небылицы
 Лежат в бабушкиной светлице,
 Завёрнуты в тряпицы
 В медном ларце
 На дубовом поставце,
 Кого хочешь — позабавь,
 А ларец на место поставь.

У Иванова двора
 Загорелась вода.
 Всем селом пожар тушили,
 А огонь не загасили.
 Пришёл дедушка Фома,
 Расседая борода.
 Он народ погнал в овин,
 Затушил пожар один.
 Как Фома тушил пожар,
 Он об этом не сказал.
 Только слышно стороной:
 Затушил он бородой!

Между небом и землёй
 Поросянок рылся
 И нечаянно хвостом
 К небу прицепился.

Как у нас козёл
 Что за умный был:
 Сам и по воду ходил,
 Сам и кашу варил,
 Деда с бабкой кормил.

Какие бывают загадки

Попробуйте определить типы загадок в каждой группе.

1

Конь стальной,
Хвост льняной.

Ни окошек, ни дверей,
Полна горница людей.

Крашеное коромысло
Через реку свисло.

Сам алый, сахарный,
Кафтан зелёный, бархатный.

Стоит в поле кудряшка —
Белая рубашка,
Сердечко золотое.
Что это такое?

Белые горошки
На зелёной ножке.

2

Не огонь, а жжётся.

Кругла, а не месяц,
Желта, а не масло,
с хвостиком, а не мышь.

Не ездок, а со шпорами,
Не сторож, а всех будит.

3

Что с земли не подымешь?

Кто на себе свой дом носит?

4

Бел как снег,
В чести у всех.
В рот попал —
Там и пропал.

5

Кланяется, кланяется,
Придёт домой — растянется

Не лает, не кусает, а в дом не пускает.

Загадки-противопоставления, загадки-сравнения, загадки-описания действий, которые можно совершать предметом; загадки-вопросы; загадки — описания свойств, признаков предмета.

1. Какие бывают загадки? Объясните, что помогает найти отгадку.
2. Рассмотрите схему! О чём и о ком народ сочинял загадки?

Подумайте, появляются ли загадки сейчас. Объясните.

Возьмите в библиотеке книгу загадок и подберите загадки о людях, о животных, о вещах.

В. И. Даль

Старик годовик

Сказка-загадка

Вышел старик годовик. Стал он махать руками и пускать птиц. Каждая птица со своим именем. Махнул старик годовик первый раз — и полетели первые три птицы. Повеял холод, мороз.

Махнул старик годовик второй раз — и полетела вторая тройка. Снег

стал таять, на полях показались цветы.

Махнул старик годовик третий раз — полетела третья тройка. Стало жарко, душно, знойно. Мужики стали жать рожь.

Махнул старик годовик четвёртый раз - и полетели ещё три птицы. Подул холодный ветер, посыпался частый дождь, залегли туманы.

А птицы были не простые. У каждой птицы по четыре крыла. В каждом крыле по семи перьев. Каждое перо тоже со своим именем. Одна половина пера белая, другая чёрная. Махнёт птица раз — станет светлым-светло, махнёт другой — станет темным-темно.

Что это за птицы вылетели из рукава старика годовика?

Какие это четыре крыла у каждой птицы? Какие семь перьев в каждом крыле?

Что это значит, что у каждого пера одна половина белая, а другая — чёрная?

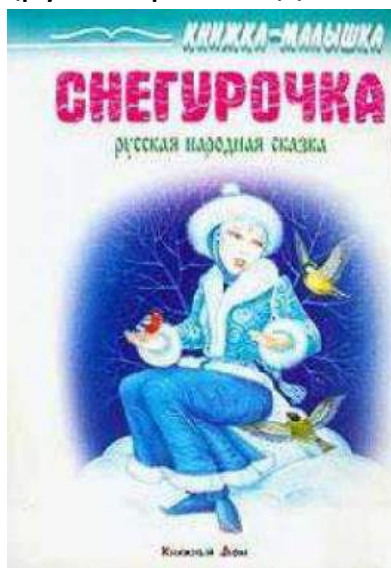

1. Прочитайте подзаголовок. Докажите, что это сказка.
2. Какие загадки есть в этой сказке? Чем они необычны? Объясните.

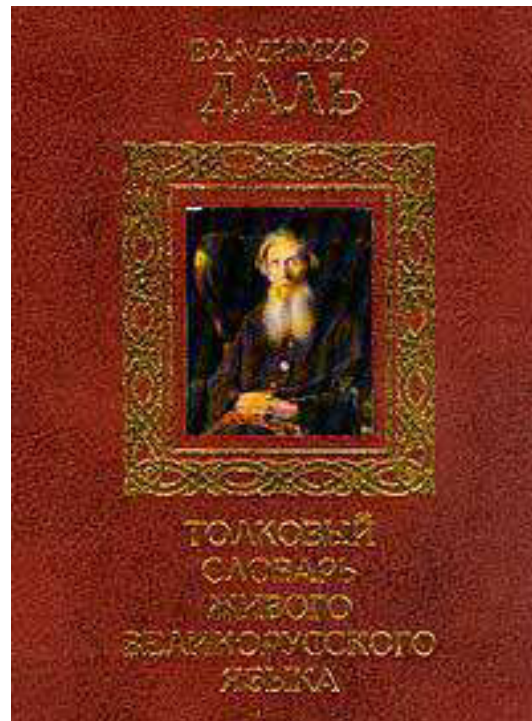

Эта сказка-загадка — литературная. Автор этого произведения — **Владимир Иванович Даль** (1801 — 1872), писатель, собиратель фольклора.

В. И. Даль написал много сказок и других произведений.

Но трудом всей его жизни стало составление **«Толкового словаря живого великорусского языка»**, которым пользуются и в наше время. Словарь состоит из четырех томов. В словаре содержится около 200 тыс. слов.

Знаете ли вы, что Владимир Иванович Даль собирал не только сказки, но и пословицы русского народа. Один из разделов его сборника **«Пословицы и поговорки русского народа»** называется: «О добрых делах и добродетелях».

В 1862 году он издал книгу «Пословицы русского народа», в которой объединил их по темам. В неё вошло более 30000 пословиц, поговорок и прибауток

Пословицы

Пословица — это произведение фольклора, краткое мудрое изречение, дающее оценку событию, явлению, человеку. Текст пословицы состоит из одного предложения.

Прочитайте пословицы разных народов. Определите их тему.

Семь раз отмерь, один раз отрежь. *(Русская)*

Не суди по силе рук, а суди по силе сердца. *(Башкирская)*

У птицы — гнездо, у человека — родина. *(Тувинская)*

Кто не защищает своего очага, тот кукушка *(Карачаевская)*

Без беды друга не узнаешь. *(Хакасская)*

Спешащий таракан в суп попадёт *(Удмуртская)*

Из слов плова не сваришь, нужны рис и мясо. *(Армянская)*

Терпеливый нашёл и вбил гвоздь в камень *(Татарская)*

В чужую голову ума не вложишь. *(Вепсская)*

Лось велик, но и он спотыкается. *(Народа коми)*

С неубитого рябчика перья не ощипывай, с неубитого песка шкуру не снимай. *(Ненецкая)*

Из чужой трубы и дым лучше валит. *(Якутская)*

Не хвали себя – послушай, что другие говорят. *(Чукотская)*

Без времени с веточки лист не упадёт, а если время пришло – и утёс рухнет. *(Эвенкийская)*

Без хозяина крыша валится, без хозяйки изба остывает. *(Карельская)*

Скороговорки

Скороговорка — это короткое выражение, состоящее из специально подобранных близких по звучанию слов, которые трудно произносить друг за другом.

Какие бывают скороговорки

1) Скороговорки, в которых повторяются слова с одним и тем же корнем.

Боронила борона по боронованному полю.

2) Скороговорки, в которых переставляются одни и те же слова.

В доме одна **Домна**. Думает **Домна**: «**Дай, приберу в доме**».
Прибрала Домна в доме, а у Домны дом вверх дном.

3) Скороговорки, в которых переставляются или меняются звуки в словах.

Макар да кошка, комар да мошка.

1. Прочитайте скороговорки, выделяя подчёркнутые слова.

Кик на горке, на пригорке
Стоят тридцать три Егорки.

От топота копыт пыль по полю летит.

Ходит перепел между перепёлками
со своими перепелятами.

Загадка, пословица, скороговорка, потешка, песенка, считалка, небылица, прибаутка — это малые жанры фольклора.

Сказки

Со сказками мы знакомимся в самом раннем возрасте. Сначала как слушатели, потом как читатели.

Сказка — сказывать — сказитель рассказывать.

Значит, *сказка* рассказывается, *сказывается* сказителем. Сказка — это история (повествование), в которой есть что-то необычное, невероятное, фантастическое, волшебное, чего в обычной жизни не бывает. Сказки бывают *о животных, бытовые, волшебные*. Можно пойти дорогой народных волшебных сказок и узнать чудо чудное и диво дивное. Можно пойти дорогой бытовых сказок или сказок о животных. Перед вами карта сказочных дорог. Вспомните и назовите сказки, которые вы читали.

Дочь-семилетка

Русская народная сказка

Ехали два брата: один бедный, другой богатый. У обоих по лошади — у бедного *кобыла*, у богатого *мерин*. Остановились они на ночлег рядом. У бедного кобыла принесла ночью жеребёнка; жеребёнок подкатился под телегу богатого. Будит он наутро бедного:

— Вставай, брат, у меня телега ночью жеребёнка родила.

Брат встаёт и говорит:

— Как можно, чтоб телега жеребёнка родила? Это моя кобыла принесла.

Богатый говорит:

— Кабы твоя кобыла принесла, жеребёнок бы *подле* был!

Поспорили они и пошли до начальства. Богатый дарил судей деньгами, а бедный словами оправдывался.

Дошло дело до самого царя. Велел он призвать обоих братьев и загадал им четыре загадки: «Что всего на свете сильнее и быстрее? Что всего на свете жирнее? Что всего мягче? И что всего милее?»

И положил им сроку три дня.

— На четвёртый приходите, ответ дайте!

Богатый подумал-подумал, вспомнил про свою куму и пошёл к ней совета просить.

Она посадила его за стол, стала угощать, а сама спрашивает:

— Что так печален, куманёк?

— Да загадал мне государь четыре загадки, а сроку всего три дня положил.

— Что такое, скажи мне.

— А вот что, кума. Первая загадка: что всего на свете сильнее и быстрее?

— Экая загадка! У моего мужа *каряя* кобыла есть; нет её быстрее! Коли кнутом приударишь, зайца догонит.

Вторая загадка: что всего на свете жирнее?

— У нас другой год рябой боров кормится; такой жирный стал, что на ноги не поднимается!

— Третья загадка: что всего на свете мягче?

— Известное дело — пуховик, уж мягче не выдумаешь!

— Четвёртая загадка: что всего на свете милее?

— Милее всего внучек Иванушка!

— Ну, спасибо тебе, кума! Научила уму-разуму, век тебя не забуду.

А бедный брат залился горькими слезами и пошёл домой; встречает его дочь-семилетка:

— О чём ты, батюшка, вздыхаешь да слёзы ронишь?

— Как же мне не вздыхать, как слёз не ронить? Задал мне царь четыре загадки, которые мне и в жизнь не разгадать.

— Скажи мне, какие загадки?

— А вот какие, дочка: что всего на свете сильнее и быстрее, что всего жирнее, что всего мягче и что всего милее?

— Ступай, батюшка, и скажи царю: сильнее и быстрее всего ветер, жирнее всего земля: что ни растёт, что ни живёт — земля питает! Мягче всего рука: на что человек ни ляжет, а всё руку под голову кладёт; а милее сна нет ничего на свете!

Пришли к царю оба брата: и богатый и бедный. Выслушал их царь и спрашивает бедного:

— Сам ли ты дошёл, или кто тебя научил?

Отвечает бедный:

— Ваше царское величество! Есть у меня дочь-семилетка, она меня научила.

— Когда дочь твоя мудра, вот ей ниточка шелкова; пусть к утру соткёт мне полотенце узорчатое.

Мужик взял шелковую ниточку, приходит домой *кручинный*, печальный.

— Беда наша! — говорит дочери. — Царь приказал из этой ниточки соткать полотенце.

— Не кручинься, батюшка! — отвечала семилетка, отломила прутик от веника, подаёт отцу и наказывает: — Поди к царю, скажи, чтоб нашёл такого мастера, который бы сделал из этого прутика *кросна*: было бы на чём полотенце ткать!

Мужик доложил про то царю. Царь даёт ему полтора ста яиц.

— Отдай, — говорит, — своей дочери; пусть к завтраму выведет мне полтора ста цыплят.

Воротился мужик домой ещё кручиннее, ещё печальнее:

— Ах, дочка! От одной беды увернёшься, другая навяжется!

— Не кручинься, батюшка! — отвечала семилетка.

Попекла яйца и припрятала к обеду да к ужину, а отца посылает к царю:

— Скажи ему, что цыплятам на корм нужно однодённое пшено: в один бы день было поле вспахано, просо засеяно, сжато и обмолочено. Другого пшена наши цыплята и клевать не станут!

Царь выслушал и говорит:

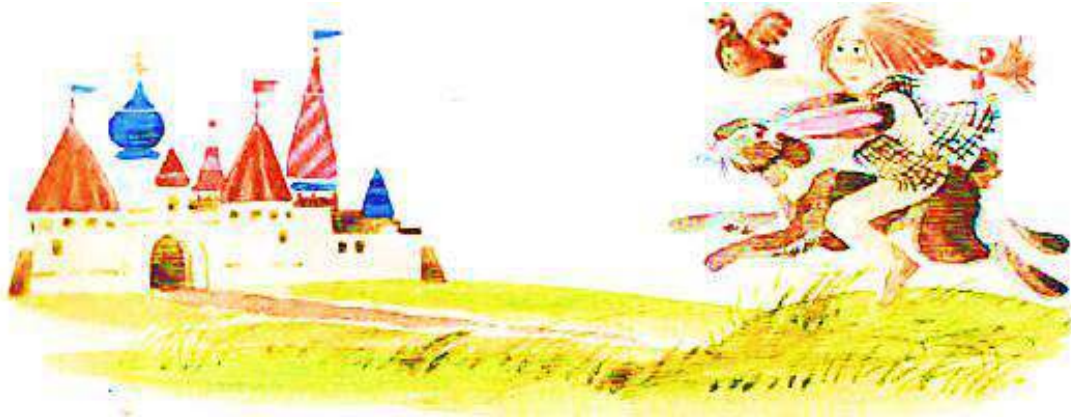
— Когда дочь твоя мудра, пусть наутро сама ко мне явится — ни пешком, ни на лошади, ни голая, ни одетая, ни с гостинцем, ни без подарочка.

«Ну, — думает мужик, — такой хитрой задачи и дочь не разрешит; пришло совсем пропадать!»

— Не кручинься, батюшка! — сказала ему дочь-семилетка. — Ступай-ка к охотникам, купи мне живого зайца да живую перепёлку.

Отец пошёл и купил ей зайца и перепёлку.

На другой день поутру сбросила семилетка всю одежду, надела на себя сетку, в руки взяла перепёлку, села верхом на зайца и поехала во дворец.

Царь её у ворот встречает. Поклонилась она царю.

— Вот тебе, государь, подарочек! — и подаёт ему перепёлку.

Царь протянул было руку, перепёлка порх — и улетела!

— Хорошо, — говорит царь, — как приказал, так и сделано. Скажи мне теперь: ведь твой отец беден, чем вы кормитесь?

— Отец мой на сухом берегу рыбу ловит, ловушки в воду не ставит, а я подолом рыбу ношу да уху варю.

— Что ты, глупая, когда рыба на сухом берегу живёт? Рыба в воде плавает!

— А ты умён? Когда видано, чтобы телега жеребёнка принесла?

Царь присудил отдать жеребёнка бедному мужику. А когда семилетка выросла, он женился на ней, и стала она царицею.

Каряя (лошадь) — чёрная с тёмно-бурым отливом.

Кобыла — молодая лошадь.

Кросна — домашний ткацкий станок.

Кручинный — грустный, печальный.

Мерин — здесь: конь.

Подле — возле, рядом, около.

1. Какой спор произошёл между братьями? Прочитайте диалог.

2. Найдите в тексте загадки-признаки, загадки-действия, загадки-вопросы. Объясните свой выбор. Какие отгадки дали герои сказки? Прочитайте.

3. Прочитайте заголовок сказки. Почему она так названа?

4. Какой была девочка? Что помогло ей выиграть спор?

5. Какая это сказка — бытовая или волшебная?

Самое дорогое

Русская народная сказка

На ровном месте, как на *бороне*, от всех дорог в стороне, в глухой деревушке жили-были старик со старухой.

Старик ивовые, прутья резал, корзинки плёл. старуха лён пряла да ткала. Тем и *кормились*.

Вот как-то и говорит старуха старику:

— Дед, трудно нам стало работать. У меня прялка сломалась, а у тебя, гляди-ка, — ручка у ножа треснула, едва держится. Сходи-ка ты лес, выруби дерево, сделаем новую прялку да ручку к ножу.

Пошёл старик в лес. Приглядел он хорошее деревцо. Только замахнулся топором, а из чащи Лесной Дед выходит. Был этот Дед в мохнатые ветки одет, в волосах шишки еловые, в бороде шишки сосновые, седые усы до земли висят, глаза огоньками зелёными горят.

— Не трогай, — говорит, — старичок, моих деревьев, ведь они все живые, тоже жить хотят. Лучше попроси у меня, чего тебе надобно, — всё тебе дам.

Удивился старик, обрадовался. Пошёл домой со старухой посоветоваться. Сели они рядом перед избой на лавочку. Старик и спрашивает:

— Ну, старуха, чего же мы у Лесного Деда просить будем, может, много-много денег выпросим? Он даст!

— А на что нам, старик, много-много денег? Нам их и прятать негде. Да и бояться по ночам будем, что их воры утащат. Нет, старик, не надо нам денег!

— Ну, хочешь, попросим большое-пребольшое стадо корой да овец?

— А на что нам, старик, большое-пребольшое стадо? Нам с ним и не управиться будет. Есть у нас корова — молоко даёт, есть шесть овечек — шерсть дают. На что нам больше? Не надо!

— А может быть, хочешь, старуха, мы у Лесного Деда тысячу курочек попросим?

Да что ты, старик, опомнись, чего вздумал! Чем же мы их кормить станем? Что с ними делать будем? Есть у нас три курочки-хохлатки, есть Петя-Петушок, нам и довольно.

Думали, думали старик со старухой — ничего придумать не могут, всё, что нужно, у них есть, а чего нет — то они своими трудами всегда заработать могут. Встал старик с лавки и говорит:

— Я, старуха, придумал, чего у Лесного Деда просить надо.

Пошёл он в лес. А навстречу ему Лесной Дед, в мохнатые ветки одет, в волосах шишки еловые, в бороде шишки сосновые, седые усы до земли висят, глаза огоньками зелёными горят.

— Ну как, мужичок, надумал, чего тебе надобно?

— Надумал, — старик говорит. — Сделай так, чтобы наши прялка да ножик никогда не ломались да чтобы руки у нас всегда здоровыми были. Тогда мы всё, что нам нужно, сами себе заработаем.

— Будь по-твоему, — Лесной Дед отвечает.

И живут с тех пор старик со старухой.

Старик ивовые прутья режет, корзинки плетёт. Старуха шерсть прядёт, рукавицы вяжет.

Тем и кормятся.

И хорошо живут, счастливо!

И я у них недавно побывала.
 Старуха всем вам подарки прислала,
 Которые в лесу насобирала:
 Малаше — грибочков,
 Наташе — цветочков,
 Коле — черники,
 Оле — земляники.
 Да покуда я к вам шла —
 Все подарки из корзинки
 порастрясла.

Борона — сельскохозяйственное орудие — рама с зубьями для рыхления почвы.

Кормиться — обеспечивать себя (питаться, одеваться, содержать дом).

1. Чем кормились старик и старуха? Найдите ответ в тексте.
2. Какими были старик и старуха? Подтвердите ответ словами из текста сказки.
3. Найдите описание внешности (портрет) Лесного Деда. Прочитайте.
4. О чём старик попросил Лесного Деда? Что оказалось самым дорогим для стариков? Почему?
5. Прочитайте выразительно диалог старика и старухи.
6. Найдите повторы в тексте сказки и перечислите их.
7. Сравните «Сказку о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина и русскую народную сказку «Самое дорогое». Чем похожи и чем различаются герои этих сказок? Выскажите своё мнение.

Про ленивую и радивую

Русская народная сказка

У старика со старухой были две дочери. Старшая и минуты без дела не посидит. И за что ни возьмётся, всё у неё ладно выходит, всякое дело спорится.

А меньшая дочь — ленивица. Ничего делать не хочет, к тому же *спесивая*, не приветливая была. Что ни станет делать, всё с неохотой да кое-как.

И прозвали люди старшую сестру *Радивой*, а меньшую — *Ленивой*. Так и пошло — Радивая да Ленивая.

Как-то пошла старшая сестра по воду и уронила вёдра. Стало одно ведро относить от берега. Радивая вошла в воду и только ухватила ведро за дужку, как оступилась и угодила в глубокий омут. Открыла глаза... Что такое? На песчаном дне изба стоит. Зашла в избу и видит: на лавке сидит старик. Лицо зелёное, глаза зелёные, борода зелёная — весь зелёный.

Девушка приветливо поздоровалась со стариком, поклонилась ему в пояс.

— Чья ты? — спрашивает Зелёный старик. — Откуда?

— Из деревни, что на берегу. Пришла по воду, обронила ведро, стала доставать, оступилась и вот сюда попала.

— Ну, садись, отдохни, незваная гостья!

А девушка видит: в избе не прибрано, холодно. Взяла веник, подмела избу, прибралась, печь затопила. Потом спрашивает:

— Может, ещё чего сделать?

— Экая ты трудница-работница! Ступай-ка коз подои.

Взяла девушка *подойник* и пошла. Сперва во хлеву прибрала. Сухой

соломы козам постелила, копыта и вымя у них тёплой водой помыла:

— Стойте, козоньки, стойте, матушки!

Молоко процедила, принесла, на стол поставила. А Зелёный старик шасть во хлев. Спрашивает коз:

— Не обидела ли вас девица?

— Век бы с такой хозяйкой жить да радоваться! Заботливая, ласковая!

Воротился он в избу, налил чашку молока, подаёт девушке:

— Выпей! Не простое это молоко, а волшебное.

Выпила девица молоко и стала такой красавицей — ни вздумать, ни сказать, только в сказке рассказать.

— А это тебе подарок, — подал старик шкатулку, — дома откроешь!

Поблагодарила девушка Зелёного старика и только вышла из избы, как очутилась на берегу, а рядом и вёдра стоят. Зачерпнула воды и пошла домой. А дома, лишь только через порог переступила, отец с матерью и меньшая сестра глядят на неё во все глаза, наглядеться не могут.

— Ай, батюшки! Да какая ты стала красавица! — всплеснула руками мать. — Расскажи, поведай нам, что с тобой приключилось?

Рассказала красавица, как она побывала у Зелёного старика в гостях, и открыла шкатулку, что ей старик подарил. И только открыла, как все так и ахнули. В шкатулке и *душегрея* парчовая, соболями отороченная, и сарафан атласный, и башмаки с серебряными пряжками, и жемчуг *скатный*, и кошелёк с золотом.

Увидела это завистливая сестра, и глаза у неё разбежались, ногой топнула.

— Я тоже достану себе приданое у Зелёного старика!

И побежала на берег. Прибежала, бросила ведро в воду и сама вслед.

Только ухватилась за ведро, как оступилась и оказалась в омуте. Зашла в избу, не поздоровалась, села на лавку и говорит Зелёному старику:

— Я за подарком пришла!

— Сперва надо тебе коз подоить, а уж потом и о подарке поговорим, — сказал Зелёный старик.

С неохотой пошла Ленивая. Во хлеву раз-другой вилами в солому ткнула, коз пинками в угол загнала. Подоила кое-как, молоко не процедила, принесла в избу, подойник поставила на стол.

А Зелёный старик пошёл во хлев и спрашивает коз:

— Как девица прибиралась? Как доила?

Сам видишь, как прибиралась! Стоим в грязи по колено. Ногами нас пинала, а доила как попало.

Воротился старик в избу, а девица нетерпеливо ему:

— Давай скорее подарок! Я домой тороплюсь.

Налил старик чашку, молока:

— Пей!

Выпила Ленивая и тотчас стала дурнушкой: нос вытянулся и загнулся крючком, кожа пожелтела, брови клочьями повисли.

Подавал старик ей шкатулку, точь-в-точь такую же, как и старшей сестре.

Схватила она шкатулку, со стариком не простилась, побежала домой.

А дома в ту пору никого не случилось: ни матери, ни отца, ни старшей сестры. Ленивая, как только порог переступила, тотчас шкатулку открыла, да так и обмерла. В шкатулке оказались угли да зола.

Душегрея — старинная русская кофта без рукавов.

Подойник — специальная посуда, куда стекает молоко, когда корову доят.

Радивый — усердный, старательный, трудолюбивый.

Скатный (жемчуг) — круглый, крупный, ровный.

Спесивый — надменный, высокомерный.

1. Как старик наградил девочек? Подтвердите ответ словами из текста.
2. Какими вы представляете девочек? Расскажите.

У многих сказок есть присказки. **Присказка** — это шутка, прибаутка, которую рассказчик добавлял к началу, середине или концовке сказки (то есть *при сказке*). Начиная рассказывать длинную сказку, сказитель приговаривал:

«Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается».

«Это ещё не сказка, а только присказка. Сказка будет впереди, после обеда, поевши мягкого хлеба».

«На море, на океяне, на острове Буяне, стоит дерево — золотые маковки. По этому дереву ходит кот-баюн: вверх идёт — песню заводит, вниз идёт — сказки сказывает. Это ещё не сказка, а присказка, а сказка вся впереди».

«Стали жить-поживать да добра наживать».

«Сказка — ложь, да в ней намёк — добрым молодцам урок».

ЛЕТУЧИЙ КОРАБЛЬ

Русская сказка

Жили-были старик да старуха. У них было три сына — два старших умниками слыли, а младшего все дурачком звали. Старших старуха любила — одевала чисто, кормила вкусно. А младший в дырявой рубашке ходил, чёрную корку жевал.

— Ему, дурачку, всё равно: он ничего не смыслит, ничего не понимает!

Вот однажды дошла до той деревни весть: кто построит царю такой корабль, чтоб и по морям ходил, и под облаками летал,— за того царь свою дочку выдаст.

Решили старшие братья счастья попытать.

— Отпустите нас, батюшка и матушка! Авось который-нибудь из нас царским зятем станет!

Снарядила мать старших сыновей, напекла им в дорогу пирогов белых, нажарила-наварила курятины да гусятины:

— Ступайте, сыночки!

Отправились братья в лес, стали деревья рубить да пилить. Много нарубили-напилили. А что дальше делать — не знают. Стали они спорить да браниться, того и гляди друг дружке в волосы вцепятся.

Подошёл тут к ним старичок и спрашивает:

— Из-за чего у вас, молодцы, спор да брань? Может, и я вам какое слово на пользу скажу?

Накинулись оба брата на старичка — слушать его не стали, нехорошими словами обругали и прочь прогнали. Ушёл старичок.

Поругались ещё братья, съели все свои припасы, что им мать дала, и возвратились домой ни с чем...

Как пришли они, начал проситься младший:

— Отпустите теперь меня!

Стали мать и отец отговаривать его да удерживать:

— Куда тебе, дурню,— тебя волки по дороге съедят!

А дурень знай своё твердит:

— Отпустите — пойду, и не отпустите — пойду!

Видят мать и отец — никак с ним не сладишь.

Дали ему на дорогу краюху чёрного сухого хлеба и выпроводили вон из дому.

Взял дурень с собой топор и отправился в лес. Ходил-ходил по лесу и высмотрел высокую сосну: верхушкой в облака эта сосна упирается, обхватить её впору только троим.

Срубил он сосну, стал её от сучьев очищать. Подошёл к нему старичок.

— Здравствуй, — говорит, — дитятко!

— Здравствуй, дедушка!

— Что это, дитятко, ты делаешь, на что такое большое дерево срубил?

— А вот, дедушка, царь обещал выдать свою дочку за того, кто ему летучий корабль построит, я и строю.

— А разве ты сможешь такой корабль смастерить? Это дело мудрёное, пожалуй, и не сладишь.

— Мудрёное не мудрёное, а попытаться надо: глядишь, и слажу! Вот и ты кстати пришёл: старые люди бывалые, сведущие. Может, ты мне что и посоветуешь.

Старичок говорит:

— Ну, коли просишь совет тебе подать, слушай: возьми-ка ты свой топор и отеши эту сосну с боков: вот этак!

И показал, как надо обтёсывать.

Послушался дурень старичка — обтесал сосну так, как он показывал. Обтёсывает он, диву даётся: топор так сам и ходит, так и ходит!

— Теперь, — говорит старичок, — обделывай сосну с концов: вот так и вот этак!

Дурень старичковы слова мимо ушей не пропускает: как старичок показывает, так он и делает.

Закончил он работу, старичок похвалил его и говорит:

— Ну, теперь не грех передохнуть да закусить малость.

— Эх, дедушка, — говорит дурень, — для меня-то еда найдётся, вот эта краюха чёрствая. А тебя-то чем угостить? Ты небось и не угрызёшь моё угощение?

— А ну-ка, дитятко, — говорит старичок, — дай сюда свою краюху!

Дурень подал ему краюху. Старичок взял её в руки, осмотрел, пощупал да и говорит:

— Не такая уж чёрствая твоя краюха!

И подал её дурню.

Взял дурень краюху — глазам своим не верит: превратилась краюха в мягкий да белый каравай.

Как поели они, старик и говорит:

— Ну, теперь станем паруса прилаживать! И достал из-за пазухи кусок холста. Старичок показывает, дурень старается, на совесть всё делает — и паруса готовы, прилажены.

— Садись теперь в свой корабль, — говорит старичок, — и лети, куда тебе надобно. Да смотри, помни мой наказ: по пути сажай в свой корабль всякого встречного!

Тут они и распрощались. Старичок своей дорогой пошёл, а дурень на летучий корабль сел, паруса расправил. Надулись паруса, взмыл корабль в небо, полетел быстрее сокола. Летит чуть пониже облаков ходячих, чуть повыше лесов стоячих...

Летел-летел дурень и видит: лежит на дороге человек — ухом к сырой земле припал. Спустился он и говорит:

— Здорово, дядюшка!

— Здорово, молодец!

— Что это ты делаешь?

— Слушаю я, что на том конце земли делается.

— А что же там делается, дядюшка?

— Поют-заливаются там птички голосистые, одна другой лучше!

— Экой ты, какой слухменный! Садись ко мне на корабль, полетим вместе.

Слухало не стал отговариваться, сел на корабль, и полетели они дальше.

Летели-летели, видят — идёт по дороге человек, идёт на одной ноге, а другая нога к уху привязана.

— Здорово, дядюшка!

— Здорово, молодец!

— Что это ты на одной ноге скачешь?

— Да если я другую ногу отвяжу, так за три шага весь свет перешагну!

— Вот ты какой быстрый! Садись к нам.

Скороход отказываться не стал, взобрался на корабль, и полетели они дальше.

Много ли, мало ли пролетели, глядь — стоит человек с ружьём, целится. А во что целится — неведомо.

— Здорово, дядюшка! В кого это ты целишься — ни зверя, ни птицы кругом не видно.

— Экие вы! Да я и не стану близко стрелять. Целюсь я в тетёрку, что сидит на дереве вёрст за тысячу отсюда. Вот такая стрельба по мне.

— Садись с нами, полетим вместе!

Сел и Стреляло, и полетели все они дальше. Летели они, летели и видят: идёт человек, несёт за спиною большущий мешок хлеба.

— Здорово, дядюшка! Куда идёшь?

— Иду добывать хлеба себе на обед.

— На что тебе ещё хлеб? У тебя и так полон мешок!

— Что тут! Этот хлеб мне в рот положить да проглотить. А чтобы досыта наесться, мне надобно сто раз по столько!

— Ишь ты какой! Садись к нам в корабль, полетим вместе.

Сел и Обьедало на корабль, полетели они дальше.

Над лесами летят, над полями летят, над реками летят, над сёлами да деревнями летят.

Глядь: ходит человек возле большого озера, головой качает.

— Здорово, дядюшка! Что это ты ищешь?

— Пить хочется, вот и ищу, где бы напиться.

— Да перед тобой целое озеро. Пей в своё удовольствие!

— Да этой воды мне всего на один глоточек станет.

Подивился дурень, подивились его товарищи и говорят:

— Ну, не горюй, найдётся для тебя вода. Садись с нами на корабль, полетим далеко, будет для тебя много воды!

Опивало сел в корабль, и полетели они дальше. Сколько летели — неведомо, только видят: идёт человек в лес, а за плечами у него вязанка хвороста.

— Здорово, дядюшка! Скажи ты нам: зачем это ты в лес хворост тащишь?

— А это не простой хворост. Коли разбросать его, тотчас целое войско появится.

— Садись, дядюшка, с нами!

И этот сел к ним. Полетели они дальше. Летели-летели, глядь: идёт старик, несёт куль соломы.

— Здорово, дедушка, седая головушка! Куда это ты солому несёшь?

— В село.

— А разве в селе мало соломы?

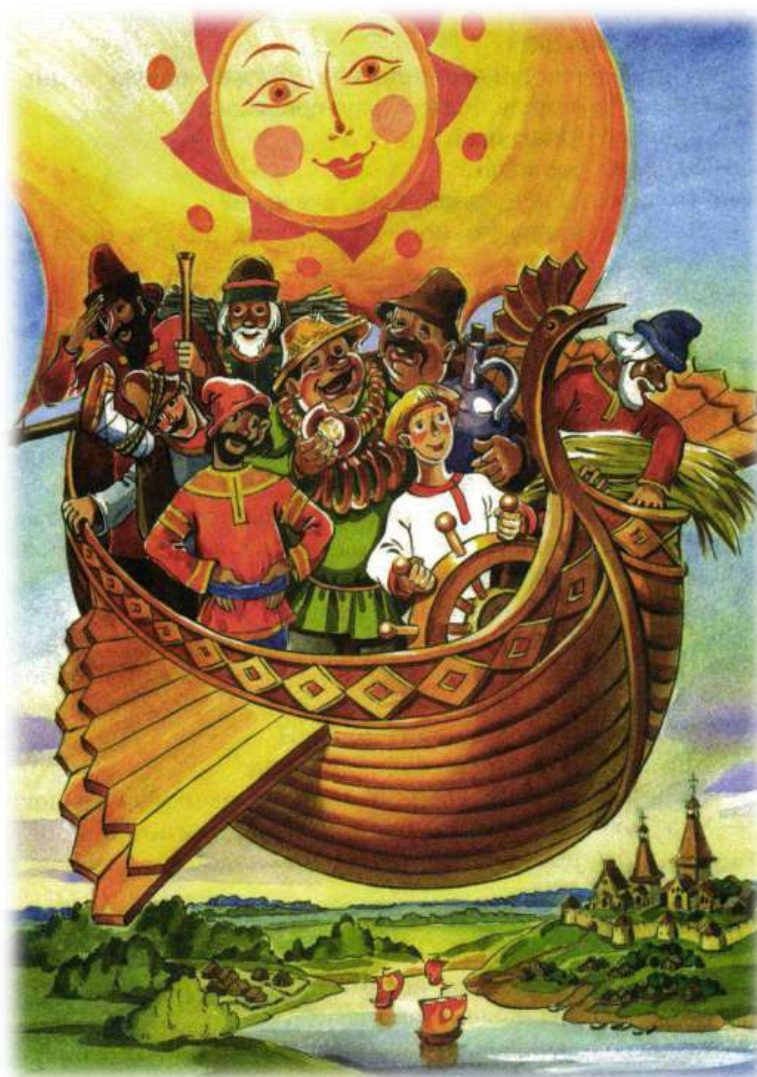
— Соломы много, а такой нету.

— Какая же она у тебя?

— А вот такая: стоит мне разбросать её в жаркое лето — и станет враз холодно: снег выпадет, мороз затрещит.

— Коли так, правда твоя: в селе такой соломы не найдёшь. Садись с нами!

Холодило взобрался со своим кулём в корабль, и полетели они дальше.

Летели-летели и прилетели к царскому двору.

Царь в ту пору за обедом сидел. Увидел он летучий корабль и послал своих слуг:

— Ступайте спросите: кто на том корабле прилетел — какие заморские царевицы и королевичи?

Слуги подбежали к кораблю и видят — сидят на корабле простые мужики.

Не стали царские слуги и спрашивать у них: кто таковы и откуда прилетели. Воротились и доложили царю:

— Так и так! Нет на корабле ни одного царевицы, нет ни одного королевича, а всё чёрная кость — мужики простые. Что прикажешь с ними делать?

«За простого мужика нам дочку выдавать зазорно, — думает царь. — Надобно от таких женихов избавиться».

Спросил он у своих придворных — князей да бояр:

— Что нам теперь делать, как быть?

Они и присоветовали:

— Надо жениху задавать разные трудные задачи, авось он их и не разгадает. Тогда мы ему от ворот поворот и покажем!

Обрадовался царь, сейчас же послал слуг к дурню с таким приказом:

— Пусть жених достанет нам, пока наш царский обед не кончится, живой и мёртвой воды!

Задумался дурень:

— Что же я теперь делать буду? Да я и за год, а может быть, и весь свой век не найду такой воды.

— А я на что? — говорит Скороход. — Мигом за тебя справлюсь.

Отвязал он ногу от уха и побежал за тридевять земель в тридесятое царство. Набрал два кувшина воды живой и мёртвой, а сам думает: «Времени впереди много осталось, дай-ка малость посижу — успею к сроку возвратиться!»

Присел под густым развесистым дубом, да и задремал...

Царский обед к концу подходит, а Скорохода нет как нет.

Загоревали все на летучем корабле — не знают, что и делать. А Слухало приник ухом к сырой земле, прислушался и говорит:

— Экой сонливый да дремливый! Спит себе под деревом, храпит вовсю!

— А вот я его сейчас разбужу! — говорит Стреляло.

Схватил он своё ружьё, прицелился и выстрелил в дуб, под которым Скороход спал. Посыпались с дуба жёлуди — прямо на голову Скороходу. Проснулся тот.

— Батюшки, да никак я заснул!

Вскочил он и в ту же минуту принёс кувшины с водой:

— Получайте!

Встал царь из-за стола, глянул на кувшины и говорит:

— А может, эта вода не настоящая?

Поймали петуха, оторвали ему голову и sprыснули мёртвой водой. Голова вмиг приросла. Sprыснули живой водой — петух на ноги вскочил, крыльями захлопал, «ку-ка-ре-ку!» закричал.

Досадно стало царю.

— Ну,— говорит он дурню,— эту мою задачу ты выполнил. Задам теперь другую! Коли ты такой ловкий, съешь со своими сватами за один присест двенадцать быков жареных да столько хлебов, сколько в сорока печах испечено!

Опечалился дурень, говорит своим товарищам:

— Да я и одного хлеба за целый день не съем!

— А я на что? — говорит Обьедало. — Я и с быками, и с хлебами их один управляюсь. Ещё мало будет!

Велел дурень сказать царю:

— Тащите быков и хлебы. Будем есть!

Привезли двенадцать быков жареных да столько хлебов, сколько в сорока печах испечено.

Обьедало давай быков поедать — одного за другим. А хлебы так в рот и мечет каравай за караваем. Все возы опустели.

— Давайте ещё! — кричит Обьедало.— Почему так мало припасли? Я только во вкус вошёл!

А у царя больше ни быков, ни хлебов нет.

— Теперь, — говорит он, — новый вам приказ: чтобы выпито было зараз сорок бочек пива, каждая бочка по сорок вёдер.

— Да я и одного ведра не выпью, — говорит дурень своим сватам.

— Эка печаль! — отвечает Опивало. — Да я один всё у них пиво выпью, ещё мало будет!

Прикатали сорок бочек-сороковок. Стали черпать пиво вёдрами да подавать Опивале. Он как глотнёт — ведро и пусто.

— Что это вы мне вёдрами подносите? — говорит Опивало. — Этак мы целый день проканителемся!

Поднял он бочку да и опорожнил её зараз, без роздыху. Поднял другую бочку — и та пустая откатилась. Так все сорок бочек и осушил.

— Нет ли, — спрашивает, — ещё пивца? Не вволю я напился! Не промочил горло!

Видит царь: ничем дурня нельзя взять. Решил погубить его хитростью.

— Ладно, — говорит, — выдам я за тебя свою дочку, готовься к венцу! Только перед свадьбой сходи в баню, вымойся-выпарься хорошенько.

И приказал топить баню.

А баня-то была вся чугунная.

Трое суток баню топили, докрасна раскалили. Огнём-жаром от неё пышет, за пять сажений к ней не подойти.

— Как буду мыться? — говорит дурень. — Сгорю заживо.

— Не печалься, — отвечает Холодило. — Я с тобой пойду!

Побежал он к царю, спрашивает:

— Не разрешите ли и мне с женихом в баню сходить? Я ему соломки подстелю, чтобы он пятки не испачкал!

Царю что? Он дозволил: «Что один сгорит, что оба!»

Привели дурня с Холодилой в баню, заперли там.

А Холодило разбросал в бане солому — и стало холодно, стены инеем подёрнулись, в чугунах вода замёрзла.

Сколько-то времени прошло, отворили слуги дверь. Смотрят, а дурень жив-здоров, и старичок тоже.

— Эх, вы, — говорит дурень, — да в вашей бане не париться, а разве на салазках кататься!

Побежали слуги к царю. Доложили: так, мол, и так. Заметался царь, не знает, что и делать, как от дурня избавиться.

Думал-думал и приказал ему:

— Выстави поутру перед моим дворцом целый полк солдат. Выставишь — выдам за тебя дочку. Не выставишь — вон прогоню!

А у самого на уме: «Откуда простому мужику войско достать? Уж этого он выполнить не сможет. Тут-то мы его и выгоним в шею!»

Услышал дурень царский приказ — говорит своим сватам:

— Выручали вы меня, братцы, из беды не раз и не два... А теперь что делать будем?

— Эх, ты, нашёл о чём печалиться! — говорит старичок с хворостом.

— Да я хоть семь полков с генералами выставлю! Ступай к царю, скажи — будет ему войско!

Пришёл дурень к царю.

— Выполню, — говорит, — твой приказ, только в последний раз. А если отговариваться будешь — на себя пеняй!

Рано поутру старик с хворостом кликнул дурня и вышел с ним в поле. Раскидал он вязанку, и появилось несметное войско — и пешее, и конное, и с пушками. Трубачи в трубы трубят, барабанщики в барабаны бьют, генералы команды подают, кони в землю копытами бьют...

Дурень впереди стал, к царскому двору войско повёл. Остановился перед дворцом, приказал громче в трубы трубить, сильнее в барабаны бить.

Услышал царь, выглянул в окошко, от испугу блее полотна стал. Приказал он воеводам своё войско выводить, на дурня войной идти.

Вывели воеводы царское войско, стали в дурня стрелять да палить. А дурневы солдаты стеной идут, царское войско мнут, как траву. Напугались воеводы и побежали вспять, а за ними вслед и всё царское войско.

Вылез царь из дворца, на коленках перед дурнем ползает, просит дорогие подарки принять да с царевной скорее венчаться.

Говорит дурень царю:

— Теперь ты нам не указчик! У нас свой разум есть!

Прогнал он царя прочь и не велел никогда в то царство возвращаться. А сам на царевне женился.

— Царевна — девка молодая да добрая. На ней никакой вины нет!

И стал он в том царстве жить, всякие дела вершить.

1. Что вас удивило в этой сказке? О какой мечте в ней говорится?

2. Какими были старшие братья? Как они поступили со старичком? Прочитайте.

3. Каким был младший брат? Какие черты его характера вам запомнились? Подтвердите свой ответ строчками из текста.

4. Почему старичок помог младшему брату?

МОРОЗКО

Русская сказка

Живало-бывало,— жил дед да с другой женой. У деда была дочка, и у бабы была дочка.

Все знают, как за мачехой жить: перевернёшься — бита и недовернёшься — бита. А родная дочь что ни сделает — за всё глядят по головке: умница.

Падчерица и скотину поила-кормила, дрова и воду в избу носила, печь топила, избу мела — ещё до свету... Ничем старухе не угодишь — всё не так, всё худо.

Ветер хоть пошумит, да затихнет, а старая баба расходится — не скоро уймётся. Вот мачеха и придумала падчерицу со свету сжить.

— Вези, вези её, старик,— говорит мужу,— куда хочешь, чтобы мои глаза её не видали! Вези её в лес, на трескучий мороз.

Старик затужил, заплакал, однако делать нечего, бабы не переспоришь. Запряг лошадь:

— Садись, мила дочь, в сани.

Повёз бездомную в лес, свалил в сугроб под большую ель и уехал.

Девушка сидит под елью, дрожит, озноб её пробирает. Вдруг слышит — невдалеке Морозко по ёлкам потрескивает, с ёлки на ёлку поскакивает, пощёлкивает. Очутился на той ели, под которой девица сидит, и сверху её спрашивает:

— Тепло ли тебе, девица?

— Тепло, Морозушко, тепло, батюшка. Морозко стал ниже

спускаться, потрескивает, сильнее пощёлкивает:

— Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?

Она чуть дух переводит:

— Тепло, Морозушко, тепло, батюшка.

Морозко ещё ниже спустился, пуще затрещал, сильнее защёлкал:

— Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная? Тепло ли тебе, лапушка?

Девица окостеневать стала, чуть-чуть языком шевелит:

— Ой, тепло, голубчик Морозушко!

Тут Морозко сжалился над девицей, окутал её тёплыми шубами, отогрел пуховыми одеялами.

А мачеха по ней уж поминки справляет, печёт блины и кричит мужу:

— Ступай, старый хрыч, вези свою дочь хоронить!

Поехал старик в лес, доезжает до того места, — под большою елью сидит его дочь, весёлая, румяная, в собольей шубе, вся в золоте, в серебре, и около — короб с богатыми подарками.

Старик обрадовался, положил всё добро в сани, посадил дочь, повёз домой.

А дома старуха печёт блины, а собачка под столом:

— Тяф, тяф! Старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину замуж не берут.

Старуха бросит ей блин:

— Не так твякаешь! Говори: «Старухину дочь замуж берут, а стариковой дочери косточки везут...»

Собака съест блин и опять:

— Тяф, тяф! Старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину замуж не берут.

Старуха блины ей кидала и била её, собачка — всё своё...

Вдруг заскрипели ворота, отворилась дверь, в избу идёт падчерица — в злате-серебре, так и сияет. А за ней несут короб высокий, тяжёлый. Старуха глянула — и руки врозь...

— Запрягай, старый хрыч, другую лошадь! Вези, вези мою дочь в лес да посади на то же место...

Старик посадил старухину дочь в сани, повёз её в лес на то же место, вывалил в сугроб под высокой елью и уехал.

Старухина дочь сидит, зубами стучит.

А Морозко по лесу потрескивает, с ёлки на ёлку поскакивает, пощёлкивает, на старухину дочь поглядывает:

— Тепло ли тебе, девица?

А она ему:

— Ой, студёно! Не скрипи, не трещи, Морозко...

Морозко стал ниже спускаться, пуще потрескивать, пощёлкивать.

— Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?

— Ой, руки, ноги отмёрзли! Уйди, Морозко...

Ещё ниже спустился Морозко, сильнее приударил, затрещал, защёлкал:

— Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?

— Ой, совсем застудил! Сгинь, пропади, проклятый Морозко!

Рассердился Морозко да так хватил, что старухина дочь окостенела.

Чуть свет старуха посылает мужа:

— Запрягай скорее, старый хрыч, поезжай за дочерью, привези её в злате-серебре...

Старик уехал. А собачка под столом:

— Тяф, тяф! Старикову дочь женихи возьмут, а старухиной дочери в мешке косточки везут.

Старуха кинула ей пирог:

— Не так тывкаешь! Скажи: «Старухину дочь в злате-серебре везут...»

А собачка — всё своё:

— Тяф, тяф! Старухиной дочери в мешке косточки везут...

Заскрипели ворота, старуха кинулась встречать дочь. Рогожу отвернула, а дочь лежит в санях мёртвая.

Заголосила старуха, да поздно.

(В обработке А. Н. Толстого)

1. Как падчерица разговаривала с Морозко?

2. Почему Морозко решил одарить падчерицу? Чем она ему понравилась?

3. Почему Морозко не дал подарков старухиной дочке?

ПО ЩУЧЬЕМУ ВЕЛЕНЬЮ

Русская сказка

Жил-был старик. У него было три сына: двое умных, третий дурачок Емеля. Те братья работают, а Емеля целый день лежит на печке, знать ничего не хочет.

Один раз братья уехали на базар, а бабы, невестки, давай посылать его:

— Сходи, Емеля, за водой.

А он им с печки:

— Неохота...

— Сходи, Емеля, а то братья с базара воротятся, гостинцев тебе не привезут.

— Ну ладно.

Слез Емеля с печки, обулся, оделся, взял вёдра да топор и пошёл на речку. Прорубил лёд, зачерпнул вёдра и поставил их, а сам глядит в прорубь. И увидел Емеля в проруби щуку.

Изловчился и ухватил щуку в руку:

— Вот уха будет сладка!

Вдруг щука ему человеческим голосом:

— Емеля, отпусти меня в воду, я тебе пригожусь.

А Емеля смеётся:

— На что ты мне понадобишься?.. Нет, понесу тебя домой, велю невесткам уху сварить. Будет уха сладка.

Щука взмолилась опять:

— Емеля, Емеля, отпусти меня в воду, я тебе сделаю всё, что ни пожелаешь.

— Ладно, только покажи сначала, что не обманываешь меня, тогда отпущу.

Щука его спрашивает:

— Емеля, Емеля, скажи — чего ты сейчас хочешь?

— Хочу, чтобы вёдра сами пошли домой и вода бы не расплескалась...

Щука ему говорит:

— Запомни мои слова: когда что тебе захочется — скажи только: «По щучьему веленью, по моему хотенью».

Емеля и говорит:

— По щучьему веленью, по моему хотенью — ступайте, вёдра, сами домой...

Только сказал — вёдра сами и пошли в гору. Емеля пустил щуку в прорубь, а сам пошёл за вёдрами.

Идут вёдра по деревне, народ дивится, а Емеля идёт сзади, посмеивается... Зашли вёдра в избу и сами стали на лавку, а Емеля полез на печь.

Прошло много ли, мало ли времени — невестки говорят ему:

— Емеля, что ты лежишь? Пошёл бы дров нарубил.

— Неохота...

— Не нарубишь дров, братья с базара воротятся, гостинцев тебе не привезут.

Емеле неохота слезать с печи. Вспомнил он про щуку и потихоньку говорит:

— По щучьему веленью, по моему хотенью — поди, топор, наколи дров, а дрова сами в избу ступайте и в печь кладитесь...

Топор выскочил из-под лавки — и на двор, и давай дрова колоть, а дрова сами в избу идут и в печь лезут.

Много ли, мало ли времени прошло — невестки опять говорят:

— Емеля, дров у нас больше нет. Съезди в лес, наруби.

А он им с печки:

— Да вы-то на что?

— Как — мы на что?.. Разве наше дело в лес за дровами ездить?

— Мне неохота...

— Ну, не будет тебе подарков.

Делать нечего. Слез Емеля с печи, обулся, оделся. Взял верёвку и топор, вышел на двор и сел в сани:

— Бабы, отворяйте ворота!

Невестки ему говорят:

— Что ж ты, дурень, сел в сани, а лошадь не запряг?

— Не надо мне лошади.

Невестки отворили ворота, а Емеля говорит потихоньку:

— По щучьему веленью, по моему хотенью — ступайте, сани, в лес...

Сани сами и поехали в ворота, да так быстро — на лошади не догнать. А в лес-то пришлось ехать через город, и тут он много народу помял, подавил. Народ кричит: «Держи его! Лови его!» А он знай сани погоняет. Приехал в лес:

— По щучьему

веленью, по моему хотенью — топор, наруби дровишек посуше, а вы, дровишки, сами валитесь в сани, сами вяжитесь...

Топор начал рубить, колоть сухие деревья, а дровишки сами в сани валятся и верёвкой вяжутся. Потом Емеля велел топору вырубить себе дубинку — такую, чтобы насилу поднять. Сел на воз:

— По щучьему веленью, по моему хотенью — поезжайте, сани, домой...

Сани помчались домой. Опять проезжает Емеля по тому городу, где давеча помял, подавил много народу, а там его уж дожидаются. Ухватили Емелю и тащат с возу, ругают и бьют. Видит он, что плохо дело, и потихоньку:

— По щучьему веленью, по моему хотенью — ну-ка, дубинка, обломай им бока...

Дубинка выскочила — и давай колотить. Народ кинулся прочь, а Емеля приехал домой и залез на печь.

Долго ли, коротко ли — услышал царь об Емелиных проделках и посылает за ним офицера — его найти и привезти во дворец.

Приезжает офицер в ту деревню, входит в ту избу, где Емеля живёт, и спрашивает:

— Ты — дурак Емеля?

А он с печки:

— А тебе на что?

— Одевайся скорее, я повезу тебя к царю.

— А мне неохота...

Рассердился офицер и ударил его по щеке.

А Емеля говорит потихоньку:

— По щучьему веленью, по моему хотенью — дубинка, обломай ему бока...

Дубинка выскочила — и давай колотить офицера, насилу он ноги унёс.

Царь удивился, что его офицер не мог справиться с Емелей, и посылает своего самого набольшего вельможу:

— Привези ко мне во дворец дурака Емелю, а то голову с плеч сниму.

Накупил набольший вельможа изюму, черносливу, пряников, приехал в ту деревню, вошёл в ту избу и стал спрашивать у невесток, что любит Емеля.

— Наш Емеля любит, когда его ласково попросят да красный кафтан посулят, — тогда он всё сделает, что ни попросишь.

Набольший вельможа дал Емеле изюму, черносливу, пряников и говорит:

— Емеля, Емеля, что ты лежишь на печи? Поедем к царю.

— Мне и тут тепло...

— Емеля, Емеля, у царя тебя будут хорошо кормить-поить — пожалуйста, поедем.

— А мне неохота...

— Емеля, Емеля, царь тебе красный кафтан подарит, шапку и сапоги.

Емеля подумал-подумал:

— Ну, ладно, ступай ты вперёд, а я за тобой вслед буду.

Уехал вельможа, а Емеля полежал ещё и говорит:

— По щучьему веленью, по моему хотенью — ну-ка, печь, поезжай к царю...

Тут в избе углы затрещали, крыша зашаталась, стена вылетела, и печь сама

пошла по улице, по дороге, прямо к царю...

Царь глядит в окно, дивится:

— Это что за чудо?

Набольший вельможа ему отвечает:

— А это Емеля на печи к тебе едет.

Вышел царь на крыльцо:

— Что-то, Емеля, на тебя много жалоб! Ты много народу подавил.

— А зачем они под сани лезли?

В это время в окно на него глядела царская дочь — Марья-царевна. Емеля увидал её в окошке и говорит потихоньку:

— По щучьему веленью, по моему хотенью — пускай царская дочь меня полюбит...

И сказал ещё:

— Ступай, печь, домой...

Печь повернулась и пошла домой, вошла в избу и стала на прежнее место. Емеля опять лежит-полёживает. А у царя во дворце крик да слёзы. Марья-царевна по Емеле скучает, не может жить без него, просит отца, чтобы выдал он её за Емелю замуж. Тут царь забедовал, затужил и говорит опять набольшему вельможе:

— Ступай, приведи ко мне Емелю живого или мёртвого, а то голову с плеч сниму.

Накупил набольший вельможа вин сладких да разных закусок, поехал в ту деревню, вошёл в ту избу и начал Емелю потчевать.

Емеля напился, наелся, захмелел и лёг спать. А вельможа положил его в повозку и повёз к царю.

Царь тотчас велел прикатить большую бочку с железными обручами. В неё посадили Емелю и Марью-царевну, засмолили и бочку в море бросили.

Долго ли, коротко ли — проснулся Емеля, видит — темно, тесно:

— Где же это я?

А ему отвечают:

— Скучно и тошно, Емелюшка! Нас в бочку засмолили, бросили в синее море.

— А ты кто?

— Я — Марья-царевна.

Емеля говорит:

— По щучьему веленью, по моему хотенью — ветры буйные, выкатите бочку на сухой берег, на жёлтый песок.

Ветры буйные подули. Море взволновалось, бочку выкинуло на сухой берег, на жёлтый песок. Емеля и Марья-царевна вышли из неё.

— Емелюшка, где же мы будем жить? Построй какую ни на есть избушку.

— А мне неохота.

Тут она стала его ещё пуще просить, он и говорит:

— По щучьему веленью, по моему хотенью — выстройся каменный дворец с золотой крышей...

Только он сказал — появился каменный дворец с золотой крышей. Кругом — зелёный сад: цветы цветут и птицы поют. Марья-царевна с Емелей вошли во дворец, сели у окошечка.

— Емелюшка, а нельзя тебе красавчиком стать?

Тут Емеля недолго думал:

— По щучьему веленью, по моему хотенью — стать мне добрым молодцем, писаным красавцем...

И стал Емеля таким, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

А в ту пору царь ехал на охоту и видит — стоит дворец, где раньше ничего не было.

— Это что за невежа без моего дозволения на моей земле дворец поставил?

И послал узнать-спросить: «Кто такие?»

Послы побежали, стали под окошком, спрашивают.

Емеля им отвечает:

— Просите царя ко мне в гости, я сам ему скажу.

Царь приехал к нему в гости. Емеля его встречает, ведёт во дворец, сажает за стол. Начинают они пировать. Царь ест, пьёт и не надивится:

— Кто же ты такой, добрый молодец?

— А помнишь дурачка Емелю — как приезжал к тебе на печи, а ты велел его со своей дочерью в бочку засмолить, в море бросить? Я — тот самый Емеля. Захочу — всё твоё царство пожгу и разорю.

Царь сильно испугался, стал прощенья просить:

— Женись на моей дочери, Емелюшка, бери моё царство, только не губи меня!

Тут устроили пир на весь мир. Емеля женился на Марье-царевне и стал править царством.

Тут и сказке конец, а кто слушал — молодец.

1. Какие приключения происходят с Емелей, когда он покидает дом и едет к царю?

2. Почему удача сопутствовала Емеле-дурачку, а не старшим братьям? За какие дела и поступки Емеле помогала щука? Каким чудодейственным словам она его научила в благодарность за освобождение?

Народные песни

Народная песня отражает характер каждого народа, обычаи, исторические события, отличается своеобразием жанрового содержания, музыкального языка, структуры.

В старину песня играла очень важную роль в жизни народа. Она сопровождала людей во время труда и досуга, в праздники и будни, дома и вдали от него. Песня не только веселила, ободряла и развлекала, но и помогала. Песня радовала в добрый час и утешала в ненастье.

Русская народная песня — песня, слова и музыка которой сложились исторически в ходе развития русской культуры. У народной песни нет определённого автора, или автор неизвестен.

Но народной стала и песня на стихи Ивана Захаровича Сурикова «Тонкая рябина».

И. З. Суриков

Рябина

"Что шумишь, качаясь,
Тонкая рябина,
Низко наклоняясь
Головою к тыну?"

"С ветром речь веду я
О своей невзгоде,
Что одна расту я
В этом огороде.

Грустно, сиротинка,
Я стою, качаюсь,
Что к земле былинка,
К тыну нагибаюсь.

Там, за тыном, в поле,
Над рекой глубокой,
На просторе, в воле,
Дуб растёт высокий.

Как бы я желала
К дубу перебраться;
Я б тогда не стала
Гнуться да качаться.

Близко бы ветвями
Я к нему прижалась
И с его листьями
День и ночь шепталась.

Нет, нельзя рябинке
К дубу перебраться!
Знать, мне, сиротинке,
Век одной качаться".

1. О чем мечтает рябина?

Стихи А. В. Кольцова тоже были очень близки к самым народным песням.

А. В. Кольцов

Русская песня

Светит солнышко —
Да осенью;
Цветут цветики —
Да не в пору;

А весной была
Степь жёлтая,
Тучки плавали
Без дождика.

По ночам роса
Где падала,
Поутру трава
Там сохнула.

И все пташечки,
Касаточки,
Пели грустно так
И жалобно.

А. М. Васнецов «Северный край»

И. И. Шишкин «Среди долины ровныя»

Былины

Былины — это устные народные песни-сказания о подвигах богатырей. Они создавались народом и исполнялись сказителями. Герои былин, могучие богатыри, наделены необыкновенной силой, умом, храбростью и стойкостью. Самые известные богатыри — Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алёша Попович.

Илья Муромец и Соловей-разбойник

Из того ли то из города из Мурома,
 Из того села да Карачарова
 Выезжал удаленький дородный добрый молодец.
 Он стоял заутреню во Муроме,
 А й к *обеденке* поспеть хотел он в стольный Киев-град.
 Да й подъехал он ко славному ко городу к Чернигову.
 У того ли города Чернигова
 Нагнано-то силушки черным-черно,
 А й черным-черно, как черна ворона.
 Так *пехотою* никто тут не прохаживат,
 Па добром коне никто тут не проезживат,
 Птица черный ворон не пролётыват,
 Серый зверь да не прорыскиват.
 А подъехал как ко силушки великой,
 Он как стал-то эту силушку великую,
 Стал конём топтать да стал копьём колоть,
 А й побил он эту силу всю великую.
 Он подъехал-то под славный под Чернигов-град,
 Выходили мужички да тут черниговски
 И отворяли-то ворота во Чернигов-град,
 А й зовут его в Чернигов воеводою.
 Говорит-то им Илья да таковы слова:
 Ай же, мужички да вы черниговски!
 Я не йду к вам во Чернигов воеводою.
 Укажите мне дорожку прямоезжую,
 Прямоезжую да в стольный Киев-град.
 Говорили мужички ему черниговски:
 Ты, удаленький дородный добрый молодец,
 Ай ты, славный богатырь да святорусский!

Прямоезжая дорожка *заколодела*,
Заколодела дорожка, замуравела.
А й по той ли по дорожке прямоезжею
Да й пехотою никто да не прохаживал,
На добром коне никто да не проезживал.
Как у той ли то у Грязи-то у Чёрной,
Да у той ли у берёзы у *покляпыя*,
Да у той ли речки у Смородины...
Сидит Соловей Разбойник на сыром дубу,
Сидит Соловей Разбойник Одихмантьев сын.
А то свищет Соловей да по-соловьему,
Он кричит, злодей-разбойник, по-звериному.
И от его ли то от посвиста соловьего,
И от его ли то от покрика звериного
Те все травушки-муравы уплетаются,
Все лазоревы цветочки осыпаются,
Тёмны лесушки к земле все приклоняются, —
А что есть людей — то все мертвы лежат.
Прямоезжею дороженькой — пятьсот есть верст,
А й окольной дорожкой — целая тысяча.
Он спустил добра коня да й богатырского,
Он поехал-то дорожкой прямоезжею.
Его добрый конь да богатырский
С горы на гору стал перескакивать,
С холмы на холмы стал перемахивать,
Мелки реченьки, озёрка промеж ног пускал.
Подъезжает он ко речке ко Смородине,
Да ко тоей он ко Грязи он ко Чёрной,
Да ко тою ко берёзе ко *покляпыя*...
Засвистал-то Соловей да по-соловьему,
Закричал злодей-разбойник по-звериному —
Так все травушки-муравы уплетались,
Да й лазоревы цветочки осыпались,
Тёмны лесушки к земле все приклонились.
Его добрый конь да богатырский
А он на корни да спотыкается...
А й тут старыя казак да Илья Муромец

Да берёт-то он свой тугой лук *разрывчатый*,
 Во свой берет во белы он во ручушки,
 Он тетивочку шелковеньку натягивал,
 А он стрелочку калёную накладывал,
 Он стрелил в того-то Соловья Разбойника,
 Ему выбил право око со *косуцею*,
 Он спустил-то Соловья да на сыру землю,
 Пристегнул его ко правому ко стремячку булатному,
 Он повёз его по славну по чисту полю...
 Он приехал-то во славный стольный Киев-град
 А ко славному ко князю на широкий двор.

Воевода — правитель города или начальник войска на Руси.

Захолодела (дорожка) — дорога завалена стволами упавших деревьев (колодами).

Замураветь — зарости травой.

Заутреня — утренняя церковная служба.

Косуца — висок.

Обедня — дневная церковная служба.

Пехотою — здесь: пешком.

Покляпыя — пригнутая книзу, искривлённая.

Разрывчатый — упругий, тугой лук.

1. Почему народ воспекает подвиги Ильи Муромца и сохраняет добрую память о нём?

2. Каким вы представляете Илью Муромца? Расскажите.

3. Какой вред причинял людям Соловей Разбойник?

4. Что заставило Илью Муромца отправиться в Киев-град самой опасной дорогой? Объясните.

В былинах часто встречаются *гиперболы*.

Гипербола — это художественное преувеличение. Сила былинных богатырей преувеличивается, таким образом подчёркивается их могущество.

В. М. Васнецов «Богатырский скак»

Рассмотрите репродукцию картины В. М. Васнецова «Богатырский скак». Найдите и прочитайте отрывок, который к ней подходит.

**Картины природы
в творчестве поэтов и писателей
XIX века**

Ф. И. Тютчев

Весенняя гроза

Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний, первый гром,
Как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом.

Гремят раскаты молодые,
Вот дождик брызнул, пыль летит,
Повисли перлы дождевые,
И солнце нити золотит.

С горы бежит поток проворный,
В лесу не молкнет птичий гам,
И гам лесной, и шум нагорный —
Всё вторит весело громам.

Ты скажешь: ветреная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила.

Перлы – жемчужины.

Зевс – верховный греческий бог, бог дождя, грозы и молний.

Геба – греческая богиня вечной юности. Она подносила богам во время пиров напиток бессмертия.

1. Чем понравилось вам это стихотворение?

2. Прислушайтесь к его звучанию. Можно ли услышать, как грохочет гром?

3. Прочитайте первую строфу. Какие согласные звуки в ней повторяются?

4. Какие средства художественной выразительности использует автор для создания образа весенней грозы?

И. С. Никитин

Утро

Звёзды меркнут и гаснут. В огне облака.
 Белый пар по лугам расстилается.
 По зеркальной воде, по кудрям лозняка
 От зари алый свет разливается.

Дремлет чуткий камыш. Тишь — безлюдье
 вокруг.

Чуть приметна тропинка росистая.
 Куст заденешь плечом — на лицо тебе вдруг
 С листьев брызнет роса серебристая.

Потянул ветерок, воду морщит-рябит.
 Пронеслись утки с шумом и скрылися.
 Далеко-далеко колокольчик звенит.
 Рыбаки в шалаше пробудились,

Сняли сети с шестов, вёсла к лодкам несут...
 А восток все горит-разгорается.
 Птички солнышка ждут, птички песни поют,
 И стоит себе лес, улыбается.

Вот и солнце встаёт, из-за пашен блестит,
 За морями ночлег свой покинуло,
 На поля, на луга, на макушки раkit
 Золотыми потоками хлынуло.

Едет пахарь с сохой, едет — песню поёт;
 По плечу молодцу всё тяжёлое...
 Не боли ты, душа! отдохни от забот!
 Здравствуй, солнце да утро весёлое!

1. Как изображено поэтом пробуждение жизни в природе и среди людей?
2. Какой пейзаж изображен в стихотворении – городской или сельский?
 Чьими глазами увиден пейзаж?

А.Н. Майков

Весна

Уходи, зима седая!
Уж красавицы Весны
Колесница золотая
Мчится с горной вышины!

Старой спорить ли, тщедушной,
С ней — царицею цветов,
С целой армией воздушной
Благовонных ветерков!

А что шума, что гуденья,
Тёплых ливней и лучей,
И чиликанья, и пенья!..
Уходи себе скорей!

У неё не лук, не стрелы,
Улыбнулась лишь — и ты,
Подобрав свой саван белый,
Поползла в овраг, в кусты!..

Да найдут и по оврагам!
Вон — уж пчёл рои шумят,
И летит победным флагом
Пёстрых бабочек отряд!

- ?
1. Похоже ли это стихотворение на сказку?
 2. Кто кому противопоставлен в стихотворении? Какой изображена Весна? А как изображена Зима?

Ф. И. Тютчев

* * *

Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора —
Прозрачный воздух, день хрустальный,
И лучезарны вечера...

Где бодрый серп гулял и падал колос,
Теперь уж пусто всё — простор везде, —
Лишь паутины тонкий волос
Блестит на праздной борозде...

Пустеет воздух, птиц не слышно боле,
Но далеко ещё до первых зимних бурь —
И льётся чистая и тёплая *лазурь*
На отдыхающее поле...

Борозда — углубление (канавка) между грядками; след от плуга.
Лазурь — светло-синий, небесный цвет.

1. Какие чувства вызывает у вас это стихотворение?
2. Почему автор называет осень дивной? Какие слова передают его удивление и восхищение?
3. Какие слова использует поэт, характеризуя поле, небо?

Стихотворение состоит из строк. Сочетание двух или нескольких стихотворных строк, объединённых рифмой или интонацией, называется *строфой*. В зависимости от количества строк строфы называются *двустихием*, *трёхстишием*, *четверостишием* и так далее.

Ф. И. Тютчев

* * *

В небе тают облака,
И, лучистая на зное,
В искрах катится река,
Словно зеркало стальное...

Час от часу жар сильней,
Тень ушла к немym дубровам,
И с белеющих полей
Веет запахом медовым.

Чудный день! Пройдут века —
Так же будут, в вечном строе,
Течь и искриться река
И поля дышать на зное.

1. Какое время года описывает поэт?
2. С чем автор сравнивает реку? Прочитайте.
3. Сколько строф в стихотворении? Сколько строк в строфе? Как называется такая строфа?
4. Найдите рифмы. Прочитайте.

А.Н. Майков

Осень

Кроет уж лист золотой
Влажную землю в лесу...
Смело топчу я ногой
Вешнюю леса красу.

С холоду щёки горят;
Любо в лесу мне бежать,
Слышать, как сучья трещат,
Листья ногой загребать!

Нет мне здесь прежних утех!
Лес с себя тайну совлёк:
Сорван последний орех,
Свянул последний цветок;

Мох не приподнят, не взрыт
Грудой кудрявых груздей;
Около пня не висит
Пурпур брусничных кистей;

Долго на листьях лежит
Ночи мороз, и сквозь лес
Холодно как-то глядит
Ясность прозрачных небес...

Пурпур – тёмно-красный или ярко-красный цвет.

1. Какие чувства переданы в стихотворении? Изменяется ли настроение? Почему? Объясните.
2. Перечитайте стихотворение. Какие строки вызывают у вас радость? Какие грусть?

А. А. Фет

Осень

Ласточки пропали,
А вчера зарёй
Всё грачи летали
Да как сеть мелькали
Вон над той горой.

С вечера всё спится,
На дворе темно.
Лист сухой валится,
Ночью ветер злится
Да стучит в окно.

Лучше б снег да вьюгу
Встретить грудью рад!
Словно как с испугу,
Раскричавшись, к югу
Журавли летят.

Выйдешь — поневоле,
Тяжело — хоть плачь!
Смотришь — через поле
Перекати-поле
Прыгает, как мяч.

- ❓ 1. Какая пора осени описана в стихотворении А. Фета? Нравится ли она поэту? Какие строки прямо указывают на это?
2. О чём мечтает поэт?
3. Какие чувства надо передать при чтении: грусть, печаль, недовольство, радость?

Н. А. Некрасов

Славная осень! Здоровый, ядрёный
Воздух усталые силы бодрит;
Лёд неокрепший на речке студёной
Словно как тающий сахар лежит:
Около леса, как в мягкой постели,
Выспаться можно — покой и простор! —
Листья поблёкнуть ещё не успели,
Жёлты и свежи лежат, как ковёр.
Славная осень! Морозные ночи,
Ясные, тихие дни...

Ядрёный - свежий и чистый, бодрящий.

- ❓ 1. Какое настроение создаёт стихотворение Н. Некрасова «Славная осень!..»? Нравится ли осень поэту? Из каких слов это видно?
2. Опишите картину, которая возникла в вашем воображении.

А.А. Фет

Кот поёт, глаза прищуря

Кот поёт, глаза прищуря,
Мальчик дремлет на ковре,
Па дворе играет буря,
Ветер свищет на дворе.

Полно тут тебе валяться,
Спрячь игрушки да вставай!
Подойди ко мне прощаться,
Да и спать себе ступай».

Мальчик встал. А кот глазами
Поводил и всё поёт;
В окна снег валит клоками,
Буря свищет у ворот.

? Какую картину создаёт поэт? Какие слова о говорят о покое в доме? А какие о состоянии природы?

Н. А. Некрасов

«Однажды в студёную зимнюю пору...»

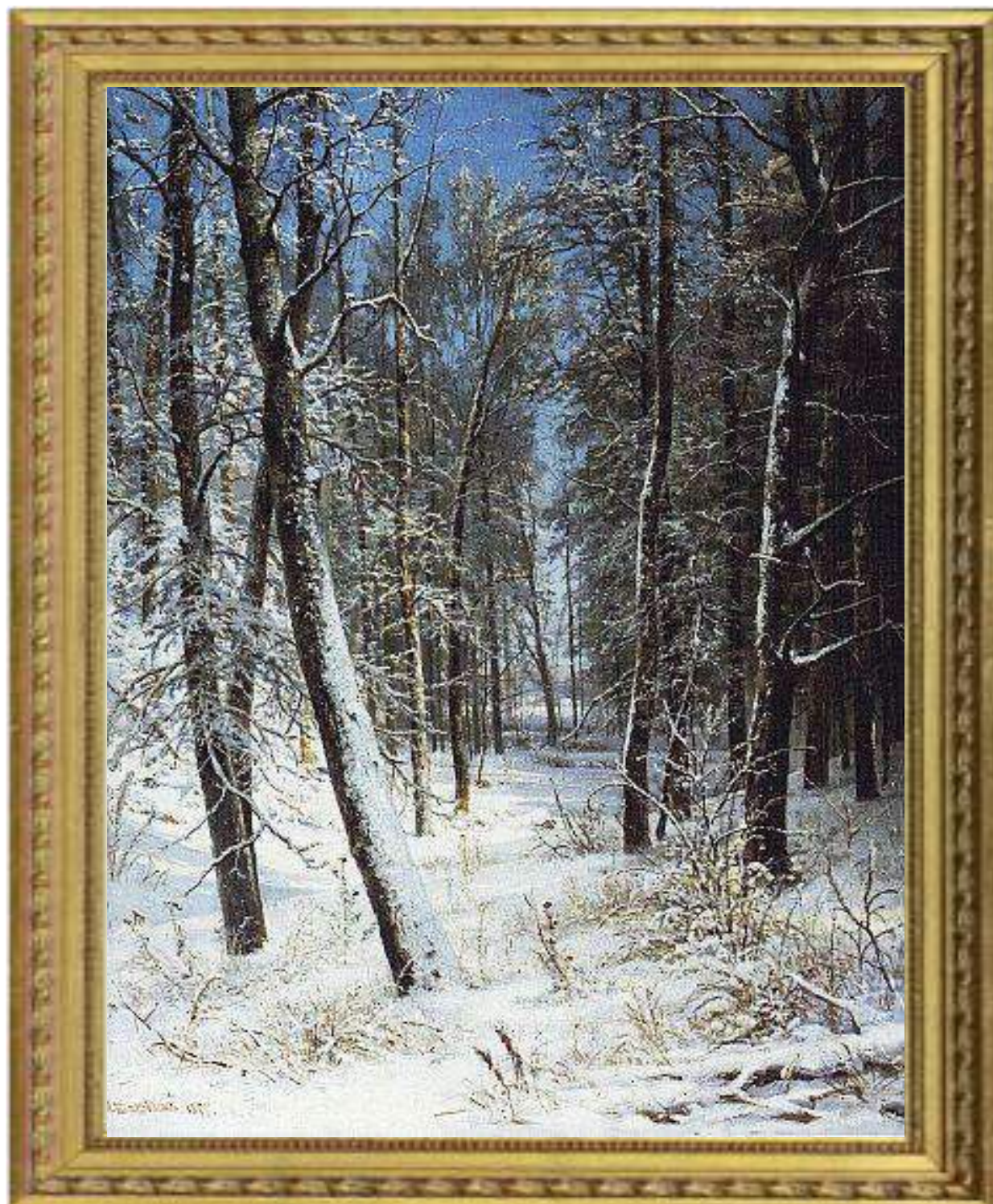
Однажды в студёную зимнюю пору
Я из лесу вышел; был сильный мороз.
Гляжу, поднимается медленно в гору
Лошадка, везущая хворосту воз.
И шествуя важно, в спокойствии чинном,
Лошадку ведёт под уздцы мужичок.
В больших сапогах, в полушубке овчинном,
В больших рукавицах... а сам с ноготок!
— Здорово, парнище! — Ступай себе мимо!
— Уж больно ты грозен, как я погляжу!
Откуда дровишки? — Из лесу, вестимо,
Отец, слышишь, рубит, а я отвожу.
(В лесу раздавался топор дровосека.)
— А что, у отца-то большая семья?
— Семья-то большая, да два человека
Всего мужиков-то: отец мой да я...
— Так вон оно что! А как звать тебя? — Власом.
— А кой тебе годик? — Шестой миновал...
— Ну, мёртвая! — крикнул малюточка басом,
Рванул под уздцы и быстрее зашагал.

1. Когда происходило действие? Прочитайте.
2. Как Н. А. Некрасов говорит о крестьянском мальчике? Подтвердите ответ словами из текста.
3. Как разговаривает мальчик с прохожим? С какой интонацией? Почему?
4. Каким вы представляете Власа? Какие слова говорят о том, что мальчик считает себя взрослым?

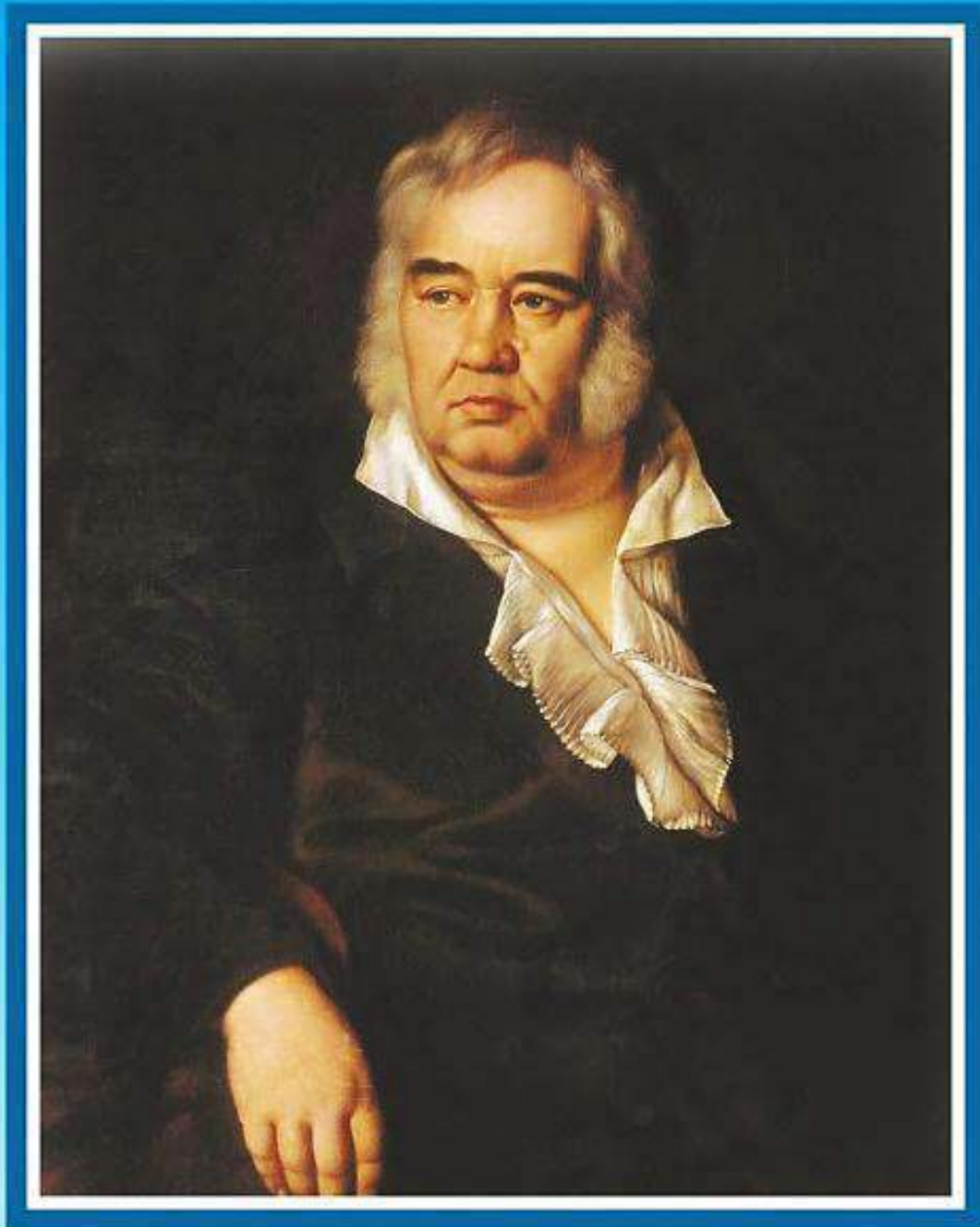
К. Ф. Юон «Мартовское солнце»

И. И. Шишкин «Зима в лесу»

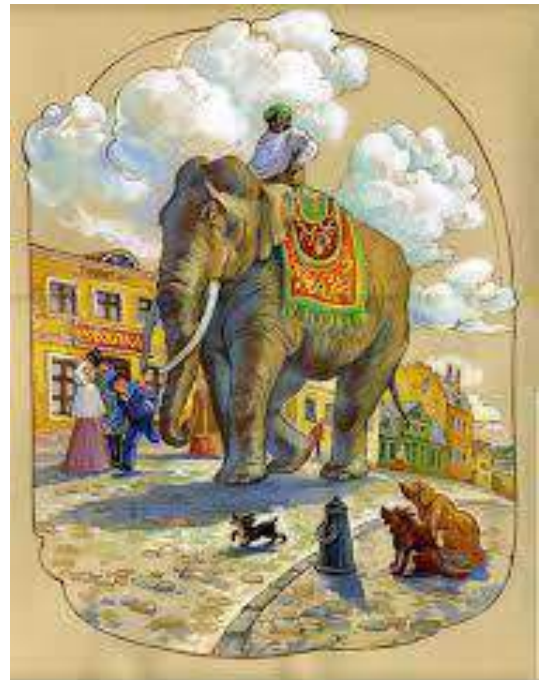
И. И. Шишкин «Дождь в дубовом лесу».

Крылов
Иван Андреевич
(1769 - 1844)

И.А.Крылов
Слон и Моська

По улицам Слона водили,
 Как видно напоказ —
 Известно, что Слоны в диковинку у нас —
 Так за Слоном толпы зевак ходили.
 Отколе ни возьмись, навстречу Моська им.
 Увидевши Слона, ну на него метаться,
 И лаять, и визжать, и рваться,
 Ну, так и лезет в драку с ним.
 «Соседка, перестань срамиться»,
 Ей шавка говорит:
 «тебе ль с Слоном возиться?
 Смотри, уж ты хрипишь,
 а он себе идёт
 Вперёд
 И лаю твоего совсем не примечает». —
 «Эх, эх!» ей Моська отвечает:
 «Вот то-то мне и духу придаёт,
 Что я, совсем без драки,
 Могу попасть в большие забияки.
 Пускай же говорят собаки:
 «Ай, Моська! знать она сильна,
 Что лает на Слона!»

Напоказ — для обозрения

Зеваки — тот, кто слоняется по улицам без дела

1. Чего хотела достичь Моська своим лаем на Слона?

2. Какую черту характера человека высмеивает И.А. Крылов в этой басне?

3. Когда в жизни можно употребить слова: “Ай, Моська! Знать, она сильна, что лает на Слона!”?

Чиж и Голубь

Чижа захлопнула злодейка-западня:
Бедняжка в ней и рвался, и метался,
А Голубь молодой над ним же издевался.
«Не стыдно ль, — говорит, — средь бела дня
Попался!
Не провели бы так меня:
За это я ручаюсь смело».

Ан, смотришь, тут же сам запутался в силок.
И дело!
Вперёд чужой беде не смейся, Голубок.

1. Нравится ли вам Голубь? Почему?
2. Есть ли в басне главная мысль, нравоучение, наставление?

Лисица и виноград

Голодная кума Лиса залезла в сад;
В нём винограду кисти *рделись*.
У кумушки глаза и зубы разгорелись,
А кисти сочные, как *яхонты*, горят;
Лишь то беда, висят они высоко:
Отколь и как она к ним ни зайдёт, Хоть видит око,
Да зуб *неймёт*.
Пробившись попусту час целой,
Пошла и говорит с досадою: «Ну, что ж!
На взгляд-то он хорош,
Да зелен — ягодки нет зрелой:
Тотчас оскомину набьёшь».

Неймёт — не берёт.
Отколь — откуда.
Рдеться — краснеть.
Яхонт — драгоценный камень.

1. Как баснописец говорит о Лисе? Как описывает виноград? Прочитайте.

Иван Андреевич Крылов часто черпал сюжеты своих басен из сказок разных народов о животных или из древних басен. Самым известным баснописцем древности был Эзоп.

Эзоп

Ворон и лисица

Ворон унёс кусок мяса и уселся на дереве. Лисица увидела, и захотелось ей заполучить это мясо. Стала она перед вороном и принялась его расхваливать: уж и велик он, и красив, и мог бы получше других стать царём над птицами, да и стал бы, конечно, будь у него ещё и голос. Ворону и захотелось показать ей, что есть у него голос. Выпустил он мясо и закаркал громким голосом.

А лисица подбежала, ухватила мясо и говорит:

-Эх, ворон, кабы у тебя ещё и ум был в голове, ничего бы тебе больше не требовалось, чтоб царствовать.

1. Можно ли прочитать по ролям басню Эзопа?
2. Могут ли последние строчки басни служить её выводом? Похожа ли мораль басни Крылова на мораль басни Эзопа?
3. Какие слабости, отрицательные качества характера подводят Ворона и Ворону в обеих баснях?

Эзоп

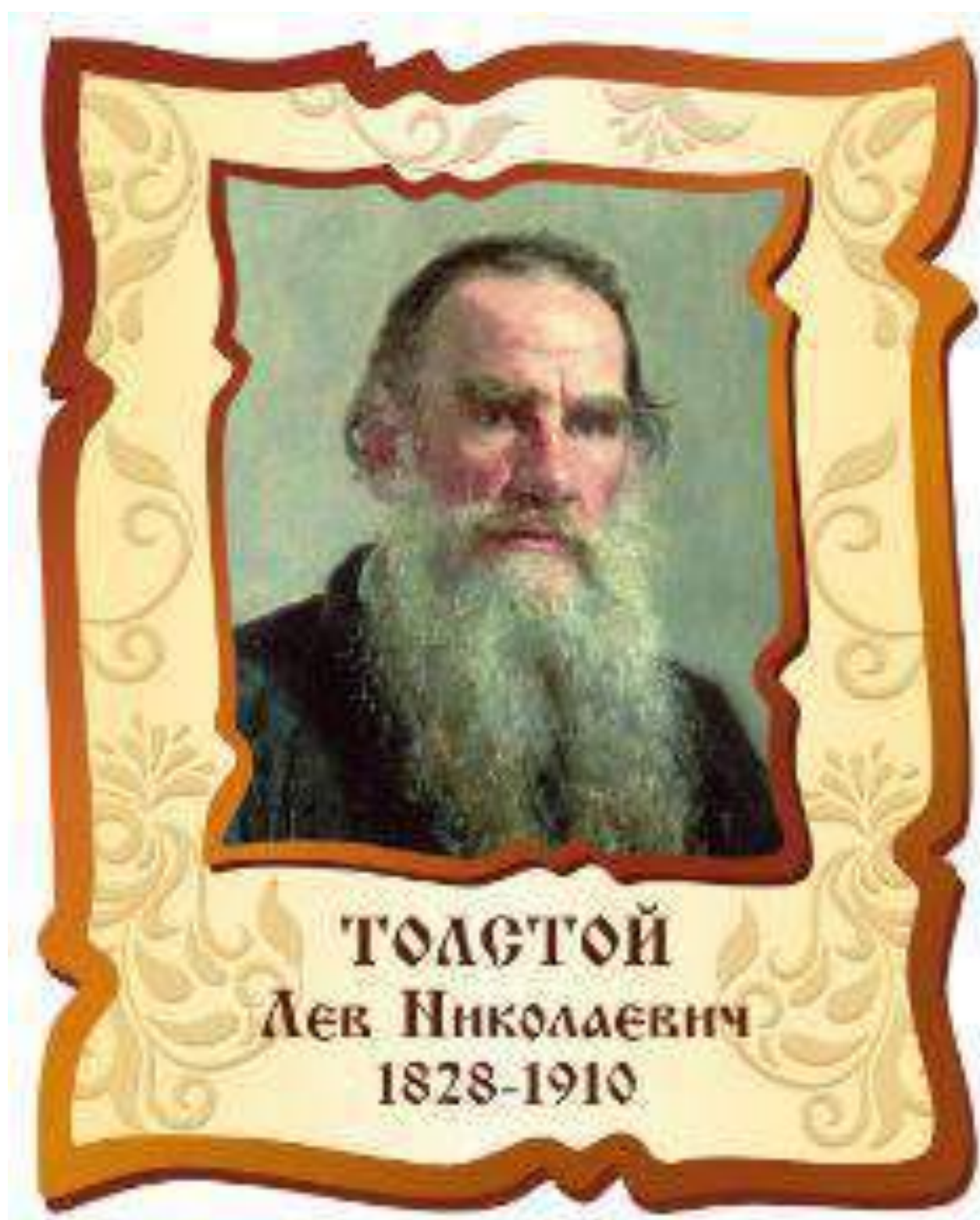
Лисица и виноград

Голодная лисица увидела виноградную лозу со свисающими гроздьями и хотела до них добраться, да не смогла; и, уходя прочь, сказала сама себе: «Они ещё зелёные!»

Так и у людей: иные не могут добиться успеха по причине того, что сил нет, а винят в этом обстоятельства.

1. Объясни смысл выражения «винить обстоятельства».
2. Сравните басни И. А. Крылова и Эзопа:
 - 1) Как представляют своих героев баснописцы
 - 2) В какой басне Лиса показана хитрее? Подтвердите словами из текста.
 - 3) В какой форме написана каждая басня?
 - 4) В какой басне мораль высказана прямо, а в какой подразумевается?

Лев и собачка

Быль

В Лондоне показывали диких зверей и за смотренье брали деньгами или собаками и кошками на корм диким зверям.

Одному человеку захотелось поглядеть зверей; он ухватил на улице собачонку и принёс её в зверинец. Его пустили смотреть, а собачонку взяли и бросили в клетку ко льву на съедение.

Собачка поджала хвост и прижалась в угол клетки. Лев подошёл к ней и понюхал её.

Собачка легла на спину, подняла лапки и стала махать хвостиком.

Лев тронул её лапой и перевернул.

Собачка вскочила и стала перед львом на задние лапки.

Лев смотрел на собачку, поворачивал голову со стороны на сторону и не трогал её.

Когда хозяин бросил льву мяса, лев оторвал кусок и оставил собачке.

Вечером, когда лев лёг спать, собачка легла подле него и положила свою голову ему на лапу.

С тех пор собачка жила в одной клетке со львом. Лев не трогал её, ел корм, спал с ней вместе, а иногда играл с ней.

Один раз барин пришёл в зверинец и узнал свою собачку; он сказал, что собачка его собственная, и попросил хозяина зверинца отдать ему. Хозяин хотел отдать, но, как только стали звать собачку, чтобы взять её из клетки, лев ошетинился и зарычал.

Так прожили лев и собачка целый год в одной клетке. Через год собачка заболела и издохла. Лев перестал есть, а всё нюхал, лизал собачку и трогал её лапой.

Когда он понял, что она умерла, он вдруг вспрыгнул, ошетинился, стал хлестать себя хвостом по бокам, бросился на стену клетки и стал грызть засовы и пол.

Целый день он бился, метался по клетке и ревел, потом лёг подле мёртвой собачки и затих. Хозяин хотел унести мёртвую собачку, но лев никого не подпускал к ней.

Хозяин думал, что лев забудет своё горе, если ему дать другую собачку, и пустил к нему в клетку живую собачку; но лев тотчас разорвал её на куски. Потом он обнял своими лапами мёртвую собачку и так лежал пять дней.

На шестой день лев умер.

1. Какое впечатление произвёл на вас рассказ Л. Толстого «Лев и собачка»? Что вас удивило, заставило волноваться?
2. Что вы можете сказать о собачке? Что делала она, когда попала в клетку к льву?
3. Почему лев умер? Какие строки говорят о большой привязанности льва к маленькой собачке? Перечитайте их.
4. Как вы думаете, этот рассказ о реальных событиях или его сюжет родился в воображении автора?

Лебеди

Лебеди стадом летели из холодной стороны в тёплые земли. Они летели через море. Они летели день и ночь, и другой день и другую ночь они летели, не отдыхая, над водою. На небе был полный месяц, и лебеди внизу под собой видели синеющую воду.

Все лебеди утомились, махая крыльями; но они не останавливались и летели дальше. Впереди летели старые, сильные лебеди, сзади летели те, которые были моложе и слабее.

Один молодой лебедь летел позади всех. Силы его ослабели.

Он взмахнул крыльями и не мог лететь дальше. Тогда он, распутив крылья, пошёл вниз. Он ближе и ближе спускался к воде, а товарищи

его дальше и дальше белелись в месячном свете. Лебедь опустил на воду и сложил крылья. Море всколыхнулось под ним и покачало его.

Стадо лебедей виднелось белой чертой на светлом небе. И чуть слышно было в

тишине, как звенели их крылья. Когда они совсем скрылись из виду, лебедь загнул шею назад и закрыл глаза.

Он не шевелился, и только море, поднимаясь и опускаясь широкой полосой, поднимало и опускало его.

Перед зарёй лёгкий ветерок стал колыхать море. И вода плескала в белую грудь лебедя. Лебедь открыл глаза. На востоке краснела заря, и месяц и звёзды стали бледнее.

Лебедь вздохнул, вытянул шею и взмахнул крыльями, приподнялся и полетел, цепляясь крыльями по воде. Он поднимался выше и выше и полетел один над тихо колыхавшимися волнами.

1. Какие чувства вы испытывали, когда читали рассказ Л. Толстого? Какие картины возникали в вашем воображении во время чтения рассказа?
2. Объясните, почему в третьем предложении писатель использует повторы.

Зайцы

Зайцы лесные по ночам кормятся корою деревьев, зайцы полевые — озимыми и травой, гуменники — хлебными зёрнами на гумнах. За ночь зайцы прокладывают по снегу глубокий, видный след. До зайцев охотники — и люди, и собаки, и волки, и лисицы, и вороны, и орлы. Если бы заяц ходил просто и прямо, то поутру его сейчас бы нашли по следу и поймали; но заяц труслив, и трусость спасает его.

Заяц ходит ночью по полям и лесам без страха и прокладывает прямые следы; но как только приходит утро, враги его просыпаются: заяц начинает слышать то лай собак, то визг саней, то голоса мужиков, то треск волка по лесу и начинает от страха метаться из стороны в сторону. Проскачет вперёд, испугается чего-нибудь — и побежит назад по своему следу. Ещё услышит что-нибудь — и со всего размаха прыгнет в сторону и поскачет прочь от прежнего следа. Опять стукнет что-нибудь — опять заяц повернётся назад и опять поскачет в сторону. Когда светло станет, он ляжет.

Наутро охотники начинают разбирать заячий след, путаются по двойным следам и далёким прыжкам и удивляются хитрости зайца. А заяц и не думал хитрить. Он только всего боится.

Гуменник - заяц-русак, который кормится зёрнами на гумнах.

Гумно — сарай для сжатого хлеба.

1. Как описывается полёт лебедей? Прочитайте.

2. Какие слова повторяются? Подумайте, зачем автор использует приём повтора.

3. Как море приняло уставшего лебедя? Подтвердите словами из текста.

Ореховая ветка

Сказка

Жил один богатый купец и было у него три дочери. Собрался он ехать за товаром и спросил у дочерей, что им привезти. Старшая просила бусы, вторая просила колечко, а меньшая говорит: «Мне ничего не нужно; если вспомнишь про меня, то привези ореховую ветку».

Купец уехал, сделал свои дела и купил старшей дочери бусы, второй колечко. Едет он уже назад через большой лес и вспоминает, что меньшая ничего не просила, только ореховую ветку. Слез с повозки и пошел сорвать ореховую ветку. Вдруг видит он, на кусте ореховая ветка, и непростая, а на ней золотые орехи. Купец и думает: «Вот и моей меньшей умнице подарок». Нагнул ветку и сломил.

Вдруг откуда ни взялся медведь, схватил купца за руку и говорит: «Ты как смел мою ветку ломать? Теперь я тебя съем». Купец испугался и говорит: «Я бы не взял ветки, да меньшая дочь просила меня».

Медведь и говорит: «Иди же домой, но помни: тот, кто тебя дома первый встретит, того ты мне отдай».

Купец обещался, и медведь отпустил его. Купец поехал дальше и приехал домой.

Только въехал во двор, бежит навстречу его любимая меньшая дочь. Купец вспомнил, что он обещал медведю того, кто его первый встретит и так и обмер. Рассказал купец всё, что с ним было и что надо меньшую дочь медведю отдать. Стали все плакать. А мать говорит: «Не плачьте, я знаю что делать. Когда медведь придёт за нашей дочкой, мы нарядим пастухову дочь и отдадим её вместо

своей».

Раз сидят все дома и видят, что едет на двор карета. Стали смотреть. Видят: из кареты вышел медведь. Вошёл медведь к купцу и говорит: «Давай дочь». Купец не знает, что сказать. А мать догадалась, снарядила пастухову дочь и привела медведю. Медведь посадил её в карету и поехал. Только отъехали, медведь зарычал и хотел съесть пастухову дочь. Тогда она призналась, что она пастухова, а не купцова дочь.

Медведь вернулся к купцу и говорит: «Ты меня обманул, давай настоящую дочь». Поплакали, одели дочь, простились с нею и отдали медведю.

Медведь посадил её в карету и поехал. Ехали они, ехали, приехали в большой лес и остановились.

Медведь вылез из кареты и сказал: «Вот наш дом, иди за мной». Медведь влез в яму, девочка пошла за ним.

Потом отворил медведь большую дверь и ввёл девочку в тёмный подвал и говорит: «Иди за мной». Девочка дрожала от страха и думала, что ей конец пришёл, а всё-таки шла за медведем. Вдруг затрещало что-то, как гром, стало светло, и девочка видит, что она не в подвале, а в богатом дворце; светло, музыка играет, и нарядные люди её встречают и ей кланяются, а рядом с ней молодой князь. Князь подошёл к ней и сказал: «Я не медведь, а князь и хочу на тебе жениться».

Тогда послали за отцом и матерью, позвали гостей и сыграли свадьбу. Жили они счастливо и всегда берегли ореховую ветку

1. Какие просьбы были у дочерей?
2. Есть ли в сказке Л. Н. Толстого волшебные чудеса, превращения? Какая это сказка?
3. Найдите описание ореховой ветки. Прочитайте его.
- 4 Объясните пословицу «Уговор дороже денег».

Белка и волк

Басня

Белка прыгала с ветки на ветку и упала прямо на сонного волка. Волк вскочил и хотел её съесть. Белка стала просить:

– Пусти меня.

Волк сказал:

– Хорошо, я пущу тебя, только ты скажи мне, отчего вы, белки, так веселы. Мне всегда скучно, а на вас смотришь, вы там вверху всё играете и прыгаете.

Белка сказала:

– Пусти меня прежде на дерево, я оттуда тебе скажу, а то я боюсь тебя.

Волк пустил, а белка ушла на дерево и оттуда сказала:

– Тебе скучно оттого, что ты зол. Тебе злость сердце жжёт. А мы веселы оттого, что мы добры и никому зла не делаем.

1. Почему волк отпустил белку? Прочитайте.
2. Какими вы представляете героев басни. Расскажите.
3. Найдите и прочитайте мораль басни. Объясни те её смысл.

Д. Н. Мамин-Сибиряк

Сказка про Воробья Воробеича

Воробей Воробеич и Ёрш Ершович жили в большой дружбе. Каждый день летом Воробей Воробеич прилетал к речке и кричал:

- Эй, брат, здравствуй! Как поживаешь?

- Ничего, живём помаленьку, - отвечал Ёрш Ершович. - Иди ко мне в гости. У меня, брат, хорошо в глубоких местах. Вода стоит тихо, всякой водяной травки сколько хочешь. Угощу тебя лягушачьей икрой, червячками, водяными козявками.

- Спасибо, брат! С удовольствием пошёл бы я к тебе в гости, да воды боюсь. Лучше уж ты прилетай ко мне в гости на крышу. Я тебя, брат, ягодами буду угощать - у меня целый сад, а потом раздобудем и корочку хлебца, и овса, и сахару, и живого комарика. Ты ведь любишь сахар?

- Какой он?

- Белый такой.

- Как у нас гальки в реке?

- Ну вот. А возьмёшь в рот - сладко. Твою гальку не съешь. Полетим сейчас на крышу?

- Нет, я не умею летать, да и задыхаюсь на воздухе. Вот лучше на воде поплаваем вместе. Я тебе всё покажу.

Воробей Воробеич пробовал заходить в воду, - по колени зайдёт, а дальше страшно делается. Так-то и утонуть можно! Напьётся Воробей Воробеич светлой речной водицы, а в жаркие дни покупается где-нибудь на мелком месте, почистит перышки - и опять к себе на крышу. Вообще жили они дружно и любили поговорить о разных делах.

- Как это тебе не надоест в воде сидеть? - часто удивлялся Воробей Воробеич. - Мокро в воде, - ещё простудишься.

Ёрш Ершович удивлялся в свою очередь:

- Как тебе, брат, не надоест летать? Вон как жарко бывает на солнышке: как раз задохнёшься. А у меня всегда прохладно. Плавай себе сколько хочешь. Небось, летом все ко мне в воду лезут купаться.

А на крышу кто к тебе пойдёт?

- И ещё как ходят, брат! У меня есть большой приятель - трубочист Яша. Он постоянно в гости ко мне приходит. И весёлый такой трубочист, - всё песни поёт. Чистит трубы, а сам напевает. Да ещё присядет на самый конёк отдохнуть, достанет хлебца и закусывает, а я крошки подбираю. Душа в душу живём. Я ведь тоже люблю повеселиться.

У друзей и неприятности были почти одинаковые. Например, зима: как зяб бедный Воробей Воробеич! Ух, какие холодные дни бывали! Кажется, вся душа готова вымерзнуть. Наохлится Воробей Воробеич, подберёт под себя ноги, да и сидит. Одно только спасенье - забраться куда-нибудь в трубу и немного погреться. Но и тут беда.

Раз Воробей Воробеич чуть-чуть не погиб благодаря своему лучшему другу - трубочисту. Пришёл трубочист да как спустит в трубу свою чугунную гирю с помелом, - чуть-чуть голову не проломил Воробью Воробеичу. Выскочил он из трубы весь в саже, хуже трубочиста, и сейчас браниться:

- Ты это что же, Яша, делаешь-то? Ведь так можно и до смерти убить.

- А я почём же знал, что ты в трубе сидишь?

- А будь вперёд осторожнее. Если бы я тебя чугунной гирей по голове стукнул, разве это хорошо?

Ершу Ершовичу тоже по зимам приходилось не сладко. Он забирался куда-нибудь поглубже в омут и там дремал по целым дням. И темно, и холодно, и не хочется шевелиться. Изредка он подплывал к проруби, когда звал Воробей Воробеич. Подлетит к проруби воды напиться и крикнет:

- Эй, Ёрш Ершович, жив ли ты?

- Жив, - сонным голосом откликается Ёрш Ершович. - Только всё спать хочется. Вообще скверно. У нас все спят.

- И у нас тоже не лучше, брат! Что делать, приходится терпеть. Ух, какой злой ветер бывает! Тут, брат, не заснёшь. Я всё на одной ножке прыгаю, чтобы согреться. А люди смотрят и говорят: "Посмотрите, какой весёленький воробушек!" Ах, только бы дожждаться тепла. Да ты уж опять, брат, спишь?

А летом опять свои неприятности. Раз ястреб версты две гнался за Воробьем Воробеичем, и тот едва успел спрятаться в речной осоке.

- Ох, едва жив ушёл! - жаловался он Ершу Ершовичу, едва переводя дух. - Вот разбойник-то! Чуть-чуть не сцапал, а там бы поминай, как звали.

- Это вроде нашей щуки, - утешал Ёрш Ершович. - Я тоже недавно чуть-чуть не попал ей в пасть. Как бросится за мной, точно молния. А я выплыл с другими рыбками и думал, что в воде лежит полено, а как это полено бросится за мной. Для чего только эти щуки водятся? Удивляюсь и не могу понять.

- И я тоже. Знаешь, мне кажется, что ястреб когда-нибудь был щукой, а щука была ястребом. Одним словом, разбойники.

Да, так жили да поживали Воробей Воробеич и Ёрш Ершович, зябли по зимам, радовались летом; а весёлый трубочист Яша чистил свои трубы и попевал песенки. У каждого своё дело, свои радости и свои огорчения.

Однажды летом трубочист кончил свою работу и пошёл к речке смыть с себя сажу. Идёт да посвистывает, а тут слышит - страшный шум. Что такое случилось? А над рекой птицы так и вьются: и утки, и гуси, и ласточки, и бекасы, и вороны, и голуби. Все шумят, орут, хохочут - ничего не разберёшь.

- Эй вы, что случилось? - крикнул трубочист.

- А вот и случилось, - чиликнула бойкая синичка. - Так смешно, так смешно! Посмотри, что наш Воробей Воробеич делает. Совсем взбесился.

Синичка засмеялась тоненьким-тоненьким голоском, вильнула хвостиком и взвилась над рекой.

Когда трубочист подошёл к реке, Воробей Воробеич так и налетел на него. А сам страшный такой: клюв раскрыт, глаза горят, все перышки стоят дыбом.

- Эй, Воробей Воробеич, ты это что, брат, шумишь тут? - спросил трубочист.

- Нет, я ему покажу! - орал Воробей Воробеич, задыхаясь от ярости. - Он ещё не знает, каков я. Я ему покажу, проклятому Ершу Ершовичу! Он будет меня поминать, разбойник.

- Не слушай его! - крикнул трубочисту из воды Ёрш Ершович. - Всё-то он врёт.

- Я вру? - орал Воробей Воробеич. - А кто червяка нашёл? Я вру!

Жирный такой червяк! Я его на берегу выкопал. Сколько трудился. Ну, схватил его и тащу домой, в своё гнездо. У меня семейство - должен я корм носить. Только вспорхнул с червяком над рекой, а проклятый Ёрш Ершович, - чтоб его щука проглотила! - как крикнет: "Ястреб!" Я со страху крикнул - червяк упал в воду, а Ёрш Ершович его и проглотил. Это называется врать?! И ястреба никакого не было.

- Что же, я пошутил, - оправдывался Ёрш Ершович. - А червяк действительно был вкусный.

Около Ерша Ершовича собралась всякая рыба: плотва, караси, окуни, малявки, - слушают и смеются. Да, ловко пошутил Ёрш Ершович над старым приятелем! И ещё смешнее, как Воробей Воробеич вступил в драку с ним. Так и налетает, так и налетает, а взять ничего не может.

- Подавись ты моим червяком! - бранился Воробей Воробеич. - Я другого себе выкопаю. А обидно то, что Ёрш Ершович обманул меня и надо мной же ещё смеётся. А я его к себе на крышу звал. Хорош приятель, нечего сказать! Вот и трубочист Яша то же скажет. Мы с ним тоже дружно живём и даже вместе закусываем иногда: он ест - я крошки подбираю.

- Постойте, братцы, это самое дело нужно рассудить, - заявил трубочист. - Дайте только мне сначала умыться. Я разберу ваше дело по совести. А ты, Воробей Воробеич, пока немного успокойся.

- Моё дело правое, - что же мне беспокоиться! - орал Воробей Воробеич. - А только я покажу Ершу Ершовичу, как со мной шулки шутить.

Трубочист присел на бережок, положил рядом на камешек узелок со своим обедом, вымыл руки и лицо и проговорил:

- Ну, братцы, теперь будем суд судить. Ты, Ёрш Ершович, - рыба, а ты, Воробей Воробеич, - птица. Так я говорю?

- Так! Так! - закричали все, и птицы и рыбы.

- Будем говорить дальше! Рыба должна жить в воде, а птица - в воздухе. Так я говорю? Ну вот. А червяк, например, живёт в земле. Хорошо. Теперь смотрите.

Трубочист развернул свой узелок, положил на камень кусок ржаного хлеба, из которого состоял весь его обед, и проговорил:

- Вот смотрите: что это такое? Это - хлеб. Я его заработал, и я его съем; съем и водицей запью. Так? Значит, пообедаю и никого не обижу. Рыба и птица тоже хотят пообедать. У вас, значит, своя пища! Зачем же ссориться? Воробей Воробеич откопал червячка, значит, он его заработал, и, значит, червяк - его.

- Позвольте, дяденька, - слышался в толпе птиц тоненький голосок.

Птицы раздвинулись и пустили вперед Бекасика-песочника, который подошёл к самому трубочисту на своих тоненьких ножках.

- Дяденька, это неправда.

- Что неправда?

- Да червячка-то ведь я нашёл. Вон спросите уток - они видели. Я его нашёл, а Воробей налетел и украл.

Трубочист смутился. Выходило совсем не то.

- Как же это так? - бормотал он, собираясь с мыслями. - Эй, Воробей Воробеич, ты это что же, в самом деле, обманываешь?

- Это не я вру, а Бекас врёт. Он сговорился вместе с утками.

- Что-то не то, брат. Да! Конечно, червячок - пустяки; а только вот нехорошо красть. А кто украл, тот не должен врать. Так я говорю? Да.

- Верно! Верно! - хором крикнули опять все. - А ты всё-таки рассуди Ерша Ершовича с Воробьем Воробеичем! Кто у них прав? Оба шумели, оба дрались и подняли всех на ноги.

- Кто прав? Ах вы, озорники, Ёрш Ершович и Воробей Воробеич! Право, озорники. Я обоих вас и накажу для примера. Ну, живо миритесь, сейчас же!

- Верно! - крикнули все хором. - Пусть помирятся.

- А Бекасика-песочника, который трудился, добывая червячка, я накормлю крошками, - решил трубочист. - Все и будут довольны.

- Отлично! - опять крикнули все.

Трубочист уже протянул руку за хлебом, а его и нет.

Пока трубочист рассуждал, Воробей Воробеич успел его стащить.

- Ах, разбойник! Ах, плут! - возмутились все рыбы и все птицы.

И все бросились в погоню за вором. Краюшка была тяжела, и Воробей Воробеич не мог далеко улететь с ней. Его догнали как раз над рекой. Бросились на вора большие и малые птицы.

Произошла настоящая свалка. Все так и рвут, только крошки летят в реку; а потом и краюшка полетела тоже в реку. Тут уж схватились за неё рыбы. Началась настоящая драка между рыбами и птицами. В крошки растерзали всю краюшку и все крошки съели. Как есть ничего не осталось от краюшки. Когда краюшка была съедена, все опомнились и всем сделалось совестно. Гнались за вором Воробьем да по пути краденую краюшку и съели.

А весёлый трубочист Яша сидит на бережку, смотрит и смеётся. Уж очень смешно всё вышло. Все убежали от него, остался один только Бекасик-песочник.

- А ты что же не летишь за всеми? - спрашивает трубочист.

- И я полетел бы, да ростом мал, дяденька. Как раз большие птицы заклюют.

- Ну, вот так-то лучше будет, Бекасик. Оба остались мы с тобой без обеда. Видно, мало ещё поработали.

Пришла Алёнушка на бережок, стала спрашивать весёлого трубочиста Яшу, что случилось, и тоже смеялась.

- Ах, какие они все глупые, и рыбки и птички! А я бы разделила всё - и червячка и краюшку, и никто бы не ссорился. Недавно я разделила четыре яблока. Папа приносит четыре яблока и говорит: "Раздели пополам - мне и Лизе". Я и разделила на три части: одно яблоко дала папе, другое - Лизе, а два взяла себе.

1. Как автор изображает Воробья Воробеича и Ерша Ершовича?

2. Какими чертами характера наделены эти герои?

3. Как вы понимаете выражение **жили душа в душу**?

4. Как жилось героям зимой и летом? Какие неприятности и трудности были у друзей? Подтвердите свой ответ примерами из текста.

5. Из-за чего возник шум и спор у старых приятелей?

Д. Н. Мамин-Сибиряк

Серая шейка

I

Быстро летело время... Был уже целый ряд холодных утренников, а от инея пожелтели берёзки и покраснели осины. Вода в реке потемнела, и сама река казалась больше среди голых берегов: береговая поросль быстро теряла листву. Холодный осенний ветер обрывал засыхавшие листья и уносил их. Небо часто покрывалось тяжёлыми осенними облаками, ронявшими мелкий осенний дождь.

Каждый день уже неслись мимо стаи перелётной птицы... Первыми тронулись болотные птицы, потому что болота начинали уже замерзать.

Лебеди, гуси и утки тоже начинали готовиться к отлёту. Отдельные гнёзда соединялись в большие стаи. Старые и бывалые птицы учили молодых. Каждое утро эта молодёжь с весёлым криком делала большие прогулки, чтобы укрепить крылья для далёкого перелёта. Умные вожаки сначала обучали отдельные партии, а потом всех вместе. Сколько было крика, молодого веселья и радости!.. Одна Серая Шейка не могла принимать участие в этих прогулках и любовалась ими только издали. Что делать, приходилось мириться со своей судьбой (у неё было сломано одно крылышко). Зато как она плавала, как ныряла! Вода для неё составляла всё.

— Нужно отправляться... пора! — говорили старики-вожаки.

— Что нам здесь ждать?

А время летело, быстро летело... Наступил и роковой день. Вся стая сбилась в одну живую кучу на реке. Это было ранним осенним утром, когда вода ещё была покрыта густым туманом. Утиный косяк сбился из трёхсот штук. Слышно было только кряканье главных вожаков. Старая утка не спала всю ночь: это была последняя ночь, которую она проводила вместе с Серой Шейкой.

— Ты держись вон около того берега, где в реку сбегает ключик, — советовала она. — Там вода не замерзает целую зиму.

Серая Шейка держалась в стороне от косяка, как чужая. Да все были так заняты общим отлётом, что на неё никто не обращал внимания.

— Ну, трогай! — громко скомандовал главный вожак, и стая поднялась разом вверх.

Серая Шейка осталась на реке одна и долго провожала глазами улетающий косяк. Сначала все летели одной живой кучей, а потом вытянулись в правильный треугольник и скрылись.

II

Река, на которой осталась Серая Шейка, весело катилась в горах, покрытых густым лесом. Место было глухое, и никакого жилья кругом. По утрам вода у берегов начинала замерзать, а днём тонкий, как стекло, лёд таял.

«Неужели вся река замёрзнет?» — думала Серая Шейка с ужасом. Река была пуста, и жизнь сохранялась только в лесу, где посвистывали рябчики, прыгали белки и зайцы.

Раз со скуки Серая Шейка забралась в лес и страшно перепугалась, когда из-под куста кубарем вылетел Заяц.

— Ах, как ты напугала меня, глупая! — проговорил Заяц, немного успокоившись, — Душа в пятки ушла. И зачем ты только толчешься здесь? Ведь все утки давно улетели...

— Я не могу летать: Лиса мне крылышко перекусила, когда я ещё была совсем маленькой.

— Уж эта мне Лиса! Нет хуже зверя. Она и до меня давно добирается. Ты берегись её, особенно когда река покроется льдом. Как раз сцапает.

Они познакомились. Заяц был такой же беззащитный, как и Серая Шейка, и спасал свою жизнь постоянным бегством.

— Если бы мне крылья, как птице, так я бы, кажется, никого на свете не боялся! У тебя вот хоть и крыльев нет, так зато ты плавать умеешь, а не то возмёшь и нырнёшь в воду, — говорил он. — А я постоянно дрожу со страху. У меня кругом враги. Летом ещё можно спрятаться куда-нибудь, а зимой всё видно.

III

Скоро выпал и первый снег, а река всё ещё не поддавалась холоду. Всё, что замерзало по ночам, вода разбивала. Борьба шла не на живот, а на смерть. Всего опаснее были ясные, звёздные ночи, когда всё затихало и на реке не было волн. Река точно засыпала, и холод старался сковать её льдом сонную.

Так и случилось. Была тихая-тихая звёздная ночь. Тихо стоял тёмный лес на берегу. Бурливая днём горная река присмирела, и к ней тихо-тихо подкрался холод и точно прикрыл её зеркальным стеклом. Серая Шейка была в отчаянии, потому что не замёрзла только самая середина реки, где образовалась широкая полынья. Свободного места, где можно было плавать, оставалось не больше пятнадцати сажен. Огорчение Серой Шейки дошло до последней степени, когда на берегу показалась Лиса — это была та самая Лиса, которая переломила ей крыло.

— А, старая знакомая, здравствуй! — ласково проговорила Лиса, останавливаясь на берегу. — Давненько не видались... Поздравляю с зимой.

— Уходи, пожалуйста, я совсем не хочу с тобой разговаривать, — ответила Серая Шейка.

— Это за мою-то ласку! Хороша же ты, нечего сказать! А впрочем, про меня много лишнего говорят. Сами наделают что-нибудь, а потом на меня и свалят... Пока до свиданья!

Когда Лиса убралась, приковылял Заяц и сказал:

— Берегись, Серая Шейка, она опять придёт.

IV

И Серая Шейка тоже начала бояться, как боялся Заяц. Бедная даже не могла любоваться творившимися вокруг неё чудесами. Наступила уже настоящая зима. Земля была покрыта белоснежным ковром. Не оставалось ни одного тёмного пятнышка.

Даже голые берёзы, ольхи, ивы и рябины убрались инеем, точно серебристым пухом. А ели сделались ещё важнее. Они стояли, засыпанные снегом, как будто надели дорогую тёплую шубу. Да, чудно, хорошо было кругом, а бедная Серая Шейка знала только одно: что эта красота не для неё, и трепетала при одной мысли, что её полынья вот-вот замёрзнет и ей некуда будет деться.

Лиса действительно пришла через несколько дней, села на берегу и опять заговорила:

— Соскучилась я по тебе, уточка... Выходи сюда, а не хочешь, так я и сама к тебе приду. Я не спесива.

И Лиса принялась осторожно ползти по льду к самой полынье. У Серой Шейки замерло сердце. Но Лиса не могла подобраться к самой воде, потому что лёд был ещё очень тонок. Она положила голову на передние лапки, облизнулась и проговорила:

— Какая ты глупая уточка! Вылезай на лёд! А впрочем, до свиданья! Я тороплюсь по своим делам.

Лиса начала приходить каждый день — проведать, не застыла ли полынья. Наступившие морозы делали своё дело. От большой полыньи оставалось всего одно окно в сажень величиной. Лёд был крепкий, и Лиса садилась на самом краю. Бедная Серая Шейка со страху ныряла в воду, а Лиса сидела и зло подсмеивалась над ней:

— Ничего, ныряй, а я тебя всё равно съем... Выходи лучше сама.

Заяц видел с берега, что проделывала Лиса, и возмущался всем заячьим сердцем:

— Ах, какая бессовестная эта Лиса! Какая несчастная эта Серая Шейка! Съест её Лиса...

По всей вероятности, Лиса и съела бы Серую Шейку, когда полынья замёрзла бы совсем, но случилось иначе.

Заяц всё видел своими собственными косыми глазами.

Дело было утром. Заяц выскочил из своего логовища покормиться и поиграть с другими зайцами. Мороз был здоровый, и зайцы грелись, поколачивая лапку о лапку. Хотя и холодно, а всё-таки весело.

— Братцы, берегитесь! — крикнул кто-то. Действительно, опасность была на носу.

На опушке леса стоял сгорбленный старичок-охотник, который подкрался на лыжах совершенно неслышно и высматривал, которого бы зайца застрелить.

«Эх, тёплая старухе будет шуба», — соображал он, выбирая самого крупного зайца. Он даже прицелился из ружья, но зайцы его заметили и кинулись в лес.

— Ах, лукавцы! — рассердился старичок. — Вот уж я вас... Того не понимают, глупые, что нельзя старухе без шубы. Не мёрзнуть же ей... А вы Акинтича не обманете, сколько ни бегайте. Акинтич-то похитрее будет... А старуха Акинтичу вон как наказывала: «Ты смотри, старик, без шубы не приходи!» А вы сигать...

Старичок пустился разыскивать зайцев по следам, но зайцы рассыпались по лесу, как горох. Старичок порядком измучился и присел на берегу реки отдохнуть.

— Эх, старуха, старуха, убежала наша шуба! — думал он вслух. — Ну, вот отдохну и пойду искать другую.

Сидит старичок, горюет, а тут, глядь, Лиса по реке ползёт — так и ползёт, точно кошка.

— Ге-ге, вот так штука! — обрадовался старичок. — К старухиной-то шубе воротник сам ползёт... Видно, пить захотела, а то, может, и рыбки вздумала половить.

Лиса действительно подползла к самой полынье, в которой плавала Серая Шейка, и улеглась на льду. Стариковские глаза видели плохо и из-за Лисы не замечали утки.

— Надо так её застрелить, чтобы воротника не испортить, — соображал старик, прицеливаясь в Лису. — А то вот как старуха будет браниться, если воротник-то в дырках окажется...

Старичок долго прицеливался. Наконец грянул выстрел. Сквозь дым от выстрела охотник видел, как что-то метнулось по льду, и со всех ног кинулся к полынье.

По дороге он два раза упал, а когда добежал до полыньи, то только развёл руками: воротника как не бывало, а в полынье плавала одна перепуганная Серая Шейка.

— Вот так штука! — ахнул старичок, разводя руками. — В первый раз вижу, как Лиса в утку обратилась. Ну и хитёр зверь!

— Дедушка, Лиса убежала, — объяснила Серая Шейка.

— Убежала? Вот тебе, старуха, и воротник к шубе! Что же я теперь буду делать, а? Ну и грех вышел... А ты, глупая, зачем тут плаваешь?

— А я, дедушка, не могла улететь вместе с другими. У меня одно крылышко попорчено...

— Ах, глупая, глупая! Да ведь ты замёрзнешь тут или Лиса тебя съест! Да... А мы вот что с тобой сделаем: я тебя внучкам унесу. Вот-то обрадуются! А весной ты старухе яичек нанесёшь да утят выведешь. Так я говорю? Вот то-то, глупая!

Старичок добыл Серую Шейку из полыньи и положил за пазуху.

— А старухе я ничего не скажу, — соображал он, направляясь домой. — Пусть её шуба с воротником вместе ещё погуляет в лесу. Главное — внучки вот как обрадуются!

Зайцы всё это видели и весело смеялись. Ничего, старуха и без шубы на печке не замёрзнет!..

1. Выберите в тексте описания осенней и зимней природы. Перечитайте их. Зачем автор их вводит? Какое настроение они создают? Можно ли соотнести эти описания природы с описаниями Серой Шейки?

2. Почему, по-вашему мнению, реальный случай автор изложил в форме сказки? Чего он этим достиг?

3. Прочитайте диалоги Лисы и Серой Шейки в лицах.

Д. Н. Мамин-Сибиряк

Умнее всех

I

Индюк проснулся, по обыкновению, раньше других, когда ещё было темно, разбудил жену и проговорил:

– Ведь я умнее всех? Да?

Индюшка спросонья долго кашляла и потом уже ответила:

– Ах, какой умный... Кхе-кхе!.. Кто же этого не знает? Кхе...

– Нет, ты говори прямо: умнее всех? Просто умных птиц достаточно, а умнее всех – одна, это я.

– Умнее всех... кхе! Всех умнее... Кхе-кхе-кхе!..

– То-то.

Индюк даже немного рассердился и прибавил таким тоном, чтобы слышали другие птицы:

– Знаешь, мне кажется, что меня мало уважают. Да, совсем мало.

– Нет, это тебе так кажется... Кхе-кхе! – успокаивала его Индюшка, начиная поправлять сбившиеся за ночь перышки. – Да, просто кажется... Птицы умнее тебя и не придумать. Кхе-кхе-кхе!

– А Гусак? О, я всё понимаю... Положим, он прямо ничего не говорит, а больше всё молчит. Но я чувствую, что он молча меня не уважает...

– А ты не обращай на него внимания. Не стоит... кхе! Ведь ты заметил, что Гусак глуповат?

– Кто же этого не видит? У него на лице написано: глупый гусак, и больше ничего. Да... Но Гусак ещё ничего, – разве можно сердиться на глупую птицу? А вот Петух, простой самый петух... Что он кричал про меня третьего дня? И ещё как кричал, – все соседи слышали. Он, кажется, назвал меня даже очень глупым... Что-то в этом роде вообще.

– Ах, какой ты странный, – удивлялась Индюшка. – Разве ты не знаешь, отчего он вообще кричит?

– Ну, отчего?

– Кхе-кхе-кхе... Очень просто, и всем известно. Ты – петух, и он – петух, только он совсем-совсем простой петух, самый обыкновенный петух, а ты – настоящий индейский, заморский петух, – вот он и кричит от зависти. Каждой птице хочется быть индейским петухом... Кхе-кхе-кхе!..

– Ну, это трудненько, матушка... Ха-ха! Ишь чего захотели. Какой-нибудь простой петушишка – и вдруг хочет сделаться индейским, – нет, брат, шалишь!.. Никогда ему не бывать индейским.

Индюшка была такая скромная и добрая птица и постоянно огорчалась, что Индюк вечно с кем-нибудь ссорился. Вот и сегодня, – не успел проснуться, а уж придумывает, с кем бы затеять ссору или даже драку. Вообще самая беспокойная птица, хотя и не злая. Индюшке делалось немного обидно, когда другие птицы начинали подсмеиваться над Индюком и называли его болтуном, пустомелей и ломакой. Положим, отчасти они были и правы, но найдите птицу без недостатков? Вот то-то и есть! Таких птиц не бывает, и даже как-то приятнее, когда отыщешь в другой птице хотя самый маленький недостаток.

Проснувшиеся птицы высыпали из курятника на двор и сразу поднялся отчаянный гвалт. Особенно шумели куры.

Они бегали по двору, лезли к кухонному окну и неистово кричали:

– Ах-куда! Ах-куда-куда-куда... Мы есть хотим! Кухарка Матрёна, должно быть, умерла и хочет уморить нас с голоду...

– Господа, имейте терпение, – заметил стоявший на одной ноге Гусак. – Смотрите на меня: я ведь тоже есть хочу, а не кричу, как вы. Если бы я заорал во всю глотку... вот так... Го-го!.. Или так: И-го-го-го!!

Гусак так отчаянно загоготал, что кухарка Матрёна сразу проснулась.

– Хорошо ему говорить о терпении, – ворчала одна Утка, – вон какое горло, точно труба. А потом, если бы у меня были такая длинная шея и такой крепкий клюв, то и я тоже проповедовала бы терпение. Сама бы наелась скорее всех, а другим советовала бы терпеть... Знаем мы это гусиное терпение...

Утку поддержал Петух и крикнул:

– Да, хорошо Гусаку говорить о терпении... А кто у меня вчера два лучших пера вытащил из хвоста? Это даже неблагородно, – хватать прямо за хвост.

Положим, мы немного поспорились и я хотел Гусаку проклевывать голову – не отпираюсь, было такое намерение, – но виноват я, а не мой хвост. Так я говорю, господа?

Голодные птицы, как голодные люди, делались несправедливыми именно потому, что были голодны.

II

Индюк из гордости никогда не бросался вместе с другими на корм, а терпеливо ждал, когда Матрёна отгонит другую жадную птицу и позовет его. Так было и сейчас. Индюк гулял в стороне, около забора, и делал вид, что ищет что-то среди разного сора.

– Кхе-кхе... ах, как мне хочется кушать! – жаловалась Индюшка, вышагивая за мужем. – Вот уж Матрёна бросила овса... да... и, кажется, остатки вчерашней каши... кхе-кхе! Ах, как я люблю кашу!.. Я, кажется, всегда бы ела одну кашу, целую жизнь. Я даже иногда вижу её ночью во сне...

Индюшка любила пожаловаться, когда была голодна, и требовала, чтобы Индюк непременно её жалел. Среди других птиц она походила на старушку: вечно горбилась, кашляла, ходила какой-то разбитой походкой, точно ноги приделаны были к ней только вчера.

– Да, хорошо и каши поесть, – соглашался с ней Индюк. – Но умная птица никогда не бросается на пищу. Так я говорю?

Если меня хозяин не будет кормить, – я умру с голода... так? А где же он найдёт другого такого индюка?

– Другого такого нигде нет...

– Вот то-то... А каша, в сущности, пустяки. Да... Дело не в каше, а в Матрёне. Так я говорю? Была бы Матрёна, а каша будет. Всё на свете зависит от одной Матрёны – и овёс, и каша, и крупа, и корочки хлеба.

Несмотря на все эти рассуждения, Индюк начинал испытывать муки голода. Потом ему сделалось совсем грустно, когда все другие птицы наелись, а Матрёна не выходила, чтобы позвать его. А если она позабыла о нём? Ведь это и совсем скверная штука...

Но тут случилось нечто такое, что заставило Индюка позабыть даже о собственном голоде. Началось с того, что одна молоденькая курочка, гулявшая около сарая, вдруг крикнула:

– Ах-куда!..

Все другие курицы сейчас же подхватили и заорали благим матом:

«Ах-куда! куда-куда...»

А всех сильнее, конечно, заорал Петух:

– Караул!.. Кто там?

Сбежавшиеся на крик птицы увидели совсем необыкновенную штуку. У самого сарая в ямке лежало что-то серое, круглое, покрытое сплошь острыми иглами.

– Да это простой камень, – заметил кто-то.

– Он шевелился, – объяснила Курочка. – Я тоже думала, что камень, подошла, а он как пошевелится... Право! Мне показалось, что у него есть глаза, а у камней глаз не бывает.

– Мало ли что может показаться со страха глупой курице, – заметил Индюк. – Может быть, это... это...

– Да это гриб! – крикнул Гусак. – Я видал точно такие грибы, только без игол.

Все громко рассмеялись над Гусаком.

– Скорее это походит на шапку, – попробовал кто-то догадаться и тоже был осмеян.

– Разве у шапки бывают глаза, господа?

– Тут нечего разговаривать попусту, а нужно действовать, – решил за всех Петух. – Эй ты, штука в иголках, сказывайся, что за зверь? Я ведь шутить не люблю... слышишь?

Так как ответа не было, то Петух счел себя оскорблённым и бросился на неизвестного обидчика. Он попробовал клюнуть раза два и сконфуженно отошёл в сторону.

– Это... это громадная репейная шишка, и больше ничего, – объяснил он. – Вкусного ничего нет... Не желает ли кто-нибудь попробовать?

Все болтали кому что приходило в голову. Догадкам и предположениям не было конца. Молчал один Индюк. Что же, пусть болтают другие, а он послушает чужие глупости. Птицы долго галдели, кричали и спорили, пока кто-то не крикнул:

– Господа, что же это мы напрасно ломаем себе голову, когда у нас есть Индюк? Он всё знает...

– Конечно, знаю, – отозвался Индюк, распуская хвост и надувая свою красную кишку на носу.

– А если знаешь, так скажи нам.

– А если я не хочу? Так, просто не хочу.

Все принялись упрашивать Индюка.

– Ведь ты у нас самая умная птица, Индюк! Ну, скажи, голубчик... Чего тебе стоит сказать?

Индюк долго ломался и, наконец, проговорил:

– Ну хорошо, я, пожалуй, скажу... да, скажу. Только сначала вы скажите мне, за кого вы меня считаете?

– Кто же не знает, что ты самая умная птица!.. – ответили все хором. – Так и говорят: умен, как индюк.

– Значит, вы меня уважаете?

– Уважаем! Все уважаем!..

Индюк ещё немного поломался, потом весь распушился, надул кишку, обошёл мудреного зверя три раза кругом и проговорил:

– Это... да... Хотите знать, что это?

– Хотим!.. Пожалуйста, не томи, а скажи скорее.

– Это – кто-то куда-то ползёт...

Все только хотели рассмеяться, как послышалось хихиканье, и тоненький голосок сказал:

– Вот так самая умная птица!.. хи-хи... Из-под игл показалась чёрненькая мордочка с двумя чёрными глазками, понюхала воздух и проговорила:

– Здравствуйте, господа... Да как же вы это Ежа-то не узнали, Ежа серячка-мужичка?.. Ах, какой у вас смешной Индюк, извините меня, какой он... Как это вежливее сказать? Ну, глупый Индюк...

III

Всем сделалось даже страшно после такого оскорбления, какое нанес Ёж Индюку. Конечно, Индюк сказал глупость, это верно, но и из этого ещё не следует, что Ёж имеет право его оскорблять. Наконец, это просто невежливо: прийти в чужой дом и оскорбить хозяина. Как хотите, а Индюк все-таки важная, представительная птица и уж не чета какому-нибудь несчастному Ежу.

Все как-то разом перешли на сторону Индюка, и поднялся страшный гвалт.

– Вероятно, Ёж и нас всех тоже считает глупыми! – кричал Петух, хлопая крыльями.

– Он нас всех оскорбил!..

– Если кто глуп, так это он, то есть Ёж, – заявлял Гусак, вытягивая шею. – Я это сразу заметил... да!..

– Разве грибы могут быть глупыми? – отвечал Ёж.

– Господа, что мы с ним напрасно разговариваем! – кричал Петух. – Всё равно он ничего не поймёт... Мне кажется, мы только напрасно теряем время. Да... Если, например, вы, Гусак, ухватите его за щетину вашим крепким клювом с одной стороны, а мы с Индюком уцепимся за его щетину с другой, – сейчас будет видно, кто умнее. Ведь ума не скроешь под глупой щетиной...

– Что же, я согласен... – заявил Гусак. – Ещё будет лучше, если я вцеплюсь в его щетину сзади, а вы, Петух, будете его клевать прямо в морду... Так, господа? Кто умнее, сейчас и будет видно.

Индюк всё время молчал. Сначала его ошеломила дерзость Ежа, и он не нашелся, что ему ответить. Потом Индюк рассердился, так рассердился, что даже самому сделалось немного страшно. Ему хотелось броситься на грубияна и растерзать его на мелкие части, чтобы все это видели и еще раз убедились, какая серьёзная и строгая птица Индюк.

Он даже сделал несколько шагов к Ежу, страшно надулся и только хотел броситься, как все начали кричать и бранить Ежа. Индюк остановился и терпеливо начал ждать, чем всё кончится.

Когда Петух предложил тащить Ежа за щетину в разные стороны, Индюк остановил его усердие:

– Позвольте, господа... Может быть, мы устроим всё это дело миром... Да. Мне кажется, что тут есть маленькое недоразумение. Предоставьте, господа, мне всё дело...

– Хорошо, мы подождём, – неохотно согласился Петух, желавший подраться с Ежом поскорее. – Только из этого всё равно ничего не выйдет...

– А уж это моё дело, – спокойно ответил Индюк. – Да вот слушайте, как я буду разговаривать.

Все столпились кругом Ежа и начали ждать. Индюк обошёл его кругом, откашлялся и сказал:

– Послушайте, господин Ёж... Объяснитесь серьёзно. Я вообще не люблю домашних неприятностей.

«Боже, как он умён, как умён!..» – думала Индюшка, слушая мужа в немом восторге.

– Обратите внимание прежде всего на то, что вы в порядочном и благовоспитанном обществе, – продолжал Индюк. – Это что-нибудь значит... да... Многие считают за честь попасть к нам на двор, но – увы! – это редко кому удастся.

– Правда! Правда!.. – слышались голоса.

– Но это так, между нами, а главное не в этом...

Индюк остановился, помолчал для важности и потом уже продолжал:

– Да, так главное... Неужели вы думали, что мы и понятия не имеем об ежах? Я не сомневаюсь, что Гусак, принявший вас за гриб, пошутил, и Петух – тоже, и другие... Не правда ли, господа?

– Совершенно справедливо, Индюк! – крикнули все разом так громко, что Ёж спрятал свою чёрную мордочку.

«Ах, какой он умный!» – думала Индюшка, начиная догадываться, в чём дело.

– Как видите, господин Ёж, мы все любим пошутить, – продолжал Индюк. – Я уж не говорю о себе... да. Отчего и не пошутить? И, как мне кажется, вы, господин Ёж, тоже обладаете весёлым характером...

– О, вы угадали, – признался Еж, опять выставляя мордочку. – У меня такой весёлый характер, что я даже не могу спать по ночам... Многие этого не выносят, а мне скучно спать.

– Ну, вот видите... Вы, вероятно, сойдётесь характером с нашим Петухом, который горланит по ночам как сумасшедший.

Всем вдруг сделалось весело, точно каждому, для полноты жизни, только и не доставало Ежа. Индюк торжествовал, что так ловко выпутался из неловкого положения, когда Ёж назвал его глупым и засмеялся прямо в лицо.

– Кстати, господин Ёж, признайтесь, – заговорил Индюк, подмигнув, – ведь вы, конечно, пошутили, когда назвали давеча меня... да... ну, неумной птицей?

– Конечно, пошутил! – уверял Ёж. – У меня уж такой характер весёлый!..

– Да, да, я в этом был уверен. Слышали, господа? – спрашивал Индюк всех.

– Слышали... Кто же мог в этом сомневаться!

Индюк наклонился к самому уху Ежа и шепнул ему по секрету:

– Так и быть, я вам сообщу ужасную тайну... да... Только – условие: никому не рассказывать. Правда, мне немного совестно говорить о самом себе, но что поделаете, если я – самая умная птица! Меня это иногда даже немного стесняет, но шила в мешке не утаишь... Пожалуйста, только никому об этом ни слова!

- 1. Какой вопрос волновал Индюка?
2. Какой ответ он хотел получить?
3. Какой урок в этой сказке, чему она учит?

О Родине и её истории

К. Д. Ушинский

Наше отечество

Наше отечество, наша родина — матушка Россия. Отечеством мы зовём Россию потому, что в ней жили испокон веку отцы и деды наши. Родиной мы зовём её потому, что в ней мы родились, в ней говорят родным нам языком и всё в ней для нас родное; а матерью — потому, что она вскормила нас своим хлебом, напоила своими водами, выучила своему языку, как мать, защищает и бережёт нас от всяких врагов...

Велика наша родина-мать — святорусская земля! От запада к востоку тянется она почти на одиннадцать тысяч вёрст... Не в одной, а в двух частях света раскинулась Русь в Европе и Азии...

Много есть на свете, и кроме России, всяких хороших государств и земель, но одна у человека родная мать — одна у него и родина.

- ?
1. Прочитайте первое предложение. Объясните, почему Родина так важна для каждого человека.
 2. Вспомните и назовите пословицы о семье, о Родине.
 3. Выучите последнее предложение наизусть.

«Велика наша Родина-мать — святорусская земля!»

Ф. Н. Глинка

Москва

Город чудный, город древний,
Ты вместил в свои концы
И посады и деревни,
И палаты и дворцы!

Опоясан лентой пашен,
Весь пестреешь ты в садах;
Сколько храмов, сколько башен
На семи твоих холмах!..

Исполинскою рукою
Ты, как хартия, развит
И над малою рекою
Стал велик и знаменит!

На твоих церквах старинных
Вырастают деревья;
Глаз не схватит улиц длинных...
Это матушка Москва!

Кто, силач, возьмёт в охапку
Холм Кремля-богатыря?
Кто собьёт златую шапку
У Ивана-звонаря?..

Кто Царь-колокол подымет?
Кто Царь-пушку повернёт?
Шляпы кто, гордец, не снимет
У святых в Кремле ворот?!

Ты не гнула крепкой выи!
В бедовой твоей судьбе:
Разве пасынки России
Не поклонятся тебе!..

Ты, как мученик, горела,
Белокаменная!
И река в тебе кипела
Бурнопламенная!

И под пеплом ты лежала
Полоненною,
И из пепла ты восстала
Неизменною!..

Процветай же славой вечной,
Город храмов и палат!
Град срединный, град сердечный,
Коренной России град!

Посад — пригород; небольшой посёлок.

Хартия — старинная рукопись, написанная на длинном свитке из особой бумаги — пергамента.

Выя — шея.

Бедовая — полная бед, испытаний.

Пасынки — неродные сыновья.

Град срединный — город, который находится в середине государства.

1. Как автор называет Москву?
2. На скольких холмах стоит Москва?
3. Какие достопримечательности Москвы упоминаются автором?

Василий Поленов. Московский дворик. 1878 г.

Аполлинарий Васнецов. Московский Кремль.

К. М. Симонов

Родина

Касаясь трёх великих океанов,
Она лежит, раскинув города,
Покрыта сеткою меридианов,
Непобедима, широка, горда.

Но в час, когда последняя граната
Уже занесена в твоей руке
И в краткий миг припомнить разом надо
Всё, что у нас осталось вдалеке,

Ты вспоминаешь не страну большую,
Какую ты изъездил и узнал,
Ты вспоминаешь родину — такую,
Какой её ты в детстве увидал.

Клочок земли, припавший к трём березам,
Далекую дорогу за леском,
Речонку со скрипучим перевозом,
Песчаный берег с низким ивняком.

Вот где нам посчастливилось родиться,
Где на всю жизнь, до смерти, мы нашли
Ту горсть земли, которая годится,
Чтоб видеть в ней приметы всей земли.

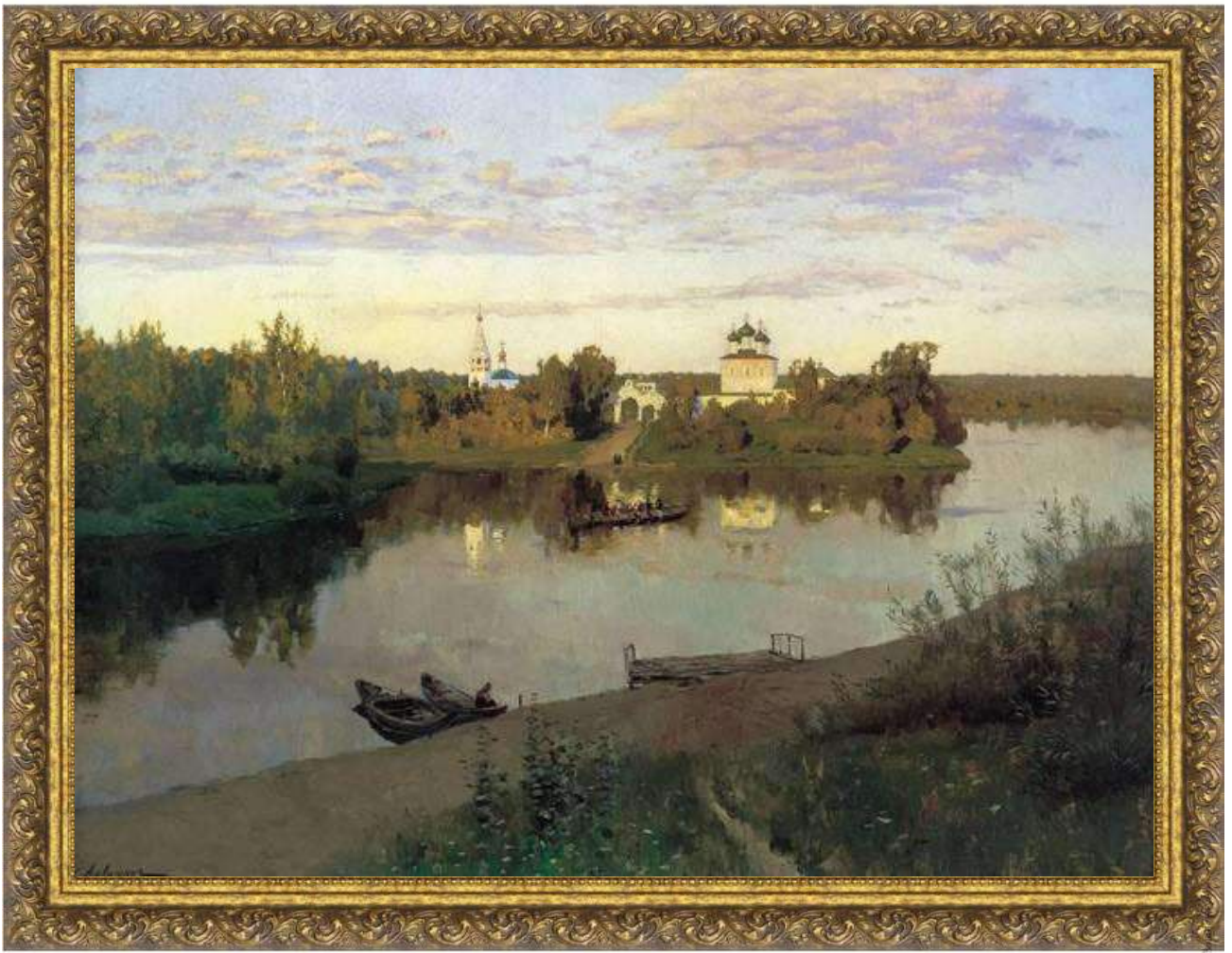
Да, можно выжить в зной, в грозу, в морозы,
Да, можно голодать и холодать,
Идти на смерть... Но эти три берёзы
При жизни никому нельзя отдать.

Перевоз – место, где происходит переправа через реку.

Меридиан – воображаемая круговая линия, проходящая через полюсы земного шара и пересекающая экватор под прямым углом.

1. Какие слова передают чувства поэта?
2. Какую же Родину видел в детстве автор?

И. Левитан Вечерний звон. 1892

С. А. Васильев

Россия

Люблю тебя, моя Россия,
за ясный свет твоих очей,
за ум, за подвиги святые,
за голос звонкий, как ручей...

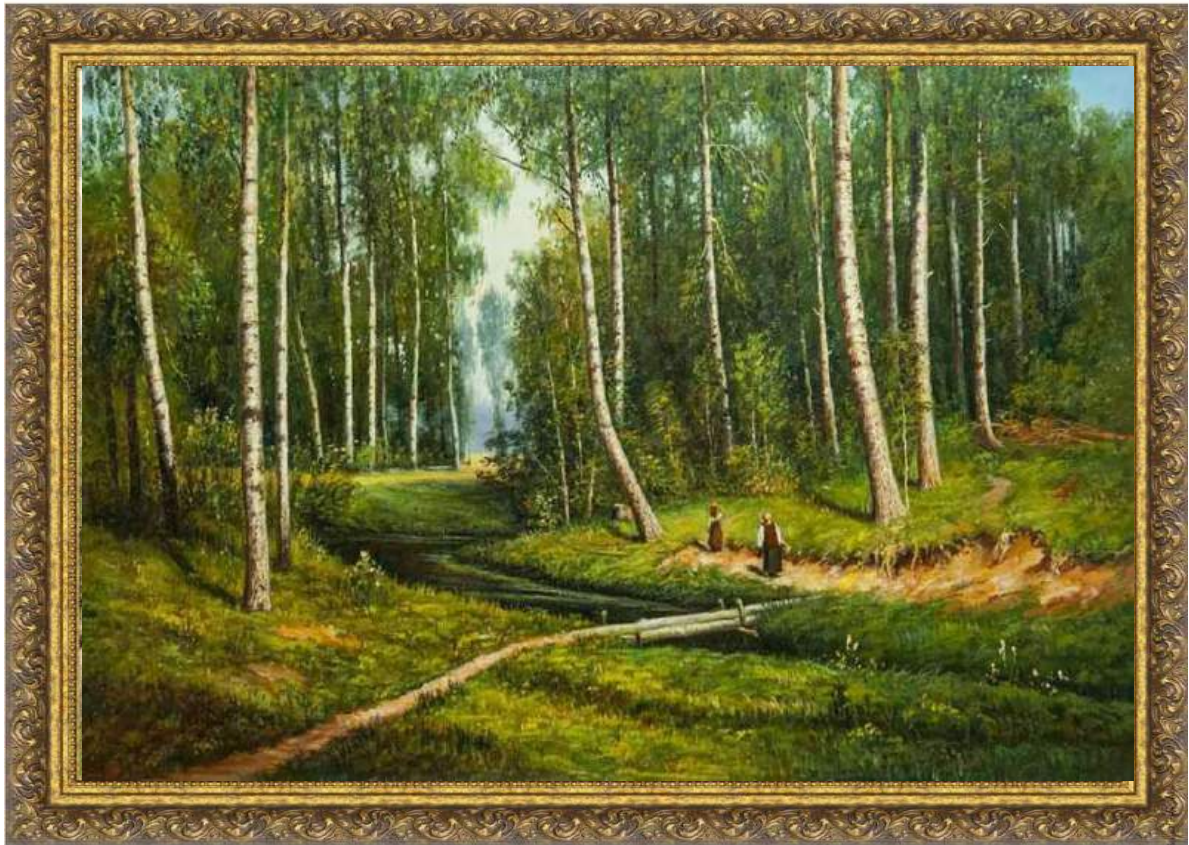
Люблю твои луга и нивы,
прозрачный зной твоих равнин,
к воде склонившиеся ивы,
верха пылающих рябин.

Люблю тебя с твоей тайгой,
с воспетым трижды камышом,
с великой Волгою-рекою,
с могучим быстрым Иртышом.

Люблю, глубоко понимаю
степей задумчивую грусть.
Люблю всё то, что называю
одним широким словом: «Русь».

1. Какие картины Родины вызывают любовь и гордость поэта?
2. Какие слова повторяются в стихотворении? Прочитайте.

И.Шишкин Ручей в березовом лесу

Исаак Ильич Левитан Озеро. Русь

Т. В. Бокова

Родина

Родина — слово большое, большое!
 Пусть не бывает на свете чудес,
 Если сказать это слово с душою,
 Глубже морей оно, выше небес!
 В нём уместается ровно полмира:
 Мама и папа, соседи, друзья.
 Город родимый, родная квартира,
 Бабушка, школа, котёнок... и я.
 Зайчик солнечный в ладошке,
 Куст сирени за окошком
 И на щёчке родинка —
 Это тоже Родина.

1. «Родина — слово большое, большое!» Как вы понимаете эту строчку?

2. Сравните стихотворения С. А. Васильева и Т. В. Боковой. Что их объединяет?

Н. М. Рубцов

Привет, Россия!

Привет Россия — родина моя!
 Как под твоей мне радостно листвою!
 И пенья нет, но ясно слышу я
 Незримых певчих пенье хоровое...

Как будто ветер гнал меня по ней,
 По всей земле — по сёлам и столицам!
 Я сильный был, но ветер был сильнее,
 И я нигде не мог остановиться.

Привет, Россия — родина моя!
 Сильнее бурь, сильнее всякой воли
 Любовь к твоим овинам у жнивья,
 Любовь к тебе, изба в лазурном поле.

За все хоромы я не отдаю
 Свой низкий дом с крапивой под оконцем...
 Как миротворно в горницу мою
 По вечерам закатывалось солнце!

Как весь простор, небесный и земной,
 Дышал в оконце счастьем и покоем,
 И достославной веял стариной,
 И ликовал под ливнями и зноем!..

Овин – хозяйственная постройка, в которой сушили снопы перед молотьюбой.

Жнивье – поле, на котором сжата рожь, пшеница или другие зерновые.

Хоромы – жилые деревянные строения, просторный дом, обычно состоявший из отдельных строений, объединённых сенями и переходами.

Горница – помещение в крестьянской избе, предназначенное для приема гостей, парадная комната на втором этаже древнерусской избы.

1. С каким настроением писал это стихотворение Николай Рубцов?
 2. Какие образы являются символами России в этом стихотворении?

Н.П. Кончаловская
Наша древняя столица
(отрывок)

ФАКЕЛ ДРУЖБЫ НА ЗЕМЛЕ ЗАЖИГАЕТСЯ В КРЕМЛЕ

Мой читатель! Кто б ты ни был —
Ленинградец, иль москвич,
Иль из Мурманска ты прибыл,
Или с Волги — костромич,
Может, вырос ты в станице,
Любишь Дона берега,
Но тебе Москва-столица
Бесконечно дорога.

Узнаёшь про этот город
С самых первых, детских дней,
Древний Кремль тебе так дорог —
Сердце родины твоей.

Взоры всех народов мира,
Тех, что не хотят войны,
На оплот людского мира —
На Москву устремлены.

Тут надежда всей вселенной,
Всех, кто ныне в кабале,
Тут очаг её нетленный
Братской дружбы на земле.

Мы отчизне верно служим,
Ты — один из сыновей,
Так расти, чтоб ты был нужен,
Дорог родине своей!

Ждёт тебя за труд награда —
Цель прекрасная вдали,
Но оглядываться надо
На пути, что мы прошли.

Ничего нет лучше, краше
Милой родины твоей!
Оглянись на предков наших,
На героев прошлых дней.
Вспоминай их добрым словом —
Слава им, борцам суровым!
Слава нашей стороне!
Слава русской старине!

Произведения о взаимоотношениях человека и животных

К. Г. Паустовский

Заячы лапы

К ветеринару в наше село пришёл с Урженского озера Ваня Малявин и принёс завёрнутого в рваную ватную куртку маленького тёплого зайца. Заяц плакал и часто моргал красными от слёз глазами...

— Ты что, одурел? — крикнул ветеринар. — Скоро будешь ко мне мышей таскать, оголец!

— А вы не лайте, это заяц особенный, — хриплым шёпотом сказал Ваня. — Его дед прислал, велел лечить.

— От чего лечить-то?

— Лапы у него пожжённые.

Ветеринар повернул Ваню лицом к двери, толкнул в спину и прикрикнул вслед:

— Валяй, валяй! Не умею я их лечить. Зажарь его с луком — деду будет закуска.

Ваня ничего не ответил. Он вышел в сени, заморгал глазами, потянул носом и уткнулся в бревенчатую стену. По стене потекли слёзы. Заяц тихо дрожал под засаленной курткой.

— Ты чего, малый? — спросила Ваню жалостливая бабка Анисья; она привела к ветеринару свою единственную козу. — Чего вы, сердешные, вдвоём слёзы льёте? Ай случилось что?

— Пожжённый он, дедушкин заяц, — сказал тихо Ваня. — На лесном пожаре лапы себе пожёг, бегать не может. Вот-вот, гляди, умрёт.

— Не умирать, малый, — прошамкала Анисья. — Скажи дедушке своему, ежели большая у него охота зайца выходить, пушай несёт его в город к Карлу Петровичу.

Ваня вытер слёзы и пошёл лесами домой, на Урженское озеро. Он не шёл, а бежал босиком по горячей песчаной дороге. Недавний лесной пожар прошёл стороной на север около самого озера. Пахло гарью и сухой гвоздикой. Она большими островами росла на полянах.

Заяц стонал.

Ваня нашёл на дороге пушистые, покрытые серебряными мягкими волосами листья, вырвал их, положил под сосенку и развернул зайца. Заяц посмотрел на листья, уткнулся в них головой и затих.

— Ты чего, серый? — тихо спросил Ваня. — Ты бы поел.

Заяц молчал.

— Ты бы поел, — повторил Ваня, и голос его задрожал. — Может, пить хочешь?

Заяц повёл рваным ухом и закрыл глаза.

Ваня взял его на руки и побежал напрямик через лес — надо было поскорее дать зайцу напиться из озера.

Неслыханная жара стояла в то лето над лесами. Утром наплывали вереницы белых облаков. В полдень облака стремительно рвались вверх, к зениту, и на глазах уносились и исчезали где-то за границами неба. Жаркий ураган дул уже две недели без передышки. Смола, стекавшая по сосновым стволам, превратилась в янтарный камень.

Наутро дед
надел чистые
онучи и новые
лапти, взял посох и
кусок хлеба и
побрёл в город.
Ваня нёс зайца
сзади. Заяц совсем
притих, только
изредка
вздрагивал всем
телом и судорожно вздыхал.

Суховой вздул над городом облако пыли, мягкой, как мука. В ней летал куриный пух, сухие листья и солома.

Издали казалось, что над городом дымит тихий пожар.

На базарной площади было очень пусто, знойно; извозчицы лошади дремали около водоразборной будки, и на головах у них были надеты соломенные шляпы. Дед перекрестился.

— Не то лошадь, не то невеста — шут их разберёт! — сказал он и сплюнул.

Долго спрашивали прохожих про Карла Петровича, но никто толком ничего не ответил. Зашли в аптеку. Толстый старый человек в *пенсне* и в коротком белом халате сердито пожал плечами и сказал:

— Это мне нравится! Довольно странный вопрос! Карл Петрович Корш, специалист по детским болезням, уже три года как перестал принимать пациентов. Зачем он вам?

Дед, заикаясь от уважения к аптекарю и от робости, рассказал про зайца.

— Это мне нравится! — сказал аптекарь. — Интересные пациенты завелись в нашем городе. Это мне замечательно нравится!

Он нервно снял *пенсне*, протёр, снова нацепил на нос и уставился на деда. Дед молчал и топтался на месте. Аптекарь тоже молчал. Молчание становилось тягостным.

— Почтовая улица, три! — вдруг в сердцах крикнул аптекарь и захлопнул какую-то растрёпанную толстую книгу. — Три!

Дед с Ваней добрали до Почтовой улицы как раз вовремя — из-за Оки заходила высокая гроза. Ленивый гром потягивался за горизонтом, как заспанный силач распрямлял плечи, и нехотя потряхивал землю. Серая рябь пошла по реке. Бесшумные молнии исподтишка, но стремительно и сильно били в луга; далеко за Полями уже горел стог сена, зажжённый ими. Крупные капли дождя падали на пыльную дорогу, и вскоре она стала похожа на лунную поверхность: каждая капля оставляла в пыли маленький *кратер*.

Карл Петрович играл на рояле нечто печальное и мелодичное, когда в окне появилась растрёпанная борода деда.

Через минуту Карл Петрович уже сердился:

— Я не ветеринар, — сказал он и захлопнул крышку рояля. Тотчас же в лугах проворчал гром. — Я всю жизнь лечил детей, а не зайцев.

— Что ребёнок, что заяц — всё одно, — упрямо пробормотал дед. — Всё одно! Полечи, яви милость! Ветеринару нашему такие дела неподсудны. Он у нас коновал.

Этот заяц, можно сказать, спаситель мой: я ему жизнью обязан, благодарность оказывать должен, а ты говоришь — бросить!

Ещё через минуту Карл Петрович, старик с седыми взъерошенными бровями, волнуясь, слушал спотыкающийся рассказ деда.

Карл Петрович в конце концов согласился лечить зайца. На следующее утро дед ушёл на озеро, а Ваню оставил у Карла Петровича ходить за зайцем.

Через день вся Почтовая улица, заросшая гусиной травой, уже знала, что Карл Петрович лечит зайца, обгоревшего на страшном лесном пожаре и спасшего какого-то старика. Через два дня об этом уже знал весь маленький город, а на третий день к Карлу Петровичу пришёл длинный юноша в фетровой шляпе, назвался сотрудником московской газеты и попросил дать беседу о зайце.

Зайца вылечили. Ваня завернул его в ватное тряпье и понёс домой. Вскоре историю о зайце забыли, и только какой-то московский профессор долго добивался от деда, чтобы тот ему продал зайца. Присылал даже письма с марками на ответ. Но дед не сдавался. Под его диктовку Ваня написал профессору письмо:

«Заяц не продажный, живая душа, пусть живёт на воле. При сём остаюсь Ларион Малявин».

...Этой осенью я ночевал у деда Лариона на Урженском озере. Созвездия, холодные, как крупинки льда, плавали в воде. Шумел сухой тростник. Утки зябли в зарослях и жалобно крякали всю ночь.

Деду не спалось. Он сидел у печки и чинил рваную рыболовную сеть. Потом поставил самовар — от него окна в избе сразу запотели, и звёзды из огненных точек превратились в мутные шары.

Во дворе лаял Мурзик. Он прыгал в темноту, лязгал зубами и отскакивал — воевал с непроглядной октябрьской ночью. Заяц спал в сенях и изредка во сне громко стучал задней лапой по гнилой половице.

Мы пили чай ночью, дожидаясь далёкого и нерешительного рассвета, и за чаем дед рассказал мне наконец историю о зайце.

В августе дед пошёл охотиться на северный берег озера. Леса стояли сухие, как порох. Деду попался зайчонок с рваным левым ухом. Дед выстрелил в него из старого, связанного проволокой ружья, но промахнулся. Заяц удрал.

Дед пошёл дальше. Но вдруг затревожился: с юга, со стороны Лопухов, сильно тянуло гарью. Поднялся ветер. Дым густел, его уже несло белой пеленой по лесу, затягивало кусты. Стало трудно дышать.

Дед понял, что начался лесной пожар и огонь идёт прямо на него. Ветер перешёл в ураган. Огонь гнало по земле с неслыханной скоростью. По словам деда, даже поезд не мог бы уйти от такого огня. Дед был прав: во время урагана огонь шёл со скоростью тридцати километров в час.

Дед побежал по кочкам, спотыкался, падал, дым выедал ему глаза, а сзади был уже слышен широкий гул и треск пламени.

Смерть наступала деда, хватала его за плечи, и в это время из-под ног у деда выскочил заяц. Он бежал медленно и волочил задние лапы. Потом только дед заметил, что они у зайца обгорели.

Дед обрадовался зайцу, будто родному. Как старый лесной житель дед знал, что звери гораздо лучше человека чувствуют, откуда идёт огонь, и всегда спасаются. Гибнут они только в тех редких случаях, когда огонь их окружает.

Дед побежал за зайцем. Он бежал, плакал от страха и кричал: «Погоди, милый, не беги так-то быстро!»

Заяц вывел деда из огня. Когда они выбежали из леса к озеру, заяц и дед — оба упали от усталости. Дед подобрал зайца и понёс домой. У зайца были опалены задние ноги и живот. Потом дед его вылечил и оставил у себя.

— Да, — сказал дед, поглядывая на самовар так сердито, будто самовар был всему виной, — да, а перед тем зайцем, выходит, я сильно провинился, милый человек.

— Чем же ты провинился?

— А ты выдь, погляди на зайца, на спасителя моего, тогда узнаешь. Бери фонарь!

Я взял со стола фонарь и вышел в сенцы. Заяц спал. Я нагнулся над ним с фонарём и заметил, что левое ухо у зайца рваное. Тогда я понял всё.

Оголец — озорной мальчишка.

Онучи — обмотки, портянки.

Суховей — сухой горячий ветер.

Пенсне — очки без дужек, укреплённые на переносице.

Кратер — углубление в вершине вулкана, похожее на воронку.

1. Почему дед чувствовал себя виноватым перед зайцем?
2. Как заяц спас жизнь деду?

К. Г. Паустовский
Барсучий нос

I

Озеро около берегов было засыпано ворохами жёлтых листьев. Их было так много, что мы не могли ловить рыбу. Лески ложились на листья и не тонули.

Приходилось выезжать на старом челне на середину озера, где доцветали кувшинки и голубая вода казалась чёрной, как дёготь. Там мы ловили разноцветных окуней, вытаскивали оловянную плотву и ершей с глазами, похожими на две маленькие луны. Щуки лязгали на нас мелкими, как иглы, зубами.

Стояла осень в солнце и туманах. Сквозь облетевшие леса были видны далёкие облака и синий густой воздух. По ночам в зарослях вокруг нас шевелились и дрожали низкие звёзды.

У нас на стоянке горел костёр. Мы жгли его весь день и ночь напролёт, чтобы отгонять волков,— они тихо выли по дальним берегам озера. Их беспокоил дым костра и весёлые человеческие крики.

Мы были уверены, что огонь пугает зверей, но однажды вечером в траве, у костра, начал сердито сопеть какой-то зверь. Его не было видно. Он озабоченно бегал вокруг нас, шумел высокой травой, фыркал и сердился, но не высовывал из травы даже ушей. Картошка жарилась на сковороде, от неё шёл острый, вкусный запах, и зверь, очевидно, прибежал на этот запах.

II

С нами был маленький мальчик. Ему было всего девять лет, но он хорошо переносил ночёвки в лесу и холод осенних рассветов. Гораздо лучше нас, взрослых, он всё замечал и рассказывал. Он был выдумщик, этот мальчик, но мы, взрослые, очень любили его выдумки. Мы никак не могли, да и не хотели доказывать ему, что он говорит неправду. Каждый день он придумывал что-нибудь новое: то он слышал, как шептались рыбы, то видел, как муравьи устроили себе паром через ручей из сосновой коры и паутины и переправлялись при свете ночной небывалой радуги. Мы делали вид, что верили ему.

Всё, что окружало нас, казалось необыкновенным: и поздняя луна, блиставшая над чёрными озёрами, и высокие облака, похожие на горы розового снега, и даже привычный морской шум высоких сосен.

Мальчик первый услышал фыркание зверя и зашипел на нас, чтобы мы замолчали. Мы притихли. Мы старались даже не дышать, хотя рука невольно тянулась к двустволке,— кто знает, что это мог быть за зверь.

Через полчаса зверь высунул из травы мокрый чёрный нос, похожий на свиной пяточок. Нос долго нюхал воздух и дрожал от жадности. Потом из травы показалась полосатая шкурка. Из зарослей вылез маленький барсук. Он поджал лапу и внимательно посмотрел на меня. Потом он брезгливо фыркнул и сделал шаг к картошке.

Она жарилась и шипела, разбрызгивая кипящее сало. Мне хотелось крикнуть зверьку, что он обожжётся, но я опоздал: барсук прыгнул к сковородке и сунул в неё нос...

Запахло палёной кожей. Барсук взвизгнул и с отчаянным воплем бросился обратно в траву. Он бежал и голосил на весь лес, ломал кусты и плевался от негодования и боли.

На озере и в лесу началось смятение: без времени заорали испуганные лягушки, всполошились птицы, и у самого берега, как пушечный выстрел, ударила пудовая щука.

III

Утром мальчик разбудил меня и рассказал, что он сам только что видел, как барсук лечит свой обожжённый нос. Я не поверил. Я сел у костра и спросонок слушал утренние голоса птиц. Вдали посвистывали белохвостые кулики, крякали утки, курлыкали журавли на сухих болотах — мшарах, тихо ворковали горлинки. Мне не хотелось двигаться.

Мальчик тянул меня за руку. Он обиделся. Он хотел доказать мне, что не соврал. Он звал меня пойти посмотреть, как лечится барсук. Я нехотя согласился. Мы осторожно пробрались в чащу, и среди зарослей вереска я увидел гнилой сосновый пенёк. От него тянуло грибами и йодом.

Около пня, спиной к нам, стоял барсук. Он расковырял пенёк и засунул в середину пня, в мокрую и холодную труху, обожжённый нос. Он стоял неподвижно и охлаждал свой несчастный нос, а вокруг бегал и фыркал другой маленький барсучок.

Он волновался и толкал нашего барсука носом в живот. Наш барсук рычал на него и лягался задними пушистыми лапами.

Потом он сел и заплакал. Он смотрел на нас круглыми и мокрыми глазами, стонал и облизывал своим шершавым языком больной нос. Он как будто просил о помощи, но мы ничем не могли ему помочь.

Через год я встретил на берегах этого озера барсука со шрамом на носу. Он сидел у воды и старался поймать лапой гремющих, как жесть, стрекоз. Я помахал ему рукой, но он сердито чихнул в мою сторону и спрятался в зарослях брусники.

С тех пор я его больше не видел.

1. Какие чувства к барсуку у вас появились? Сочувствовали ли вы ему, переживали за него, хотели помочь?

2. Найдите и перечитайте описание барсука. Почему он попал в беду? Как он лечился? Расскажите.

3. Подтвердите строками из рассказа, что мальчик был очень наблюдательным, всё замечал и умел рассказать об увиденном.

К. Г. Паустовский

Кот-ворюга

Мы пришли в отчаяние. Мы не знали, как поймать этого рыжего кота. Он обворовывал нас каждую ночь. Он так ловко прятался, что никто из нас его толком не видел. Только через неделю удалось, наконец, установить, что у кота разорвано ухо и отрублен кусок грязного хвоста.

Это был кот, потерявший всякую совесть, кот-бродяга и бандит. Звали его за глаза Ворюгой. Он воровал всё: рыбу, мясо, сметану и хлеб. Однажды он даже разрыл в чулане жестяную банку с червями. Их он не съел, но на разрытую банку сбежались куры и склевали весь наш запас червей.

Объевшиеся куры лежали на солнце и стонали. Мы ходили около них и ругались, но рыбная ловля всё равно была сорвана.

Почти месяц мы потратили на то, чтобы выследить рыжего кота. Деревенские мальчишки помогали нам в этом. Однажды они примчались и, запыхавшись, рассказали, что на рассвете кот пронёсся, приседая, через огороды и протащил в зубах кукан с окунями.

Мы бросились в погреб и обнаружили пропажу кукана; на нём было десять жирных окуней, пойманных на Прорве.

Это было уже не воровство, а грабёж среди бела дня. Мы поклялись поймать кота и вздуть его за бандитские проделки.

Кот попался этим же вечером. Он украл со стола кусок ливерной колбасы и полез с ним на берёзу.

Мы начали трясти берёзу. Кот уронил колбасу, она упала на голову Рувиму. Кот смотрел на нас сверху дикими глазами и грозно выл.

Но спасения не было, и кот решился на отчаянный поступок. С ужасающим воем он сорвался с берёзы, упал на землю, подскочил, как футбольный мяч, и умчался под дом.

Дом был маленький. Он стоял в глухом, заброшенном саду. Каждую ночь нас будил стук диких яблок, падавших с веток на его тесовую крышу.

Дом был завален удочками, дробью, яблоками и сухими листьями. Мы в нём только ночевали. Все дни, от рассвета до темноты, мы проводили на берегах бесчисленных протоков и озёр. Там мы ловили рыбу и разводили костры в прибрежных зарослях. Чтобы пройти к берегу озёр, приходилось вытапывать узкие тропинки в душистых высоких травах. Их венчики качались над головами и осыпали плечи жёлтой цветочной пылью.

Возвращались мы вечером, исцарапанные шиповником, усталые, сожженные солнцем, со связками серебристой рыбы, и каждый раз нас встречали рассказами о новых босяцких выходках рыжего кота.

Но, наконец, кот попался. Он залез под дом в единственный узкий лаз. Выхода оттуда не было.

Мы заложили лаз старой рыболовной сетью и начали ждать. Но кот не выходил. Он противно выл, как подземный дух, выл непрерывно и без всякого утомления.

Прошёл час, два, три... Пора было ложиться спать, но кот выл и ругался под домом, и это действовало нам на нервы.

Тогда был вызван Лёнька, сын деревенского сапожника. Лёнька славился бесстрашием и ловкостью. Ему поручили вытащить из-под дома кота. Лёнька взял шёлковую леску, привязал к ней за хвост пойманную днём плотицу и закинул её через лаз в подполье.

Вой прекратился. Мы услышали хруст и хищное щелканье – кот вцепился зубами в рыбью голову. Он вцепился мёртвой хваткой. Лёнька потащил за леску, кот отчаянно упирался, но Лёнька был сильнее, и, кроме того, кот не хотел выпускать вкусную рыбу.

Через минуту голова кота с зажатой в зубах плотицей показалась в отверстии лаза. Лёнька схватил кота за шиворот и поднял над землей. Мы впервые его рассмотрели как следует.

Кот зажмурил глаза и прижал уши. Хвост он на всякий случай подобрал под себя. Это оказался тощий, несмотря на постоянное воровство, огненно-рыжий кот-беспризорник с белыми подпалинами на животе.

Рассмотрев кота, Рувим задумчиво спросил:

— Что же нам с ним делать?

— Выдрать! — сказал я.

— Не поможет, — сказал Лёнька. — У него с детства характер такой. Попробуйте его накормить как следует.

Кот ждал, зажмурив глаза.

Мы последовали этому совету, втащили кота в чулан и дали ему замечательный ужин: жареную свинину, заливное из окуней, творожники и сметану.

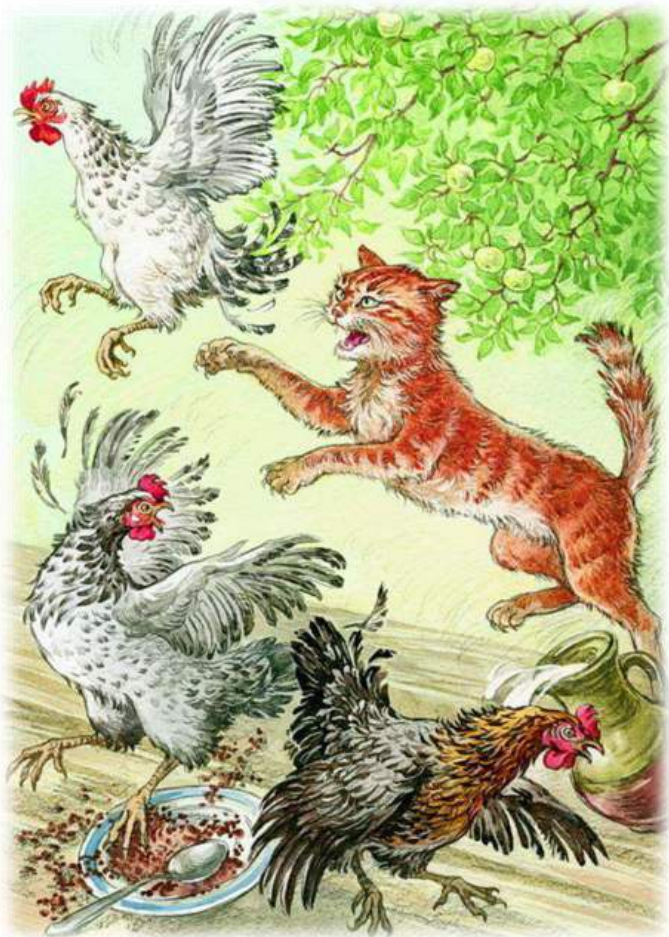
Кот ел больше часа. Он вышел из чулана пошатываясь, сел на пороге и мылся, поглядывая на нас и на низкие звёзды зелёными нахальными глазами.

После умывания он долго фыркал и тёрся головой о пол. Это, очевидно, должно было обозначать веселье. Мы боялись, что он протрёт себе шерсть на затылке.

Потом кот перевернулся на спину, поймал свой хвост, пожевал его, выплюнул, растянулся у печки и мирно захрапел.

С этого дня он у нас прижился и перестал воровать. На следующее утро он даже совершил благородный и неожиданный поступок.

Куры влезли на стол в саду и, толкая друг друга и переругиваясь, начали склёвывать из тарелок гречневую кашу.

Кот, дрожа от негодования, прокрался к курам и с коротким победным криком прыгнул на стол.

Куры взлетели с отчаянным воплем. Они перевернули кувшин с молоком и бросились, теряя перья, удирать из сада. Впереди мчался, икая, голенастый петух-дурак, прозванный “Горлачом”.

Кот нёсся за ним на трёх лапах, а четвертой, передней лапой бил петуха по спине. От петуха летели пыль и пух. Внутри его от каждого удара что-то бухало и гудело, будто кот бил по резиновому мячу.

После этого петух несколько минут лежал в припадке, закатив глаза, и тихо стонал. Его облили холодной водой, и он отошёл.

С тех пор куры опасались воровать. Увидев кота, они с писком и толкотней прятались под домом.

Кот ходил по дому и саду, как хозяин и сторож. Он тёрся головой о наши ноги. Он требовал благодарности, оставляя на наших брюках клочья рыжей шерсти.

Мы переименовали его из Ворюги в Милиционера. Хотя Рувим и утверждал, что это не совсем удобно, но мы были уверены, что милиционеры не будут на нас за это в обиде.

А бабы-молочницы почему-то прозвали кота Степаном.

1. Какие выражения подчёркивают комичность происходящего?
2. Удалось ли тебе почувствовать, в чём состоит серьёзный, глубинный смысл этого рассказа?

Д. Н. Мамин-Сибиряк

Приёмыш

В дождливый день я подходил к Светлому озеру...

Когда я подходил уже совсем к избушке, из травы кубарем вылетела на меня пёстрая собачонка и залилась отчаянным лаем.

— Соболько, перестань... Не узнал?

Соболько остановился в раздумье, но, видимо, ещё не верил в старое знакомство. Он осторожно подошёл, обнюхал мои охотничьи сапоги и только после этой церемонии виновато завилял хвостом. Дескать, виноват, ошибся, — а всё-таки я должен стеречь избушку.

Избушка оказалась пустой. Хозяина не было, то есть он, вероятно, отправился на озеро осматривать какую-нибудь рыболовную снасть...

Сняв намокшую куртку и развесив охотничьи доспехи по стенке, я принялся разводить огонь.

Соболько вертелся около меня, предчувствуя какую-нибудь поживу...

В ожидании старика я прикрепил на длинной палке медный походный чайник с водой и повесил его над огнём. Вода уже начинала кипеть, а старика всё не было... Умная собака только виляла пушистым хвостом, облизывалась и нетерпеливо взвизгивала.

Когда этот «лучший друг человека» радостно взвизгнул, я понял, что он завидел хозяина.

Действительно, в протоке чёрной точкой показалась рыбацья лодка, огибавшая остров. Это и был Тарас... Он плыл, стоя на ногах, и ловко работал одним веслом. Когда он подплыл ближе, я заметил, к удивлению, плывшего перед лодкой лебедя.

— Ступай домой, гуляка! — ворчал старик, подгоняя красиво плывшую птицу. — Ступай, ступай... Вот я дам — уплывать Бог знает куда... Ступай домой, гуляка!

Лебедь красиво подплыл к сайме, вышел на берег, встряхнулся и, тяжело переваливаясь на своих кривых чёрных ногах, направился к избушке.

— Здравствуй, Тарас!.. Откуда Бог несёт?

— А вот за Приёмышем плавал, за лебедем... Всё тут вертелся, в протоке, а потом вдруг и пропал... Ну, я сейчас за ним. Выехал в озеро — нет; по заводям проплыл — нет; а он за островом плавает.

— Откуда достал-то его, лебедя?

— Тут охотники наезжали; ну лебедя с лебёдушкой и пристрелили, а вот этот остался. Забился в камыши и сидит. Летать-то не умеет, вот и спрятался... Я, конечно, ставил сети подле камышей, ну, и поймал его. Пропадёт один-то, ястреба заедят, потому как смыслу в нём ещё настоящего нет. Сиротой остался. Вот я его привёз и держу. И он тоже привык... Теперь вот скоро месяц будет, как живём вместе. Утром на заре поднимается, поплавает в протоке, покормится, а потом и домой. Знает, когда я встаю, и ждёт, чтобы покормили. Умная птица, одним словом, и свой порядок знает.

Старик говорил необыкновенно любовно, как о близком человеке. Лебедь приковылял к самой избушке и, очевидно, выжидал какой-нибудь подачки.

— Улетит он у тебя, дедушка... — заметил я.

— Зачем ему лететь? И здесь хорошо: сыт, кругом вода...

— А зимой?

— Перезимует вместе со мной в избушке. Места хватит, а нам с Собољком веселее. Как-то один охотник забрёл ко мне на сайму, увидел лебедя и говорит вот так же: «Улетит, ежели крылья не подрежешь». А как же можно увечить Божью птицу? Пусть живёт... Не возьму я в толк, зачем господа лебедей застрелили. Ведь и есть не станут, а так, для озорства...

Лебедь точно понимал слова старика, посматривал на него своими умными глазами.

— А как он с Собољком? — спросил я.

— Сперва-то боялся, а потом привык. Теперь лебедь-то в другой раз у Собољка и кусок отнимает. Пёс заворчит на него, а лебедь его — крылом. Смешно на них со стороны смотреть. А то гулять вместе отправятся: лебедь по воде, а Собољко — по берегу. Пробовал пёс плавать за ним, ну, да ремесло-то не то: чуть не потонул.

А как лебедь уплывёт, Соболько ищет его. Сядет на бережку и воет... Дескать, скучно мне, псу, без тебя, друг единственный. Так вот и живём втроём.

Тарас жил на Светлом уже сорок лет. Когда-то у него были и своя семья, и дом, а теперь он жил бобылём. Дети перемёрли, жена тоже умерла, и Тарас безвыходно оставался на Светлом по целым годам.

— Не скучно тебе, дедушка? — спросил я, когда мы возвращались с рыбной ловли. — Жутко одному-то в лесу...

— Одному? Тоже и скажет... Я тут князь князем живу. Всё у меня есть... И птица всякая, и рыба, и трава. Конечно, говорить они не умеют, да я-то понимаю всё. Сердце радуется в другой раз посмотреть на Божью тварь... У всякой свой порядок и свой ум. Ты думаешь, зря рыбка плавает в воде или птица по лесу летает? Нет, у них заботы не меньше нашего... Эвон, погляди, лебедь-то дожидается нас с Собольком...

Старик ужасно был доволен своим Приёмышем, и все разговоры в конце концов сводились на него.

— Гордая, настоящая царская птица, — объяснил он. — Помани его кормом, да не дай, другой раз и не пойдёт. Свой характер тоже имеет, даром что птица... С Собольком тоже себя очень гордо держит. Чуть что, сейчас крылом, а то и носом долбанёт. Известно, пёс в другой раз созорничать захочет, зубами норовит за хвост поймать, а лебедь его по морде... Это тоже не игрушка, чтобы за хвост хватать.

— Посмотри-ка, как лебедь-то разыгрался с Собольком...

Действительно, стоило полюбоваться оригинальной картиной. Лебедь стоял, раскрыв крылья, а Соболько с визгом и лаем нападал на него. Умная птица вытягивала шею и шипела на собаку, как это делают гуси. Старый Тарас от души смеялся над этой сценой, как ребёнок.

В следующий раз я попал на Светлое озеро уже поздней осенью, когда выпал первый снег...

Навстречу мне выскочил тот же Соболько. Теперь он узнал меня и ласково завилял хвостом ещё издали. Тарас был дома. Он чинил невод для зимнего лова.

Старик действительно имел утомлённый вид. Он казался теперь таким дряхлым и жалким... За чаем мы разговорились, и старик рассказал своё горе.

— Помнишь... лебедя-то?

— Приёмыша?

— Он самый... Ах, хороша была птица!.. А вот мы опять с Собољком остались одни... Да, не стало Приёмыша.

— Убили охотники?

— Нет, сам ушёл... Вот как мне обидно это!.. Уж я ли, кажется, не ухаживал за ним!.. Из рук кормил... Он ко мне и на голос шёл. Плавает он по озеру, — я его кликну, он и подплывает. Учёная птица. И ведь совсем привыкла... да! Уж в заморозки грех вышел. На перелёте стадо лебедей спустилось на Светлое озеро. Ну, отдыхают, кормятся, плавают, а я люблюсь. Пусть Божья птица с силой соберётся: не близкое место лететь... Мой-то Приёмыш сначала сторонился от других лебедей: подплывёт к ним и назад. Те гогочут по-своему, зовут его, он — домой... Дескать, у меня свой дом есть. Так дня три это у них было. Всё, значит, переговариваются по-своему, по-птичьему. Ну, а потом, вижу, мой Приёмыш затосковал... Вот, всё равно как человек тоскует. Выйдет это на берег, встанет на одну ногу и начнёт кричать. Да ведь так жалобно кричит...

Старик замолчал и тяжело вздохнул.

— Ну, и что же, дедушка?

— Ах, и не спрашивай... Запер я его в избушку на целый день, так он и тут донял. Станет на одну ногу у самой двери и стоит, пока не сгонишь его с места. Только вот не скажет человеческим языком: «Пусти, дедушка, к товарищам. Они-то в тёплую сторону летят, а что я с вами тут буду зимой делать?!» Ах, ты, думаю, задача! Пустить — улетит за стадом и пропадёт...

— Почему пропадёт?

— А как же. Те-то на вольной воле выросли. Их, молодые которые, отец с матерью летать выучили. Ведь ты думаешь, как у них? Подрастут лебедята, — отец с матерью выведут их сперва на воду, а потом начнут учить летать. Исподволь учат: всё дальше да дальше. Своими глазами я видел, как молодых обучают к перелёту. Сначала особняком учат, потом небольшими стаями, а потом уже сгрудятся в одно большое стадо.

Похоже на то, как солдат муштруют... Ну, а мой-то Приёмыш один вырос и, почитай, никуда не летал. Поплаваёт по озеру — только и всего ремесла. Выбьется из сил, отстанет от стада и пропадёт... Непривычен к дальнему лёту.

Старик опять замолчал.

— А пришлось выпустить, — с горечью заговорил он. — Всё равно, думаю, ежели удержу его на зиму, затоскует и схиреет. Уж птица такая особенная. Ну, и выпустил. Пристал мой Приёмыш к стаду, поплавал с ними один день, а к вечеру опять домой... В последний-то раз отплыл от берега, остановился и как, братец ты мой, крикнет по-своему. Дескать: «Спасибо за хлеб, за соль!..» Только я его и видел. Остались мы опять с Собољком одни. Первое-то время сильно мы оба тосковали. Спрошу его: «Собољко, а где наш Приёмыш?» А Собољко сейчас выть... Значит, жалеет. И сейчас на берег, и сейчас искать друга милого... Мне по ночам всё грезилось, что Приёмыш-то тут вот полощется у берега и крылышками хлопает. Выйду — никого нет... Вот какое дело вышло...

Приёмыш - это сирота, которого взяли на воспитание чужие люди.

Сайма — рыбацкая стоянка.

Прото́ка - боковой рукав реки или речка, соединяющая два водоёма.

За́водь - небольшой залив в реке или озере с замедленным течением.

Жил бобылём - одиноко, без родных, без жены; т.е. одинокий человек

Муштруют — обучают, подвергая суровой системе воспитания.

Ежели — если

Схиреет — ослабеет, зачахнет.

1. Почему Мамин-Сибиряк назвал свой рассказ «Приёмыш»? Объясни.
2. Почему Тарас решил приютить птицу? Какие слова помогают понять, как он относился к Приёмышу? Почему старик назвал лебедя особенной птицей?
3. Что почувствовал Тарас, когда Приёмыш улетел? Почему герой отпустил лебедя? Как он сам объяснил свой поступок?

А. И. Куприн

Барбос и Жулька

Барбос был невелик ростом, но приземист и широкогруд. Благодаря длинной, чуть-чуть вьющейся шерсти в нём замечалось отдалённое сходство с белым пуделем, но только с пуделем, к которому никогда не прикасались ни мыло, ни гребень, ни ножницы. Летом он постоянно с головы до конца хвоста бывал унизан колючими «репьями», осенью же клоки шерсти на его ногах, животе, извалявшись в грязи и потом высохнув, превращались в сотни коричневых, болтающихся сталактитов. Уши Барбоса вечно носили на себе следы «боевых схваток», а в особенно горячие периоды собачьего флирта прямо-таки превращались в причудливые фестоны. Таких собак, как он, искони и всюду зовут Барбосами. Изредка только, да и то в виде исключения, их называют Дружками. Эти собаки, если не ошибаюсь, происходят от простых дворняжек и овчарок. Они отличаются верностью, независимым характером и тонким слухом.

Жулька также принадлежала к очень распространённой породе маленьких собак, тех тонконогих собачек с гладкой чёрной шерстью и жёлтыми подпалинами над бровями и на груди, которых так любят отставные чиновницы. Основной чертой её характера была деликатная, почти застенчивая вежливость.

Это не значит, чтобы она тотчас же перевёртывалась на спину, начинала улыбаться или униженно ползала на животе, как только с ней заговаривал человек (так поступают все лицемерные, льстивые и трусливые собачонки). Нет, к доброму человеку она подходила с свойственной ей смелой доверчивостью, опиралась на его колено своими передними лапами и нежно протягивала мордочку, требуя ласки. Деликатность её выражалась главным образом в манере есть. Она никогда не попрошайничала, наоборот, её всегда приходилось упрашивать, чтобы она взяла косточку. Если же к ней во время еды подходила другая собака или люди, Жулька скромно отходила в сторону с таким видом, который как будто бы говорил: «Кушайте, кушайте, пожалуйста... Я уже совершенно сыта...» Право же, в ней в эти моменты было гораздо меньше собачьего, чем в иных почтенных человеческих лицах во время хорошего обеда.

Конечно, Жулька единогласно признавалась комнатной собачкой. Что касается до Барбоса, то нам, детям, очень часто приходилось его отстаивать от справедливого гнева старших и пожизненного изгнания во двор. Во-первых, он имел весьма смутные понятия о праве собственности (особенно если дело касалось съестных припасов), а во-вторых, не отличался аккуратностью в туалете. Этому разбойнику ничего не стоило стрескать в один присест добрую половину жареного пасхального индюка, воспитанного с особенною любовью и откормленного одними орехами, или улечься, только что выскочив из глубокой и грязной лужи, на праздничное, белое, как снег, покрывало маминой кровати.

Летом к нему относились снисходительно, и он обыкновенно лежал на подоконнике раскрытого окна в позе спящего льва, уткнув морду между вытянутыми передними лапами. Однако он не спал: это замечалось по его бровям, всё время не перестававшим двигаться. Барбос ждал... Едва только на улице против нашего дома показывалась собачья фигура, Барбос стремительно скатывался с окошка, проскальзывал на брюхе в подворотню и полным карьером нёсся на дерзкого нарушителя территориальных законов. Он твёрдо памятовал великий закон всех единоборств и сражений: бей первый, если не хочешь быть битым, и поэтому наотрез отказывался от всяких принятых в собачьем мире дипломатических приёмов, вроде предварительного взаимного обнюхивания, угрожающего рычания, завивания хвоста кольцом и так далее. Барбос, как молния, настигал соперника, грудью сшибал его с ног и начинал грызню. В течение нескольких минут среди густого столба коричневой пыли барахтались, сплетаясь клубком, два собачьих тела. Наконец Барбос одерживал победу. В то время, когда его враг обращался в бегство, поджимая хвост между ногами, визжа и трусливо оглядываясь назад, Барбос с гордым видом возвращался на свой пост на подоконник. Правда, что иногда при этом триумфальном шествии он сильно прихрамывал, и уши его украшались лишними фестонами, но, вероятно, тем слаще казались ему победные лавры.

Между ним и Жулькой царствовало редкое согласие и самая нежная любовь. Может быть, втайне Жулька осуждала своего друга за буйный нрав и дурные манеры, но, во всяком случае, явно она никогда этого не высказывала.

Она даже и тогда сдерживала своё неудовольствие, когда Барбос, проглотив в несколько приёмов свой завтрак, нагло облизываясь, подходил к Жулькиной миске и засовывал в неё свою мокрую мохнатую морду. Вечером, когда солнце жгло не так сильно, обе собаки любили поиграть и повозиться на дворе.

Они то бегали одна от другой, то устраивали засады, то с притворно сердитым рычанием делали вид, что ожесточённо грызутся между собой.

Однажды к нам во двор забежала бешеная собака. Барбос видел её с своего подоконника, но, вместо того, чтобы, по обыкновению, кинуться в бой, он только дрожал всем телом и жалобно

повизгивал.

Собака носилась по двору из угла в угол, нагоняя одним своим видом панический ужас и на людей, и на животных.

Люди попрятались за двери и боязливо выглядывали из-за них. Все кричали, распоряжались, давали бестолковые советы и подзадоривали друг друга. Бешеная собака тем временем уже успела искушать двух свиней и разорвать несколько уток.

Вдруг все ахнули от испуга и неожиданности. Откуда-то из-за сарая выскочила маленькая Жулька и во всю прыть своих тоненьких ножек понеслась наперерез бешеной собаке. Расстояние между ними уменьшалось с поразительной быстротой. Потом они столкнулись... Это всё произошло так быстро, что никто не успел даже отозвать Жульку назад. От сильного толчка она упала и покатилась по земле, а бешеная собака тотчас же повернула к воротам и выскочила на улицу.

Когда Жульку осмотрели, то на ней не нашли ни одного следа зубов. Вероятно, собака не успела её даже укусить. Но напряжение героического порыва и ужас пережитых мгновений не прошли даром бедной Жульке...

С ней случилось что-то странное, необъяснимое. Если бы собаки обладали способностью сходить с ума, я сказал бы, что она помешалась. В один день она исхудала до неузнаваемости; то лежала по целым часам в каком-нибудь тёмном углу, то носилась по двору, кружась и подпрыгивая. Она отказывалась от пищи и не оборачивалась, когда её звали по имени.

На третий день она так ослабела, что не могла приподняться с земли. Глаза её, такие же светлые и умные, как и прежде, выражали глубокое внутреннее мучение.

По приказанию отца, её отнесли в пустой дровяной сарай...

Через час после того, как Жульку заперли, к сараю прибежал Барбос. Он был сильно взволнован и принялся сначала визжать, а потом выть, подняв кверху голову. Иногда он останавливался на минуту, чтобы понюхать с тревожным видом и настороженными ушами щель сарайной двери, а потом опять протяжно и жалостно выл.

Его пробовали отзывать от сарая, но это не помогало...

Так как дети вообще стоят к животным гораздо ближе, чем это думают взрослые, то мы первые догадались, чего хочет Барбос.

— Папа, пусти Барбоса в сарай. Он хочет проститься с Жулькой. Пусти, пожалуйста, папа, — пристали мы к отцу...

И мы были правы.

Как только отворили дверь сарая, Барбос стремглав бросился к Жульке, бессильно лежавшей на земле, обнюхал её и с тихим визгом стал лизать её в глаза, в морду, в уши.

Жулька слабо помахивала хвостом и старалась приподнять голову — ей это не удалось. В прощании собак было что-то трогательное...

Когда Барбоса позвали, он повиновался и, выйдя из сарая, лёг около дверей на земле. Он уже больше не волновался и не выл, а лишь изредка поднимал голову и как будто бы прислушивался к тому, что делается в сарае. Часа через два он опять завыл, но так громко и так выразительно, что кучер должен был достать ключи и отворить двери. Жулька лежала неподвижно на боку. Она издохла...

Сталактит — известковый нарост на потолке пещеры, образованный просачивающимися каплями.

Фестон — большой, округлый или острый выступ, ряд которых украшает края чего-либо.

- 1. Как ты думаешь, почему автор подробно описал нам внешний вид каждой собаки? Можно ли было ожидать, что Жулька окажется способной на такой поступок?
2. Как Куприн называет отношения, сложившиеся между двумя собаками? Согласен ли ты с ним? Подтверди своё мнение примерами из текста.
3. О чём хотел сказать Куприн своим читателям? Обсудите с другом.
4. Какой рассказ Л. Толстого напоминает произведение А. Куприна? Сравни их.

М. М. Пришвин

Выскачка

Наша охотничья собака, лайка, приехала к нам с берегов Бии, и в честь этой сибирской реки так и назвали мы её Бией. Но скоро эта Бия почему-то у нас превратилась в Бьюшку, Бьюшку все стали звать Вьюшкой. Мы с ней мало охотились, но она прекрасно служила у нас сторожем. Уйдёшь на охоту, и будь уверен: Вьюшка не пустит врага.

Весёлая собачка эта Вьюшка, всем нравится: ушки как рожки, хвостик колечком, зубки беленькие, как чеснок.

Достались ей от обеда косточки. Получая подарок, Вьюшка развернула колечко своего хвоста и опустила его вниз поленом. Это у неё означало тревогу и начало бдительности, необходимой для защиты, — известно, что в природе на кости есть много охотников.

С опущенным хвостом Вьюшка вышла на траву-мураву и занялась одной косточкой, другую же положила рядом с собой.

Тогда, откуда ни возьмись, сороки: скок, скок! — и к самому носу собаки. Когда же Вьюшка повернула голову к одной — хват! другая сорока с другой стороны — хват! — и унесла косточку.

Дело было поздней осенью, и сороки вывода этого лета были совсем взрослые. Держались они тут всем выводком, в семь штук, и от своих родителей постигли все тайны воровства. Очень быстро они оклевали украденную косточку и, недолго думая, собрались отнять у собаки вторую.

Говорят, что в семье не без урода. То же оказалось и в сорочьей семье. Из семи сорок одна вышла не то чтобы совсем глупенькая, а как-то с заскоком и с пыльцой в голове.

Вот сейчас то же было: все шесть сорок повели правильное наступление, большим полукругом, поглядывая друг на друга, и только одна Вискочка поскакала дуром.

— Тра-та-та-та-та! — застрекотали все сороки.

Это у них значило:

Скачи назад, скачи, как надо, как всему сорочьему обществу надо!

— Тра-ля-ля-ля-ля! — ответила Вискочка.

Это у неё значило:

— Скачите, как надо, а я — как мне самой хочется.

Так на свой страх и риск Вискочка подскакала к самой Вьюшке в том расчёте, что Вьюшка, глупая, бросится на неё, выбросит кость, она же изловчится и кость унесёт.

Вьюшка, однако, замысел Вискочки хорошо понимала и не только не бросилась на неё, но, заметив Вискочку косым глазом, освободила кость и поглядела в противоположную сторону, где правильным полукругом, как бы нехотя — скок и подумают,— наступали шесть умных сорок.

Вот это мгновение, когда Вьюшка отвернула голову, Вискочка улучила для своего нападения.

Она схватила кость и даже успела повернуться в другую сторону, успела ударить по земле крыльями, поднять пыль из-под травы-муравы.

И только бы ещё одно мгновение, чтобы подняться на воздух, только бы одно мгновеньишко! Вот только-только бы подняться сороке, как Вьюшка схватила её за хвост, и кость выпала...

Выскачка вырвалась, но весь радужный длинный сорочий хвост остался у Вьюшки в зубах и торчал из пасти её длинным острым кинжалом.

Видел ли кто-нибудь сороку без хвоста? Трудно даже вообразить, во что превращается эта блестящая пёстрая и проворная воровка яиц, если ей оборвать хвост. Ничего сорочьего не остаётся тогда в этой птице, и ни за что в ней не узнаешь не только сороку, а и какую-нибудь птицу: это просто шарик пёстрый с головкой.

Бесхвостая Выскачка села на ближайшее дерево, все другие шесть сорок прилетели к ней. И было видно по всему сорочьему стрекотанью, по всей суете, что нет в сорочьем быту большего срама, как лишиться сороке хвоста.

1. Почему Пришвин назвал свой рассказ «Выскачка»? Объясни.

2. Как автор описывает Вьюшку, её поведение и повадки? Как у собаки появилась такая кличка?

3. Что произошло с Вьюшкой? Как она проявила себя в ситуации с сорокой?

4. Что ты узнал о Выскачке? Какое чувство вызвала у тебя сорока? Случайно ли писатель так назвал её?

5. На что рассчитывала Выскачка, приближаясь к собаке? Какой момент в рассказе самый напряжённый? Почему ты так считаешь?

М. М. Пришвин

Жаркий час

В полях тает, а в лесу ещё снег лежит нетронутый плотными подушками на земле и на ветках деревьев, и деревья стоят в снежном плену. Тонкие стволы пригнулись к земле, примёрзли и ждут с часу на час освобождения. Наконец приходит этот жаркий час, самый счастливый для неподвижных деревьев и страшный для зверей и птиц.

Пришёл жаркий час, снег незаметно подтаивает, и вот в полной лесной тишине как будто сама собой шевельнётся еловая веточка и закачается. А как раз под этой ёлкой, прикрытой её широкими ветками, спит заяц. В страхе он встаёт и прислушивается: веточка не может же сама собой шевельнуться. Зайцу страшно, а тут на глазах его другая, третья ветка шевельнулась и, освобожденная от снега, подпрыгнула. Заяц метнулся, побежал, опять сел столбиком и слушает: откуда беда, куда ему бежать? И только стал на задние лапки, только оглянулся, как прыгнет вверх перед самым его носом, как выпрямится, как закачается целая берёза, как махнёт рядом ветка ёлки!

И пошло, и пошло: везде прыгают ветки, вырываясь из снежного плена, весь лес кругом шевелится, весь лес пошёл. И мечется обезумевший заяц, и встаёт всякий зверь, и птица улетает из леса.

1. О каком времени года говорится в произведении?
2. Как вы понимаете понятие "Жаркий час"?
3. Почему этот час "страшный для зверей и птиц"?

Агния Барто

Дикарка

Утро. На солнышке жарко.
 Кошка стоит у ручья.
 Чья это кошка?
 Ничья!
 Смотрит на всех,
 Как дикарка.

Мы объясняли дикарке:
 — Ты же не тигр в Зоопарке,
 Ты же обычная кошка!
 Ну, помурлычь хоть немножко!

Кошка опять, как тигрица,
 Выгнула спину и злится.
 Кошка крадётся по следу...
 Зря мы вели с ней беседу.

Агния Барто

Думают ли звери?

Я думаю о том:
 Умеют думать звери?
 Вот, шевельнув хвостом,
 Котёнок входит в двери,
 Он думает о том,
 Что будет с ним потом?

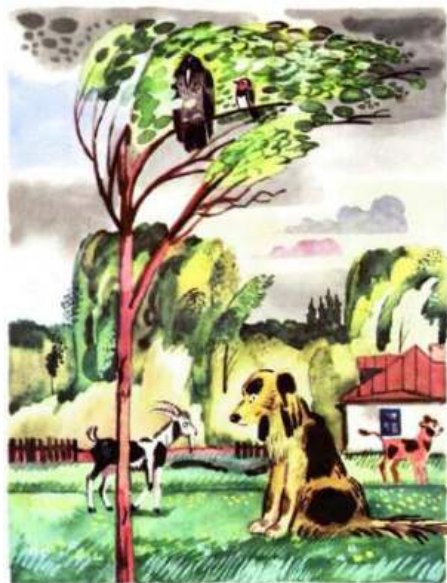
Есть мысли у телят?
 Я видел, как телята
 Хвостами шевелят
 И вдаль глядят куда-то.

Бывают у собак
Нерадостные мысли.
Задумается пес —
И уши вниз повисли.

Я думаю про птиц:
Должны подумать птицы,
Куда им полететь
И где им приютиться,
Должны, в конце концов,
Подумать про птенцов!

Я бабушку спросил:
— Умеют думать звери? —
Она сказала: — Нет! —
Но я еще проверю.

- ❓ 1. Кто рассказчик?
2. Какое наблюдение мальчика вам показалось самым интересным?
Прочитайте этот отрывок.
3. Как вы думаете, каков мальчик из стихотворения Барто: умный, глупый, добрый, фантазёр, наблюдательный, внимательный?

Агния Барто

Мы не заметили жука
И рамы зимние закрыли,
А он живой, он жив пока,
Жужжит в окне,
Расправив крылья...
И я зову на помощь маму:
-Там жук живой!
Раскроем раму!

Агния Барто

Мой пёс

Мой пёс простудился
И стал безголосым.
Котёнок шмыгнул
У него перед носом,
А бедный больной
Даже тявкнуть не мог.
Вот до чего
Тяжело занемог!

Картины природы в творчестве поэтов и писателей XX века

И. А. Бунин
Первый снег

Зимним холодом пахнуло
На поля и на леса.
Ярким пурпуром зажглись
Пред закатом небеса.
Ночью буря бушевала,
А с рассветом на село,
На пруды, на сад пустынный
Первым снегом понесло.
И сегодня над широкой
Белой скатертью полей
Мы простились с запоздалой
Вереницею гусей.

- ?** 1. Как преобразует картину природы первый снег? Меняется ли ваше настроение при чтении стихотворения?
2. Читать стихи можно с разной интонацией и темпом. А как будете читать стихотворение И. Бунина вы?

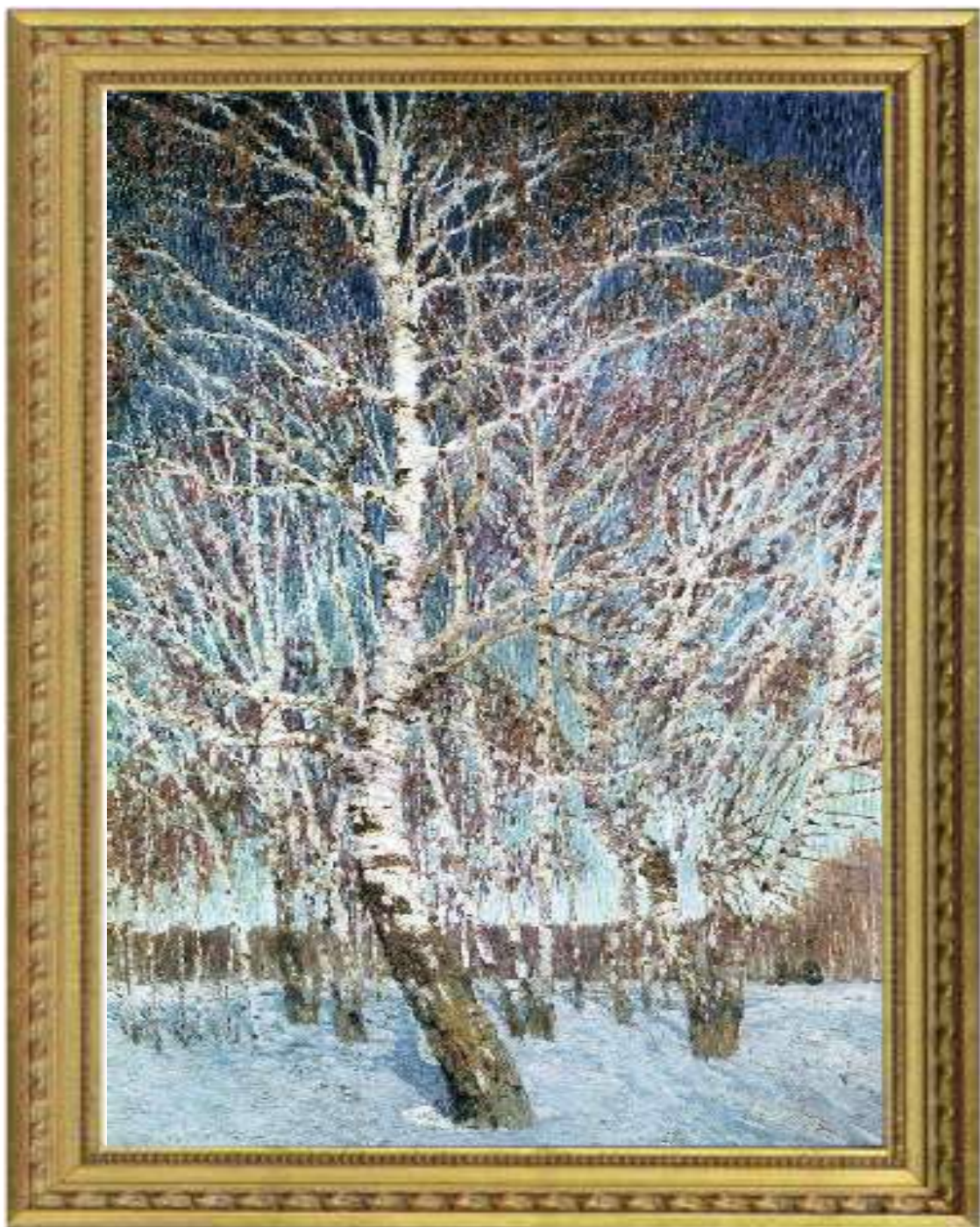
В. Д. Поленов «Первый снег»

А. К. Саврасов «Зима»

В. И. Суриков «Взятие снежного городка»

И. Э. Грабарь «Февральская лазурь»

И. А. Бунин
Полевые цветы

В блеске огней, за зеркальными стеклами,
Пышно цветут дорогие цветы,
Нежны и сладки их тонкие запахи,
Листья и стебли полны красоты.

Их возрастили в теплицах заботливо,
Их привезли из-за синих морей;
Их не пугают метели холодные,
Бурные грозы и свежесть ночей...

Есть на полях моей родины скромные
Сёстры и братья заморских цветов:
Их возрастила весна благовонная
В зелени майской лесов и лугов.

Видят они не теплицы зеркальные,
А небосклона простор голубой.
Видят они не огни, а таинственный
Вечных созвездий узор золотой.

Веет от них красотой стыдливою,
Сердцу и взору родные они
И говорят про давно позабытые
Светлые дни.

- ?
1. Какие цветы поэт называет скромными?
 2. Почему автора привлекают полевые цветы?

А. П. Чехов

Степь

Было душно. Луна взошла сильно багровая и хмурая, точно больная; звёзды тоже хмурились, мгла была гуще, даль мутнее. Природа как будто что-то предчувствовала и томилась. Томился и Егорушка. Езда шагом утомила его, а от дневного зноя у него болела голова.

Направо сверкнула молния, и, точно отразившись в зеркале, она тотчас же сверкнула вдали. Егорушка приподнялся и посмотрел вокруг себя. Даль заметно почернела и уж чаще, чем каждую минуту, мигала бледным светом, как веками. Чернота её, точно от тяжести, склонялась вправо.

— Дед, гроза будет? — спросил Егорушка.

Налево, как будто кто чиркнул по небу спичкой, мелькнула бледная, фосфорическая полоска и потухла. Послышалось, как где-то очень далеко кто-то прошёлся по железной крыше. Вероятно, по крыше шли босиком, потому что железо проворчало глухо.

Между далью и правым горизонтом мигнула молния, и так ярко, что осветила часть степи и место, где ясное небо граничило с чернотой. Страшная туча надвигалась не спеша, сплошной массой; на её краю висели большие, чёрные лохмотья; точно такие же лохмотья, давя друг друга, громоздились на правом и на левом горизонте. Явственно и не глухо проворчал гром. Егорушка перекрестился и стал быстро надевать пальто.

Вдруг рванул ветер и с такой силой, что едва не выхватил у Егорушки узелок и рогожу, встрепенувшись, рогожа рванулась во все стороны и захлопала по тюку и по лицу Егорушки. Ветер со свистом понёсся по степи, беспорядочно закружился и поднял с травой такой шум, что из-за него не было слышно ни грома, ни скрипа колёс. Он дул с чёрной тучи, неся с собой облака пыли и запах дождя и мокрой земли.

Загремел сердито гром, покатился по небу справа налево, потом назад и замер около передних подвод.

Дождь почему-то долго не начинался. Егорушка в надежде, что туча, быть может, уходит мимо, выглянул из рогожи. Было страшно темно.

Покосился он туда, где была недавно луна, но там чернела такая же тьма, как и на возу. А молнии в *потёмках* казались белее и ослепительнее, так что глазам было больно.

Но вот, наконец, ветер в последний раз рванул рогожу и убежал куда-то. Послышался ровный, спокойный шум. Большая холодная капля упала на колено Егорушки, другая поползла по руке. Он заметил, что колени его не прикрыты, и хотел было поправить рогожу, но в это время что-то посыпалось и застучало по дороге, потом по оглоблям, по тюку. Это был дождь. Он и рогожа как будто поняли друг друга, заговорили о чём-то быстро, весело и препротивно, как две сороки.

Потёмки —здесь: темнота, отсутствие света.

Рогожа — грубая хозяйственная ткань.

- ?
1. Свидетелем какого явления природы стал Егорушка?
 2. Как готовилась природа к грозе? Прочитайте.
 3. Как А. П. Чехов описывает молнию, гром, ветер, переживания мальчика? Найдите ответ в тексте.
 4. Назовите сравнения, которые использует автор.

А. А. Блок
Сны

И пора уснуть, да жалко,
Не хочу уснуть!
Конь качается качалка,
На коня б скакнуть!

Луч лампадки, как в тумане,
Раз-два, раз-два, раз!..
Идет конница... а няня
Тянет свой рассказ...

Внемлю сказке древней, древней
О богатырях,
О заморской, о царевне,
О царевне... ах...

Раз-два, раз-два! Конник в латах
Трогает коня
И манит и мчит куда-то
За собой меня...

За моря, за океаны
Он манит и мчит,
В дымно-синие туманы,
Где царевна спит...

Спит в хрустальной, спит в кровати
Долгих сто ночей,
И зелёный свет лампадки
Светит в очи ей...

Под парчами, под лучами
Слышно ей сквозь сны,
Как звенят и бьют мечами
О хрусталь стены...

С кем там бьётся конник гневный,
 Бьётся семь ночей?
 На седьмую – над царевной
 Светлый круг лучей...

И сквозь дремные покровы
 Стелятся лучи,
 О тюремные засовы
 Звякают ключи...

Сладко дремлет в кроватке.
 – Дремлешь? – Внемлю... сплю.
 Луч зеленый, луч лампадки,
 Я тебя люблю!

лампадка - небольшой сосуд с фитилём, который зажигают перед иконой;

внемлю - слушаю, отношусь к чему-либо с большим вниманием;

дрёмные покровы - дремота - полусон, состояние, при котором хочется спать и невольно закрываются глаза;

покров - верхний наружный слой, покрывающий что-нибудь.

1. Почему мальчик любит «луч зелёный, луч лампадки»?
2. Почему ему «жалко уснуть»?
3. Какие сказки вы вспомнили, читая это стихотворение?

К. Д. Бальмонт
Снежинка

Светло-пушистая,
Снежинка белая,
Какая чистая,
Какая смелая!

Под ветром веющим
Дрожит, взмывается,
На нём, лелеющем,
Светло качается.

Дорогой бурною
Легко проносится,
Не в высь лазурную,
На землю просится.

Его качелями
Она утешена,
С его метелями
Крутится бешено.

Лазурь чудесную
Она покинула,
Себя в неизвестную
Страну низринула.

Но вот кончается
Дорога дальняя.
Земли касается
Звезда кристальная.

В лучах блистающих
Скользит, умелая,
Средь хлопьев тающих
Сохранно-белая.

Лежит пушистая,
Снежинка смелая,
Какая чистая,
Какая белая!

? 1. Наблюдали ли вы, как падает, кружится снежинка? Рассматривали ли вы её? Расскажите, вызывала ли у вас эта снежинка какие-то мысли, чувства.

2. А как описал снежинку поэт? Перечитайте эти строки.

К. Д. Бальмонт
Золотое слово

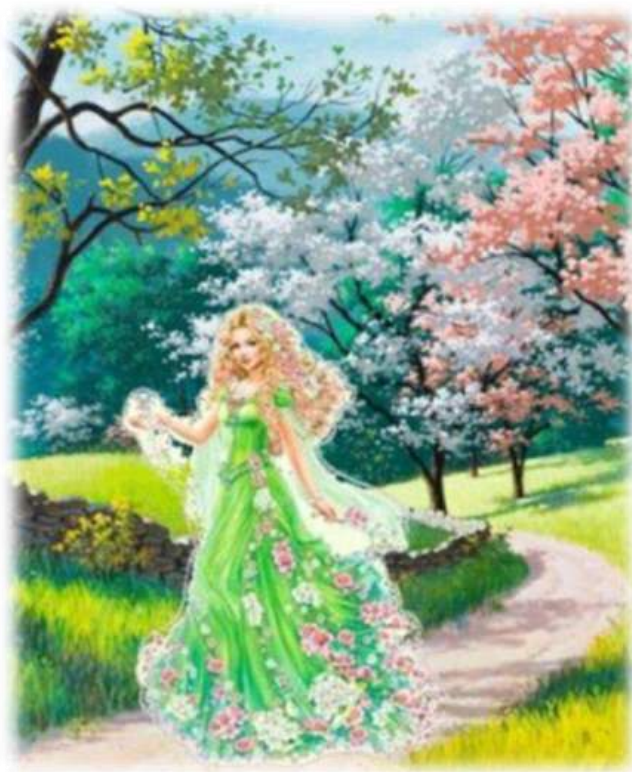
Осень обещала: «Я озолочу».
А Зима сказала: «Как я захочу».
А Весна сказала: «Ну-ка, ну, Зима».
И Весна настала. Всюду кутерьма.

Солнце золотится. Лютик — золотой.
Речка серебрится и шалит водой.
Родилась на воле, залила луга,
Затопила поле, стёрла берега.

Там, где не достала, — лютик золотой,
Жёлтый одуванчик, — будет и седой.
Осень обещала. Помогла Весна.
Ну, Зима, пропала, хоть была сильна.

- ? 1. О чем спорят Осень, Зима и Весна?
2. Кто же оказался самым сильным среди спорящих?

С. А. Есенин

Нивы сжаты, рощи голы

Нивы сжаты, рощи голы,
От воды туман и сырость.
Колесом за сини горы
Солнце тихое скатилось.

Дремлет взрытая дорога.
Ей сегодня примечталось,
Что совсем-совсем немного
Ждать зимы седой осталось.

Ах, и сам я в чаще звонкой
Увидал вчера в тумане:
Рыжий месяц жеребёнком
Запрягался в наши сани.

Нива – засеянное поле

Дремлет – находится в полусне, состоянии, при котором хочется спать и невольно закрываются глаза

Запрягался – соединялся с повозкой, санями упряжью

Сжаты – срезаны под корень

1. Какие образы создаёт поэт в этом стихотворении, рассказывая нам о поздней осени?

С. А. Есенин
Берёза

Белая берёза
Под моим окном
Принакрылась снегом,
Точно серебром.

На пушистых ветках
Снежную каймой
Распустились кисти
Белой бахромой.
И стоит берёза
В сонной тишине,
И горят снежинки
В золотом огне.

А заря, лениво
Обходя кругом,
Обсыпает ветки
Новым серебром.

Кайма – полоса, обшивка по краю чего-нибудь.

Бахрома – тесьма для обшивки чего-нибудь с рядом свободно свисающих шнурков или кистей.

- ?
1. Какое время дня рисует поэт?
 2. С чем сравнивает снег автор?
 3. Какое чувство, настроение создал поэт?

С. А. Есенин
С добрый утром!

Задремали звёзды золотые,
Задрожало зеркало затона,
Брезжит свет на заводи речные
И румянит сетку небосклона.

Улыбнулись сонные берёзки,
Растрепали шёлковые косы.
Шелестят зелёные серёжки,
И горят серебряные росы.

У плетня заросшая крапива
Обрядилась ярким перламутром
И, качаясь, шепчет шаловливо:
«С добрым утром!»

- ?
1. Почувствовали ли вы, как просыпается природа?
 2. Обратите внимание на художественные средства, которые использует поэт: берёзки (какие?), косы (какие?), серёжки (какие?), росы (какие?).
 3. Как вы понимаете фразу крапива обрядилась ярким перламутром?

Саша Чёрный
Летом

За селом на полной воле
Веет ветер-самолет.
Там картофельное поле
Все лиловеньким цветет.

А за полем, где рябинка
Вечно с ветром не в ладу,
Сквозь дубняк бежит тропинка
Вниз к студеному пруду.

Дружно выплыли утята.
Впереди толстуха-мать.
Облака плывут куда-то,
Пахнет мятой. Благодать...

Пруд синее круглой чашкой.
Ивы клонятся к воде...
На плоту лежат рубашки,
А мальчишки все в пруде.

Солнце брызнуло полоской.
Тени выются, словно дым.
Эх, разденусь за берёзкой,
Руки вытяну — и к ним!

- ❓ 1. Какие картины рисует поэт в стихотворении?
2. Найдите слова, которые помогают вам представить эти картины.
3. Как называются эти средства художественной выразительности?

С. Я. Маршак

Ландыш

Чернеет лес, теплом разбуженный,
Весенней сыростью объят.
А уж на ниточках жемчужины
От ветра каждого дрожат.

Бутонов круглые бубенчики
Ещё закрыты и плотны,
Но солнце раскрывает венчики
У колокольчиков весны.

Природой бережно спелёнутый,
Завёрнутый в зелёный лист,
Растёт цветок в глуши нетронутой,
Прохладен, хрупок и душист.

Томится лес весною раннею,
И всю счастливую тоску
И всё своё благоухание
Он отдал горькому цветку.

- ?
1. В каких словах видно, что поэт делится с нами своим восхищением хрупким весенним чудом?
 2. Какие из выделенных выражений помогают тебе представить ландыш?
 3. Какой образ есть в первой и последней строфе?

Произведения о детях

А. П. Чехов

Ванька

Ванька Жуков, девятилетний мальчик, отданный три месяца тому назад в ученье к сапожнику Аляхину, в ночь под Рождество не ложился спать. Дождавшись, когда хозяева и подмастерья ушли к *заутрене*, он достал из хозяйского шкапа пузырёк с чернилами, ручку с заржавленным пером и, разложив перед собой измятый лист бумаги, стал писать. Прежде чем вывести первую букву, он несколько раз пугливо оглянулся на двери и окна, покосился на тёмный образ, по обе стороны которого тянулись полки с колодками, и прерывисто вздохнул. Бумага лежала на скамье, а сам он стоял перед скамьёй на коленях.

«Милый дедушка, Константин Макарыч! — писал он. — И пишу тебе письмо. Поздравляю вас с Рождеством и желаю тебе всего от господ бога. Нету у меня ни отца, ни маменьки, только ты у меня один остался».

Ванька перевёл глаза на тёмное окно, в котором мелькало отражение его свечки, и живо вообразил себе своего деда Константина Макарыча, служащего ночным сторожем у господ Живарёвых. Это маленький, тощенький, по необыкновенно юркий и подвижный старикашка лет шестидесяти пяти, с вечно смеющимся лицом и пьяными глазами. Днём он спит в людской кухне или балагурит с кухарками, ночью же, укутанный в просторный тулуп, ходит вокруг усадьбы и стучит в свою колотушку. За ним, опустив головы, шагают старая Каштанка и *кобелёк* Вьюн, прозванный так за свой чёрный цвет и тело длинное, как у ласки.

Этот Вьюн необыкновенно почтителен и ласков, одинаково умильно смотрит как на своих, так и на чужих, но кредитом не пользуется. Под его почтительностью и смирением скрывается ехидство. Никто лучше его не умеет вовремя подкрасться и цапнуть за ногу.

Теперь, наверно, дед стоит у ворот, щурит лаза на ярко-красные окна деревянной церкви и, притопывая валенками, балагурит с дворней. Колотушка его подвязана к поясу. Он всплёскивает руками, пожимается от холода. А погода великолепная. Воздух тих, прозрачен и свеж, ночь темна, но видно всю деревню с её белыми крышами и струйками дыма, идущими из труб, деревья, посеребрённые инеем, сугробы. Всё небо усыпано весело мигающими звёздами, и Млечный Путь вырисовывается так ясно, как будто его перед праздником помыли и потёрли снегом.

Ванька вздохнул, умокнул перо и продолжал писать: «А вчера мне была выволочка. Хозяин выволок меня за волосья на двор и отчесал шпандырем за то, что я качал ихнего ребятёнка в люльке и по нечаянности заснул. А еды нету никакой. Утром дают хлеба, в обед каши и к вечеру тоже хлеба, а чтоб чаю или щей, то хозяева сами трескают. А спать мне велят в сенях, а когда ребятёнок ихний плачет, я вовсе не сплю, а качаю люльку. Милый дедушка, сделай божецкую милость, возьми меня отсюда домой, на деревню, нету никакой моей возможности... Кланяюсь тебе в ножки и буду вечно бога молить, увези меня отсюда, а то помру...»

Ванька покривил рот, потер своим чёрным кулаком глаза и всхлипнул.

«А Москва город большой. Дома всё господские и лошадей много, а овец нету и собаки не злые. Со звездой тут ребята не ходят и на клирос петь никого не пускают, а раз я видал в одной лавке на окне крючки продаются прямо

с леской и на всякую рыбу, очень стоящие, даже такой есть один крючок, что пудового сома удержит. И видал которые лавки, где ружья всякие на манер бариновых, так что, небось, рублей сто каждое... А в мясных лавках и тетерева, и рябцы, и зайцы, а в котором месте их стреляют, про то сидельцы не сказывают. Милый дедушка, а когда у господ будет ёлка с гостинцами, возьми мне золочёный орех и в зелёный сундучок спрячь. Попроси у барышни Ольги Игнатьевны, скажи, для Ваньки».

Ванька судорожно вздохнул и опять уставился на окно. Он вспомнил, что за ёлкой для господ всегда ходил в лес дед и брал с собою внука. Весёлое было время! И дед крякал, и мороз крякал, а глядя на них, и Ванька крякал.

Срубленную ёлку дед тащил в господский дом, а там принимались убирать её... Больше всех хлопотала барышня Ольга Игнатьевна, любимица Ваньки. Когда ещё была жива Ванькина мать Пелагея и служила у господ в горничных, Ольга Игнатьевна кормила Ваньку леденцами и от нечего делать выучила его читать, писать, считать до ста и даже танцевать кадрили. Когда же Пелагея умерла, сироту Ваньку спровадили в людскую кухню к деду, а из кухни в Москву к сапожнику Аляхину...

«Приезжай, милый дедушка, — продолжал Ванька, — Христом богом тебя молю, возьми меня отседа. Пожалей ты меня сироту несчастную, а то меня все колотят и кушать страсть хочется, а скука такая, что и сказать нельзя, всё плачу. А намедни хозяин колодкой по голове ударил, так что упал и насилу очухался. Пропадающая моя жизнь, хуже собаки всякой... А ещё кланяюсь Алёне, кривому Егорке и кучеру, а гармонию мою никому не отдавай. Остаюсь твой внук Иван Жуков, милый дедушка приезжай». Ванька свернул вчетверо исписанный лист и вложил его в конверт, купленный накануне за копейку... Подумав немного, он умокнул перо и написал адрес:

На деревню дедушке.

Потом почесался, подумал и прибавил: «Константину Макарычу». Довольный тем, что ему не помешали писать, он надел шапку и, не набрасывая на себя шубейки, прямо в рубахе выбежал на улицу...

Сидельцы из мясной лавки, которых он расспрашивал накануне, сказали ему, что письма опускаются в почтовые ящики, а из ящиков

развозятся по всей земле на почтовых тройках с пьяными ямщиками и звонкими колокольцами. Ванька добежал до первого почтового ящика и сунул драгоценное письмо в щель...

Убаюканный сладкими надеждами, он час спустя крепко спал... Ему снилась печка. На печи сидит дед, свесив босые ноги, и читает письмо кухаркам... Около печи ходит Вьюн и вертит хвостом...

Заутреня — служба в церкви, совершаемая рано утром.

Клирос — место для певчих (хора) в церкви.

Кобелёк — молодой пёс (самец собаки).

Сидельцы — продавцы-зазывалы в лавках.

Со звездой... не ходят... — имеется в виду обычай ходить в праздник Рождества с поздравлениями по домам соседей.

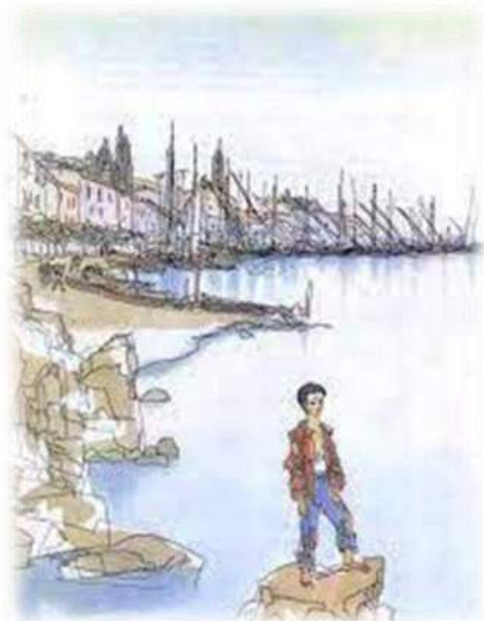
Шпандырь — ремень, которым сапожники прикрепляют работу к ноге.

- 1. Как автор рассказывает о жизни мальчика. Что сообщает о нём? Подтвердите ответ словами из текста.
2. Почему Ванька тосковал в городе? Что заставило его послать письмо деду? Как Ванька рассказывает о Москве в этом письме?

М. Горький

Пепе

Пепе — лет десять, он хрупкий, тоненький, быстрый, как ящерица, пёстрые лохмотья болтаются на узких плечах, в бесчисленные дыры выглядывает кожа, тёмная от солнца и грязи.

Он похож на сухую былинку, — дует ветер с моря и носит её, играя ею, — Пепе прыгает по камням острова, с восхода солнца по закат, и ежечасно откуда-нибудь льётся его неугомонный голосишко:

Италия прекрасная,

Италия моя!..

Его всё занимает: цветы, густыми ручьями текущие по доброй земле, ящерицы среди лиловатых камней, птицы в чеканной листве олив, в малахитовом кружеве виноградника, рыбы в тёмных садах на дне моря и форестьеры на узких, запутанных улицах города: толстый немец с расковырянным шпагою лицом, англичанин, всегда напоминающий актёра, который привык играть роль мизантропа, американец, которому упрямо, но безуспешно хочется быть похожим на англичанина, и неподражаемый француз, шумный, как погремушка.

— Какое лицо! — говорит Пепе товарищам, указывая всевидящими глазами на немца, надутого важностью до такой степени, что у него все волосы дыбом стоят. — Вот лицо, не меньше моего живота!

Пепе не любит немцев, он живёт идеями и настроениями улицы, площади и тёмных лавочек, где свои люди пьют вино, играют в карты и, читая газеты, говорят о политике.

— Нам, — говорят они, — нам, бедным южанам, ближе и приятнее славяне Балкан, чем добрые союзники, наградившие нас за дружбу с ними песком Африки.

Всё чаще говорят это простые люди юга, а Пепе всё слышит и всё помнит.

Скучно, ногами, похожими на ножницы, шагает англичанин, —

Пепе впереди его и напевает что-то из зауспокойной мессы или печальную песенку:

Мой друг недавно умер,

Грустит моя жена...

А я не понимаю,

Отчего она так грустна?

Товарищи Пепе идут сзади, кувыркаясь от смеха, и прячутся, как мыши, в кусты, за углы стен, когда форестьер посмотрит на них спокойным взглядом выцветших глаз.

Множество интересных историй можно рассказать о Пепе.

Однажды какая-то синьора поручила ему отнести в подарок подруге её корзину яблок своего сада.

— Заработаешь сольдо! — сказала она. — Это ведь не вредно тебе...

Он с полной готовностью взял корзину, поставил её на голову себе и пошёл, а воротился за сольдо лишь вечером.

— Ты не очень спешил! — сказала ему женщина.

— Но всё-таки я устал, дорогая синьора! — вздохнув, ответил Пепе. — Ведь их было более десятка!

— В полной до верха корзине? Десяток

яблок?

— Мальчишек, синьора.

— Но — яблоки?

— Сначала — мальчишки: Микеле, Джованни...

Она начала сердиться, схватила его за плечо, встряхнула.

— Отвечай, ты отнёс яблоки?

— До площади, синьора! Вы послушайте, как хорошо я вёл себя: сначала я вовсе не обращал внимания на их насмешки, — пусть, думаю, они сравнивают меня с ослом, я всё стерплю из уважения к синьоре, — к вам, синьора. Но когда они начали смеяться над моей матерью, — ага, подумал я, ну, это вам не пройдёт даром. Тут я поставил корзину, и — нужно было видеть, добрая синьора, как ловко и метко попадал я в этих разбойников, — вы бы очень смеялись!

— Они растащили мои плоды?! — закричала женщина.

Пепе, грустно вздохнув, сказал:

— О нет. Но те плоды, которые не попали в мальчишек, разбились о стены, а остальные мы съели, после того как я победил и помирился с врагами...

Женщина долго кричала, извергая на бритую голову Пепе все проклятия, известные ей, — он слушал её внимательно и покорно, время от времени прищёлкивая языком, а иногда, с тихим одобрением, восклицая:

— О-о, как сказано! Какие слова!

А когда она, устав, пошла прочь от него, он сказал вслед ей:

— Но, право, вы не беспокоились бы так, если б видели, как метко попадал я прекрасными плодами вашего сада в грязные головы этих мошенников, — ах, если б вы видели это! — вы дали бы мне два сольдо вместо обещанного одного!

Грубая женщина не поняла скромной гордости победителя, — она только погрозила ему железным кулаком.

Сестра Пепе, девушка много старше, но не умнее его, поступила прислугой — убирать комнаты — на виллу богатого американца. Она сразу же стала чистенькой, румяной и, на хороших хлебах, начала заметно наливаясь здоровым соком, как груша в августе.

Брат спросил её однажды:

— Ты ешь каждый день?

— Два и три раза, если хочу, — с гордостью ответила она.

— Пожалела бы зубы! — посоветовал ей Пепе и задумался, а потом спросил снова:

— Очень богат твой хозяин?

— Он? Я думаю — богаче короля!

— Ну, оставим глупости соседям! А сколько брюк у твоего хозяина?

— Это трудно сказать.

— Десять?

— Может быть, больше...

— Поди-ка, принеси мне одни, не очень длинные и тёплые, — сказал Пепе.

— Зачем?

— Ты видишь — какие у меня?

Видеть это было трудно, — от штанов Пепе на ногах его оставалось совсем немного.

— Да, — согласилась сестра, — тебе необходимо одеться! Но он ведь может подумать, что мы украли?

Пепе внушительно сказал ей:

— Не нужно считать людей глупее нас! Когда от многого берут немножко, это не кража, а просто делёжка!

— Ведь это песня! — не соглашалась сестра, но Пепе быстро уговорил её, а когда она принесла в кухню хорошие брюки светло-серого цвета и они оказались несколько длиннее всего тела Пепе, он тотчас догадался, как нужно сделать.

— Дай-ка нож! — сказал он.

Вдвоём они живо превратили брюки американца в очень удобный костюм для мальчика: вышел несколько широковатый, но уютный мешок, он придерживался на плечах верёвочками, их можно было завязывать вокруг шеи, а вместо рукавов отлично служили карманы.

Они устроили бы ещё лучше и удобнее, но им помешала в этом супруга хозяина брюк: явилась в кухню и начала говорить самые грубые слова на всех языках одинаково плохо, как это принято американцами.

Пепе ничем не мог остановить её красноречие, он морщился, прикладывал руку к сердцу, хватался в отчаянии за голову, устало вздыхал, но она не могла успокоиться до поры, пока не явился её муж.

— В чём дело? — спросил он.

И тогда Пепе сказал:

— Синьор, меня очень удивляет шум, поднятый вашей синьорой, я даже несколько обижен за вас. Она, как я понял, думает, что мы испортили брюки, но уверяю вас, что для меня они удобны! Она, должно быть, думает, что я взял последние ваши брюки и вы не можете купить других...

можете купить других...

Американец, спокойно выслушав его, заметил:

— А я думаю, молодчик, что надобно позвать полицию.

— Да-а? — очень удивился Пепе. — Зачем?

— Чтобы тебя отвели в тюрьму...

Это очень огорчило Пепе, он едва не заплакал, но сдержался и сказал с достоинством:

— Если это вам нравится, синьор, если вы любите сажать людей в тюрьму, то — конечно! Но я бы не сделал так, будь у меня много брюк, а у вас ни одной пары!

Я бы дал вам две, пожалуй — три пары даже; хотя три пары брюк нельзя надеть сразу! Особенно в жаркий день...

Американец расхохотался; ведь иногда и богатому бывает весело.

Потом он угощал Пепе шоколадом и дал ему франк. Пепе попробовал монету зубом и поблагодарил:

— Благодарю вас, синьор! Кажется, монета настоящая?

Всего лучше Пепе, когда он стоит где-нибудь в камнях, вдумчиво разглядывая их трещины, как будто читая по ним тёмную историю жизни камня. В эти минуты живые его глаза расширены, подёрнуты красивой плёнкой, тонкие руки за спиной, и голова, немножко склонённая, чуть-чуть покачивается, точно чашечка цветка. Он что-то мурлычет тихонько, — он всегда поёт.

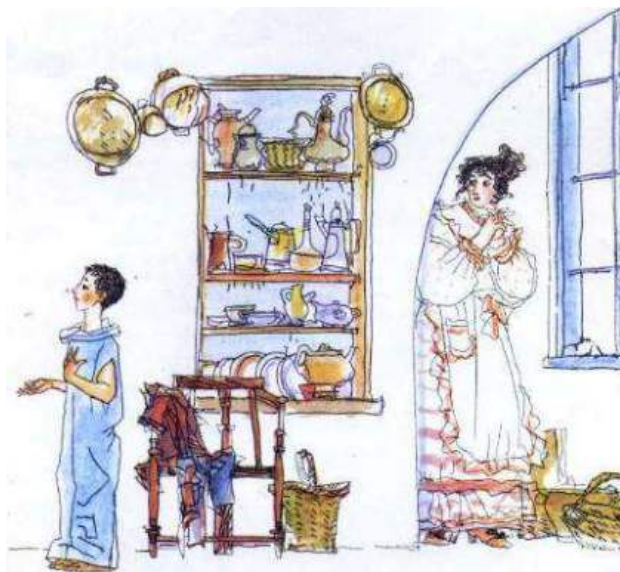
Хорош он также, когда смотрит на цветы, — лиловыми ручьями льются по стене глицинии, а перед ними этот мальчик вытянулся струною, будто вслушиваясь в тихий трепет шёлковых лепестков под дыханием морского ветра.

Смотрит и поёт.

— Фиорино-о... фиорино-о...

Издали, как удары огромного тамбурина, доносятся глухие вздохи моря. Играют бабочки над цветами, — Пепе поднял голову и следит за ними, щурясь от солнца, улыбаясь немножко завистливой и грустной, но всё-таки доброй улыбкой старшего на земле.

— Чо! — кричит он, хлопая ладонями, пугая изумрудную ящерицу.

А когда море спокойно, как зеркало, и в камнях нет белого кружева прибоя, Пепе, сидя где-нибудь на камне, смотрит острыми глазами в прозрачную воду: там, среди рыжеватых водорослей, плавно ходят рыбы, быстро мелькают креветки, боком ползёт краб. И в тишине, над голубою водой, тихонько течёт звонкий задумчивый голос мальчика:

О море... море...

Взрослые люди говорят о мальчике:

— Этот будет анархистом!

А кто добрей, из тех, что более внимательно присматриваются друг ко другу, — те говорят иначе:

— Пепе будет нашим поэтом...

Пасквалино же, столяр, старик с головою, отлитой из серебра, и лицом, точно с древней римской монеты, мудрый и всеми почитаемый Пасквалино говорит своё:

— Дети будут лучше нас, и жить им будет лучше!

Очень многие верят ему.

Форестьер — чужестранец.

Мизантроп — человек нелюдимый, ненавидящий людей,
Заупокойная месса — богослужение с песнопениями в католической церкви.

Синьора — госпожа; вежливое обращение к женщине в Италии.

Фиорино — цветочек.

Тамбурин — музыкальный инструмент, бубен.

Анархист — здесь: человек, не подчиняющийся власти, своевольный.

1. Где происходят события рассказа?

2. Что сделал Пепе с корзиной яблок, которую ему поручила сеньера отнести своей подруге?

3. Какие сравнения встречаются в рассказе при описании Пепе?

Л. Пантелеев

Честное слово

Мне очень жаль, что я не могу вам сказать, как зовут этого маленького человека, и где он живёт, и кто его папа и мама. В потёмках я даже не успел как следует разглядеть его лицо. Я только помню, что нос у него был в веснушках и что штанишки у него были коротенькие и держались не на ремешке, а на таких лялочках, которые перекидываются через плечи и застёгиваются где-то на животе.

Как-то летом я зашёл в садик, - я не знаю, как он называется, на Васильевском острове, около белой церкви. Была у меня с собой интересная книга, я засиделся, зачитался и не заметил, как наступил вечер.

Когда в глазах у меня зарябило и читать стало совсем трудно, я захлопнул книгу, поднялся и пошел к выходу.

Сад уже опустел, на улицах мелькали огоньки, и где-то за деревьями звенел колокольчик сторожа.

Я боялся, что сад закроется, и шёл очень быстро. Вдруг я остановился. Мне послышалось, что где-то в стороне, за кустами, кто-то плачет.

Я свернул на боковую дорожку - там белел в темноте небольшой каменный домик, какие бывают во всех городских садах; какая-то будка или сторожка. А около её стены стоял маленький мальчик лет семи или восьми и, опустив голову, громко и безутешно плакал.

Я подошёл и окликнул его:

- Эй, что с тобой, мальчик?

Он сразу, как по команде, перестал плакать, поднял голову, посмотрел на меня и сказал:

- Ничего.

- Как это ничего? Тебя кто обидел?

- Никто.

- Так чего ж ты плачешь?

Ему ещё трудно было говорить, он ещё не проглотил всех слёз, ещё всхлипывал, икал, шмыгал носом.

- Давай пошли, - сказал я ему. - Смотри, уже поздно, уже сад закрывается.

И я хотел взять мальчика за руку. Но мальчик поспешно отдернул руку и сказал:

- Не могу.

- Что не можешь?

- Идти не могу.

- Как? Почему? Что с тобой?

- Ничего, - сказал мальчик.

- Ты что - нездоров?

- Нет, - сказал он, - здоров.

- Так почему ж ты идти не можешь?

- Я - часовой, - сказал он.

- Как часовой? Какой часовой?

- Ну, что вы - не понимаете? Мы играем.

- Да с кем же ты играешь?

Мальчик помолчал, вздохнул и сказал:

- Не знаю.

Тут я, признаться, подумал, что, наверно, мальчик всё-таки болен и что у него голова не в порядке.

- Послушай, - сказал я ему. - Что ты говоришь? Как же это так? Играешь и не знаешь - с кем?

- Да, - сказал мальчик. - Не знаю. Я на скамейке сидел, а тут какие-то большие ребята подходят и говорят: "Хочешь играть в войну?" Я говорю: "Хочу". Стали играть, мне говорят: "Ты сержант". Один большой мальчик... он маршал был... он привёл меня сюда и говорит: "Тут у нас пороховой склад - в этой будке. А ты будешь часовой... Стой здесь, пока я тебя не сменю". Я говорю: "Хорошо". А он говорит: "Дай честное слово, что не уйдешь".

- Ну?

- Ну, я и сказал: "Честное слово - не уйду".

- Ну и что?

- Ну и вот. Стою-стою, а они не идут.

- Так, - улыбнулся я. - А давно они тебя сюда поставили?

- Ещё светло было.

- Так где же они?

Мальчик опять тяжело вздохнул и сказал:

- Я думаю, - они ушли.

- Как ушли?

- Забыли.

- Так чего ж ты тогда стоишь?

- Я честное слово сказал...

Я уже хотел засмеяться, но потом спохватился и подумал, что смешного тут ничего нет и что мальчик совершенно прав. Если дал честное слово, так надо стоять, что бы ни случилось - хоть лопни. А игра это или не игра - всё равно.

- Вот так история получилась! - сказал я ему. - Что же ты будешь делать?

- Не знаю, - сказал мальчик и опять заплакал.

Мне очень хотелось ему как-нибудь помочь. Но что я мог сделать? Идти искать этих глупых мальчишек, которые поставили его на караул взяли с него честное слово, а сами убежали домой?

Да где ж их сейчас найдёшь, этих мальчишек?..

Они уже небось поужинали и спать легли, и десятые сны видят.

А человек на часах стоит. В темноте. И голодный небось...

- Ты, наверно, есть хочешь? - спросил я у него.

- Да, - сказал он, - хочу.

- Ну, вот что, - сказал я, подумав. - Ты беги домой, поужинай, а я пока за тебя постою тут.

- Да, - сказал мальчик. - А это можно разве?

- Почему же нельзя?

- Вы же не военный.

Я почесал затылок и сказал:

- Правильно. Ничего не выйдет. Я даже не могу тебя снять с караула. Это может сделать только военный, только начальник...

И тут мне вдруг в голову пришла счастливая мысль. Я подумал, что если освободить мальчика от честного слова, снять его с караула может только военный, так в чем же дело? Надо, значит, идти искать военного.

Я ничего не сказал мальчику, только сказал: "Подожди минутку", - а сам, не теряя времени, побежал к выходу...

Ворота ещё не были закрыты, ещё сторож ходил где-то в самых дальних уголках сада и дозванивал там в свой колокольчик.

Я стал у ворот и долго поджидал, не пройдёт ли мимо какой-нибудь лейтенант или хотя бы рядовой красноармеец. Но, как назло, ни один военный не показывался на улице. Вот было мелькнули на другой стороне улицы какие-то чёрные шинели, я обрадовался, подумал, что это военные моряки, перебежал улицу и увидел, что это не моряки, а мальчишки-ремесленники. Прошел высокий железнодорожник в очень красивой шинели с зелёными нашивками. Но и железнодорожник с его замечательной шинелью мне тоже был в эту минуту ни к чему.

Я уже хотел несолоно хлебавши возвращаться в сад, как вдруг увидел - за углом, на трамвайной остановке - защитную командирскую фуражку с синим кавалерийским околышем. Кажется, ещё никогда в жизни я так не радовался, как обрадовался в эту минуту.

Слома голову я побежал к остановке. И вдруг, не успел добежать, вижу - к остановке подходит трамвай, и командир, молодой кавалерийский майор, вместе с остальной публикой собирается протискиваться в вагон.

Запыхавшись, я подбежал к нему, схватил за руку и закричал:

- Товарищ майор! Минуточку! Подождите! Товарищ майор!

Он оглянулся, с удивлением на меня посмотрел и сказал:

- В чём дело?

- Видите ли, в чём дело, - сказал я. - Тут, в саду, около каменной будки, на часах стоит мальчик... Он не может уйти, он дал честное слово... Он очень маленький... Он плачет...

Командир захлопал глазами и посмотрел на меня с испугом. Наверное, он тоже подумал, что я болен и что у меня голова не в порядке.

- При чём же тут я? - сказал он.

Трамвай его ушёл, и он смотрел на меня очень сердито.

Но когда я немножко подробнее объяснил ему, в чём дело, он не стал раздумывать, а сразу сказал:

- Идёмте, идёмте. Конечно. Что же вы мне сразу не сказали?

Когда мы подошли к саду, сторож как раз вешал на воротах замок.

Я попросил его несколько минут подождать, сказал, что в саду у меня остался мальчик, и мы с майором побежали в глубину сада.

В темноте мы с трудом отыскивали белый домик. Мальчик стоял на том же месте, где я его оставил, и опять - но на этот раз очень тихо -

плакал. Я окликнул его. Он обрадовался, даже вскрикнул от радости, а я сказал:

- Ну, вот, я привёл начальника.

Увидев командира, мальчик как-то весь выпрямился, вытянулся и стал на несколько сантиметров выше.

- Товарищ караульный, - сказал командир. - Какое вы носите звание?

- Я - сержант, - сказал мальчик.

- Товарищ сержант, приказываю оставить вверенный вам пост.

Мальчик помолчал, посопел носом и сказал:

- А у вас какое звание? Я не вижу,

сколько у вас звёздочек...

- Я - майор, - сказал командир.

И тогда мальчик приложил руку к широкому козырьку своей серенькой кепки и сказал:

- Есть, товарищ майор. Приказано оставить пост.

И сказал это он так звонко и так ловко, что мы оба не выдержали и расхохотались.

И мальчик тоже весело и с облегчением засмеялся.

Не успели мы втроём выйти из сада, как за нами хлопнули ворота и сторож несколько раз повернул в скважине ключ.

Майор протянул мальчику руку.

- Молодец, товарищ сержант, - сказал он. - Из тебя выйдет настоящий воин. До свидания.

Мальчик что-то пробормотал и сказал: "До свиданья".

А майор отдал нам обоим честь и, увидев, что опять подходит его трамвай, побежал к остановке.

Я тоже попрощался с мальчиком и пожал ему руку.

- Может быть, тебя проводить? - спросил я у него.

- Нет, я близко живу. Я не боюсь, - сказал мальчик.

Я посмотрел на его маленький веснушчатый нос и подумал, что ему, действительно, нечего бояться. Мальчик, у которого такая сильная воля и такое крепкое слово, не испугается темноты, не испугается хулиганов, не испугается и более страшных вещей.

А когда он вырастет... Еще не известно, кем он будет, когда вырастет, но кем бы он ни был, можно ручаться, что это будет настоящий человек.

Я подумал так, и мне стало очень приятно, что я познакомился с этим мальчиком.

И я ещё раз крепко и с удовольствием пожал ему руку.

Сторожка – помещение для сторожа;

Часовой – военный служащий, стоящий на посту;

Караул – воинское подразделение, несущее охрану кого или чего-либо.

- ?
1. Почему плакал мальчик?
 2. Почему он не мог покинуть свой пост?
 3. Почему только военный мог снять мальчика с поста?
 4. Какую мысль хотел донести до вас Пантелеев?
 5. А когда этот мальчик вырастет, он станет настоящим человеком?

Л. Пантелеев

На ялике

Большая широкобокая лодка подходила к нашему берегу. Набитая до отказа, сидела она очень низко в воде, шла медленно, одолевая течение, и было видно, как туго и трудно погружаются в воду вёсла и с каким облегчением выскальзывают они из неё, сверкая на солнце и рассыпая вокруг себя тысячи и тысячи брызг.

Я сидел на большом тёплом и шершавом камне у самой воды, и мне было так хорошо, что не хотелось ни двигаться, ни оглядываться, и я даже рад был, что лодка ещё далеко и что, значит, можно ещё несколько минут посидеть и подумать... О чём? Да ни о чём особенном, а только о том, как хорошо сидеть, какое милое небо над головой, как чудесно пахнет водой, ракушками, смолёным деревом...

Я уже давно не был за городом, и всё меня сейчас по-настоящему радовало: и чахлый одуванчик, притаившийся под пыльным зонтиком лопуха, и лёгкий, чуть слышный плеск невской волны, и белая бабочка, то и дело мелькавшая то тут, то там в ясном и прозрачном воздухе. И разве можно было в эту минуту поверить, что идёт война, что фронт совсем рядом, что он тут вот, за этими крышами и трубами, откуда изо дня в день летят в наш осаждённый город немецкие бомбардировщики и дальнобойные бризантные снаряды? Нет, я не хотел думать об этом, да и не мог думать, так хорошо мне было в этот солнечный июльский день.

А на маленькой пристаньке, куда должна была причалить лодка, уже набился народ. Ялик подходил к берегу, и, чтобы не потерять очереди, я тоже прошёл на эти животрепещущие дощатые мостки и смешался с толпой ожидающих. Это были все женщины, всё больше пожилые работницы.

Некоторые из них уже перекликались и переговаривались с теми, кто сидел в лодке. Там тоже были почти одни женщины, а из нашего брата только несколько командиров, один военный моряк да сам перевозчик, человек в неуклюжем брезентовом плаще с капюшоном. Я видел пока только его спину и руки в широких рукавах, которые ловко, хотя и не без натуги, работали веслами.

Лодку относило течением, но все-таки с каждым взмахом вёсел она все ближе и ближе подходила к берегу.

– Матвей Капитоныч, поторопись! – закричал кто-то из ожидающих.

Гребец ничего не ответил. Подводя лодку к мосткам, он чуть-чуть повернул голову, и тут я увидел его лицо. Это был мальчик лет одиннадцати-двенадцати, а может быть, и моложе. Лицо у него было худенькое, серьёзное, строгое, тёмное от загара, только бровки были смешные, детские, совершенно выцветшие, белые, да из-под широкого козырька огромной боцманской фуражки с якорем на околыше падали на запотевший лоб такие же белобрысые, соломенные, давно не стриженные волосы.

По тому, как тепло и дружно приветствовали его у нас на пристани женщины, было видно, что мальчик не случайно и не в первый раз сидит на вёслах.

– Капитану привет! – зашумели женщины.

– Мотенька, давай, давай сюда! Заждались мы тебя.

– Мотенька, поспеши, опаздываем!

– Матвей Капитоныч, здравствуй!

– Отойди, не мешай, бабы! – вместо ответа закричал он каким-то хриплым простуженным баском, и в эту минуту лодка ударилась о стенку причала, качнулась и закрипела. Мальчик зацепил веслом за кромку мостков, кто-то из военных спрыгнул на пристань и помог ему причалить лодку.

Началась выгрузка пассажиров и посадка новых.

Маленький перевозчик выглядел очень усталым, с лица его катил пот, но он очень спокойно, без всякого раздражения, сурово и повелительно распоряжался посадкой.

– Эй, тётка! – покрикивал он. – Вот ты, с противогазом которая. Садись с левого борта. А ты, с котелком, – туда... Тихо... Осторожно. Без паники. Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь.

Он сосчитал, сбился и ещё раз пересчитал, сколько людей в лодке.

– Довольно. Хватит! За остальными после приеду.

Оттолкнувшись веслом от пристани, он подобрал свой брезентовый балахон, уселся и стал собирать двугривенные за перевоз.

Я, помню, дал ему рубль и сказал, что сдачи не надо. Он шмыгнул носом, усмехнулся, отсчитал восемь гривен, подал их мне вместе с квитанцией и сказал:

– Если у вас лишние, так положите их лучше в сберкаассу.

Потом пересчитал собранные деньги, вытащил из кармана большой старомодный кожаный кошель, ссыпал туда монеты, защёлкнул кошель, спрятал его в карман, уселся поудобнее, поплевал на руки и взялся за вёсла.

Большая, тяжёлая лодка, сорвавшись с места, легко и свободно пошла вниз по течению.

И вот, не успели мы как следует разместиться на своих скамейках, не успел наш ялик отойти и на сотню метров от берега, случилось то, чего, казалось бы, уж никак нельзя было ожидать в этот солнечный, безмятежно спокойный летний день.

Я сидел на корме. Передо мной лежала река, а за нею – Каменный остров, над которым всё выше и выше поднималось утреннее солнце. Густая зелёная грива висела над низким отлогим берегом. Сквозь яркую свежую листву виднелись отсюда какие-то домики, какая-то беседка с белыми круглыми колоннами, а за ними... Но нет, там ничего не было и не могло быть. Мирная жизнь спокойно, как река, текла на этой цветущей земле. Лёгкий дымок клубился над пёстрыми дачными домиками. Чешуйчатые рыбачьи сети сушились, растянутые на берегу. Белая чайка летала. И было очень тихо.

И в лодке у нас тоже почему-то стало тише, только вёсла мерно стучали в уключинах да за бортом так же мерно и неторопливо плескалась вода.

И вдруг в эту счастливую, безмятежную тишину ворвался издалека звук, похожий на отдалённый гром. Лёгким гулом он прошёл по реке. И тотчас же в каждом из нас что-то ёкнуло и привычно насторожилось. А какая-то женщина, правда, не очень испуганно и не очень громко, вскрикнула и сказала:

– Ой, что это, бабоньки?

В эту минуту второй, более сильный удар размашистым отзвуком прокатился по реке. Все посмотрели на мальчика, который, кажется, один во всей лодке, не обратил никакого внимания на этот подозрительный грохот и продолжал спокойно грести.

– Мотенька, что это? – спросили у него.

– Ну что! – сказал он, не поворачивая головы. – Ничего особенного. Зенитки.

Голос у него был какой-то скучный и даже грустный, и я невольно посмотрел на него. Сейчас он показался мне почему-то еще моложе, в нём было что-то совсем детское, младенческое: уши под большим картузом смешно оттопыривались в стороны, на загорелых щеках проступал лёгкий белый пушок, из-под широкого и жёсткого, как хомут, капюшона торчала тонкая, цыплячья шейка.

А в чистом, безоблачном небе уже бушевала гроза. Теперь уже и мне было ясно, что где-то на подступах, на фортах, а может быть и ближе, работают наши зенитные установки. Как видно, вражеским самолетам удалось пробиться сквозь первую линию огня, и теперь они уже летели к городу. Канонада усиливалась, приближалась. Всё новые и новые батареи вступали в дело, и скоро отдельные залпы стали неразличимы, – обгоняя друг друга, они сливались в один сплошной гул.

– Летит! Летит! Поглядите-ка! – закричали вдруг у нас в лодке.

Я посмотрел и ничего не увидел. Только мягкие, пушистые дымчатые клубочки таяли то тут, то там в ясном и высоком небе. Но сквозь гром зенитного огня я расслышал знакомый прерывистый рокот немецкого мотора. Гребец наш тоже мельком, искоса посмотрел на небо.

– Ага. Разведчик, – сказал он пренебрежительно.

И я даже улыбнулся, как это он быстро, с одного маха нашёл самолёт и с какой точностью определил, что самолёт этот не какой-нибудь, а именно разведчик. Я хотел было попросить его показать мне, где он увидел этого разведчика, но тут будто огромной кувалдой ударило меня по барабанным перепонкам, я невольно зажмурился, услышал, как закричали женщины, и изо всех сил вцепился в холодный влажный борт лодки, чтобы не полететь в воду.

Это открыли огонь зенитные батареи на Каменном острове. Уж думалось, что дальше некуда: и так уж земля и небо дрожали от этого грома и грохота, а тут вдруг оказалось, что всё это были пустяки, что до сих пор было даже очень тихо и что только теперь-то и началась настоящая музыка воздушного боя.

Ничего не скажу – было страшно. Особенно, когда в воду – и спереди и сзади, и справа и слева от лодки – начали падать осколки.

Мне приходилось уже не раз бывать под обстрелом, но всегда это случалось со мной на земле, на суше. Там, если рядом и упадёт осколок, его не видно. А тут, падая с шипеньем в воду, эти осколки поднимали за собой целые столбы воды. Это было красиво, похоже на то, как играют дельфины в тёплых морях, – но если бы это действительно были дельфины!..

Женщины в нашей лодке уже не кричали. Перепуганные, они сбились в кучу, съёжились, пригнули как можно ниже головы. А многие из них даже легли на дно лодки и защищали себя руками, как будто можно рукой уберечь себя от тяжёлого и раскалённого куска металла. Но ведь известно, что в такие минуты человек не умеет рассуждать. Признаться, мне тоже хотелось нагнуться, зажмуриться, спрятать голову.

Но я не мог сделать этого.

Передо мной сидел мальчик. Ни на один миг он не оставил вёсел. Так же уверенно и легко вёл он своё маленькое судно, и на лице его я не мог прочесть ни страха, ни волнения. Он только посматривал изредка то направо, то налево, то на небо, потом переводил взгляд на своих пассажиров – и усмехался. Да, усмехался. Мне даже стыдно стало, я даже покраснел, когда увидел эту улыбку на его губах.

«Неужели он не боится? – подумал я. – Неужели ему не страшно? Неужто не хочется ему бросить вёсла, зажмуриться, спрятаться под скамейку?.. А впрочем, он ещё маленький, – подумалось мне. – Он ещё не понимает, что такое смерть, поэтому небось и улыбается так беспечно и снисходительно».

Канонада еще не кончилась, когда мы пристали к берегу. Не нужно было никого подгонять. Через полминуты лодка была уже пустая.

Под дождём осколков, совсем как это бывает под настоящим проливным дождём, женщины бежали на берег и прятались под густыми шапками приземистых дубков и столетних лип.

Я вышел из лодки последним. Мальчик возился у причала, затягивая какой-то сложный морской узел.

– Послушай! – сказал я ему. – Чего ты копаешься тут? Ведь, посмотри, осколки летят...

– Чего? – переспросил он, подняв на секунду голову и посмотрев на меня не очень любезно.

– Я говорю: храбрый ты, как я погляжу. Ведь страшно всё-таки. Неужели ты не боишься?

В это время тяжёлый осколок с тупым звоном ударился о самую кромку мостков.

– А ну, проходите! – закричал на меня мальчик. – Нечего тут...

– Ишь ты какой! – сказал я с усмешкой и зашагал к берегу. Я был обижен и решил, что не стоит и думать об этом глупом мальчишке.

Но, выйдя на дорогу, я все-таки не выдержал и оглянулся. Мальчика на пристани уже не было. Я поискал его глазами. Он стоял на берегу, под навесом какого-то склада или сарая. Вёсла свои он тоже притащил сюда и поставил рядом.

«Ага, – подумал я с некоторым злорадством. – Всё-таки, значит, немножко побаиваешься, голубчик!..»

Но, по правде сказать, мне всё ещё было немножко стыдно, что маленький мальчик оказался храбрее меня. Может быть, поэтому я не стал прятаться под деревьями, а сразу свернул на боковую дорожку и отправился разыскивать Н-скую зенитную батарею.

Дела, которые привели меня на Каменный остров, к зенитчикам, отняли у меня часа полтора-два. Обрато в город меня обещали «подкинуть» на штабной машине, прибытия которой ожидали с минуты на минуту.

В ожидании машины, от нечего делать, я беседовал с командиром батареи о всякой всячине и, между прочим, рассказал о том, как сложно я к ним добирался, и о том, как наш ялик попал в осколочный дождь.

Командир батареи, пожилой застенчивый лейтенант из запасных, почему-то вдруг очень смутился и даже покраснел.

– Да, да... – сказал он, вытирая платком лицо. – К сожалению, наши снаряды летают не только вверх, но и вниз. Но что же поделаешь! Это как раз те щепки, которые летят, когда лес рубят. Но всё-таки неприятно. Очень неприятно. Ведь бывают жертвы, свои люди гибнут. Вот как раз недели три тому назад тут перевозчика осколком убило.

Я, помню, даже вздрогнул, когда услышал это.

– Как перевозчика? – сказал я. – Где? Какого?

– Да вот тут как раз, на Неве, где вы переезжали. Хороший человек был. Сорок два года работал на перевозе. И отец у него, говорят, тоже на яликах подвизался. И дед.

– А сейчас там какой-то мальчик, – сказал я.

– Ха! – улыбнулся лейтенант. – Ну как же! Мотя! Матвей Капитоныч! Адмирал Нахимов мы его зовём. Это сынишка того перевозчика, который погиб.

– Как! – сказал я. – Того самого, который от осколка?..

– Ну да. Именно. Того Капитоном звали, а этого Матвей Капитонович. Тоже матрос бывалый. Лет ему – не сосчитать как мало, а работает – сами видели, – со взрослыми потягаться может. И притом, что бы ни было, всегда на посту: и днём и ночью, и в дождь и в бурю...

– И под осколками, – сказал я.

– Да, и под осколками. Этого уж тут не избежишь! Осколочные осадки выпадают у нас, пожалуй, почаще, чем обычные, метеорологические...

Лейтенант мне ещё что-то говорил, что-то рассказывал, но я плохо слушал его. Почему-то мне вдруг страшно захотелось ещё раз увидеть Мотю.

– Послушайте, товарищ лейтенант, – сказал я поднимаясь. – Знаете, – что-то ваша машина застряла. А у меня времени в обрез. Я, пожалуй, пойду.

– А как же вы? – удивился лейтенант.

– Ну что ж, – сказал я. – Придётся опять на ялике.

Когда я пришёл к перевозу, ялик ещё только-только отваливал от противоположного берега. Опять он был переполнен пассажирами, и опять низкие бортики его еле-еле выглядывали из воды, но так же легко, спокойно и уверенно работали вёсла и вели его наискось по течению, поблескивая на солнце и оставляя в воздухе светлую радужную пыль. А солнце стояло уже высоко, припекало, и было очень тихо, даже как-то особенно тихо, как всегда бывает летом после хорошего проливного дождя.

На пристани ещё никого не было, я сидел один на скамеечке, поглядывая на воду и на приближающуюся лодку, и на этот раз мне уже не хотелось, чтобы она шла подольше, – наоборот, я ждал её с нетерпением. А лодка как будто чужая это моё желание, шла очень быстро, и скоро в толпе пассажиров я уже мог разглядеть белый парусиновый балахон и боцманскую фуражку гребца.

«И днём и ночью, и в дождь и в бурю», – вспомнил я слова лейтенанта.

И вдруг я очень живо и очень ясно представил себе, как здесь вот, на этом самом месте, в такой же, наверно, погожий, солнечный денёк, на этой же самой лодке, с этими же вёслами в руках погиб на своём рабочем посту отец этого мальчика. Я отчётливо представил во всех подробностях, как это случилось. Как привезли старого перевозчика к берегу, как выбежали навстречу его жена и дети, – и вот этот мальчик тоже, – и какое это было горе, и как страшно стало, как потемнело у мальчика в глазах, когда какая-то чужая старуха всхлипнула, перекрестилась и сказала:

– Царство небесное. Помер.

И вот не прошло и месяца, а этот мальчик сидит на этой лодке и работает теми же вёслами, которые выпали тогда из рук его отца.

«Как же он может? – подумал я. – Как может этот маленький человек держать в руках эти страшные вёсла? Как может он спокойно сидеть на скамейке, на которой ещё небось не высохла кровь его отца? Ведь, казалось бы, он на всю жизнь должен был проникнуться смертельным ужасом и к этой заклятой работе, и к этой лодке, и к вёслам, и к чёрной невской воде. Даже отдалённый орудийный выстрел должен был пугать его и холодить жестокой тоской его маленькое сердце.

А ведь он улыбался. Вы подумайте только – он улыбался давеча, когда земля и небо дрожали от залпов зенитных орудий!..»

Но тут мои размышления были прерваны. Весёлый женский голос звонко и раскатисто, на всю реку, прокричал за моей спиной:

– Матвей Капитоныч, поторопи-ись!..

Пока я сидел и раздумывал, на пристани уже скопилась порядочная толпа ожидающих. Опять тут было очень много женщин-работниц, было несколько военных, две или три девушки-дружинницы и молодой военный врач.

Лодка уже подходила к мосткам. Повторилось то же, что было давеча на том берегу. Ялик ударился о стенку причала и заскрипел. Женщины и на берегу и в лодке загалдели, началась посадка, и мальчик, стоя в лодке и придерживаясь веслом за борт мостков, не повышая голоса, серьёзно и деловито командовал своими пассажирами. Мне показалось, что за эти два часа он ещё больше осунулся и похудел. Тёмное от загара и от усталости лицо его блестело, он тяжело дышал. Балахон свой он расстегнул, распахнул ворот рубашки, и оттуда выглядывала полоска незагорелой кожи. Когда я входил в лодку, он посмотрел на меня, улыбнулся, показав на секунду маленькие белые зубы, и сказал:

– Что? Уж обратно?

– Да. Обратно, – ответил я и почему-то очень обрадовался и тому, что он меня узнал, и тому, что заговорил со мной и даже улыбнулся мне.

Усаживаясь, я постарался занять место поближе к нему. Это удалось мне. Правда, пришлось кого-то не очень вежливо оттолкнуть, но когда мальчик сел на своё капитанское место, оказалось, что мы сидим лицом к лицу.

Выполнив обязанности кассира, собрав двугривенные, пересчитав их и спрятав, Мотя взялся за весла.

– Только не шуметь, бабы! – строго прикрикнул он на своих пассажиров. Те слегка притихли, а мальчик уселся поудобнее, поплевал на руки, и вёсла размеренно заскрипели в уключинах, и вода так же размеренно заплескалась за бортом.

Мне очень хотелось заговорить с мальчиком. Но, сам не знаю почему, я немножко робел и не находил, с чего начать разговор.

Улыбаясь, я смотрел на его серьёзное сосредоточенное лицо и на смешные детские бровки, на которых поблескивали редкие светлые волосики. Внезапно он взглянул на меня, поймал мою улыбку и сказал:

– Вы чего смеётесь?

– Я не смеюсь, – сказал я немножко даже испуганно. – С чего ты взял, что я смеюсь? Просто я люблюсь, как ты ловко работаешь.

– Как это ловко? Обыкновенно работаю.

– Ого! – сказал я, покачав головой. – А ты, адмирал Нахимов, я погляжу, дядя сердитый...

Он опять, но на этот раз, как мне показалось, с некоторым любопытством взглянул на меня и сказал:

– А вы откуда знаете, что я – адмирал Нахимов?

– Ну, мало ли? Слухом земля полнится.

– Что, на батареях были?

– Да, на батареях.

– А! Тогда понятно.

– Что тебе понятно?

Он помолчал, как бы раздумывая, стоит ли вообще рассусоливать со мной, и наконец ответил:

– Командиры меня так дразнят: адмиралом. Я ведь их тут всех обслуживаю: и зенитчиков, и лётчиков, и моряков, и из госпиталей которые...

– Да, брат, работы у тебя, как видно, хватает, – сказал я. – Устаёшь здорово небось? А?

Он ничего не сказал, только пожал плечами. Что работы ему хватает и что устаёт он зверски, было и без того видно. Лодка опять шла наперекор течению, и вёсла с трудом, как в густую черную глину, погружались в воду.

– Послушай, Матвей Капитоныч, – сказал я, помолчав. – Скажи, пожалуйста, откровенно, по совести: неужто тебе давеча не страшно было?

– Это когда? Где? – удивился он.

– Ну, давеча, когда зенитки работали.

Он усмехнулся и с каким-то не то что удивлением, а пожалуй, даже с сожалением посмотрел на меня.

– Вы бы ночью сегодня поглядели, что было. Вот это да! – сказал он.

– А разве ты ночью тоже работал?

– Я дежурил. У нас тут на Деревообделочном он зажигалок набросал целый воз. Так мы тушили.

– Кто «мы»?

– Ну, кто? Ребята.

– Так ты что – и не спал сегодня?

– Нет, спал немного.

– А ведь у вас тут частенько это бывает.

– Что? Бомбёжки-то? Конечно, часто. У нас тут вокруг батареи. Осколки так начнут сыпаться, только беги.

– Да, – сказал я, – а ты, я вижу, все-таки не бежишь.

– А мне бежать некуда, – сказал он, усмехнувшись.

– Ну, а ведь честно-то, по совести, – боязно все-таки?

Он опять подумал и как-то очень хорошо, просто и спокойно сказал:

– Бойся не бойся, а уж если попадёт, так попадёт. Легче ведь не будет, если бояться?

– Это конечно, – улыбнулся я. – Легче не будет.

Мне всё хотелось задать ему один вопрос, но как-то язык не поворачивался. Наконец я решился:

– А что, Мотя, это правда, что у тебя тут недавно отец погиб?

Мне показалось, что на одно мгновение вёсла дрогнули в его руках.

– Ага, – сказал он хрипло и отвернулся в сторону.

– Его что – осколком?

– Да.

– Вот, видишь...

Я не договорил. Но, как видно, он понял, о чём я хотел сказать. Целую минуту он молчал, налегая на вёсла. Потом, так же не глядя на меня, а куда-то в сторону, хриплым, басовитым и, как мне показалось, даже не своим голосом сказал:

– Воды бояться – в море не бывать.

– Хорошо сказано. Ну, а всё-таки – разве ты об этом не думал? Если и тебя этак же?

– Что меня?

– Осколком.

– Тьфу, тьфу, – сказал он, сердито посмотрев на меня, и как-то лихо и замысловато, как старый бывалый матрос, плюнул через левое плечо.

Потом, заметив, что я улыбаюсь, – не выдержал, сам улыбнулся и сказал:

– Ну что ж! Конечно, могут. Всякое бывает. Могут и убить. Тогда что ж... Тогда, значит, придется Маньке за вёсла садиться.

– Какой Маньке?

– Ну какой! Сестрёнке. Она, вы не думайте, она хоть и маленькая, а силы-то у неё побольше, чем у другого пацана. На спинке Неву переплывает туда и обратно.

Беседуя со мной, Мотя ни на минуту не оставлял управления лодкой. Она уже миновала середину реки и теперь, относимая течением в сторону, шла наискось к правому, высокому берегу. А там уже поблёскивали кое-где стёкла в сереньких дощатых домиках, из-за дранковых, толевых и железных крыш выглядывали чахлые пыльные деревца, а над ними без конца и без края расстилалось бесцветное бледно-голубое, как бы разбавленное молоком, северное небо.

И опять на маленькой пристани уже толпился народ, уже слышен был шум голосов, и уже кто-то кричал что-то и махал нам рукой.

– Мотя-а-а! – расслышал я и, вглядевшись, увидел, что это кричит маленькая девочка в белом платочке и в каком-то бесцветном, длинном, как у цыганки, платье.

– Мотя-а-а! – кричала она, надрываясь и чуть ли не со слезами в голосе.

– Живей! Чего ты копаешься там?..

Мотя и головы не повернул. Только подводя лодку к мосткам, он поглядел на девочку и спокойно сказал:

– Чего орёшь?

Девочка была действительно совсем маленькая, босая, с таким

же, как у Моти, загорелым лицом и с такими же смешными, выцветшими, белёсыми бровками.

– Обедать иди! – загорячилась она. – Мама ждёт, ждёт!.. Уж горох весь выкипел.

И в лодке и на пристани засмеялись. А Мотя неторопливо причалил ялик, дождался, пока сойдут на берег все пассажиры, и только тогда повернулся к девочке и ответил ей:

– Ладно. Иду. Принимай вахту.

– Это что? – спросил я у него. – Это Манька и есть?

– Ага. Манька и есть. Вот она у нас какая! – улыбнулся он, и в голосе его я услышал не только очень теплую нежность, но и настоящую гордость.

– Славная девочка, – сказал я и хотел сказать ещё что-то.

Но славная девочка так дерзко и сердито на меня посмотрела и так ужасно сморщила при этом свой маленький загорелый, облупившийся нос, что я проглотил все слова, какие вертелись у меня на языке. А она шмыгнула носом, повернулась на босой ноге и, подобрав подол своего цыганского платья, ловко прыгнула в лодку.

– Эй, бабы, бабы!.. Не шуметь! Без паники! – закричала она хриплым, простуженным баском, совсем как Мотя. «И, наверное, совсем как покойный отец», – подумалось мне.

Я попрощался с Мотей, протянул ему руку.

– Ладно. До свиданья, – сказал он не очень внимательно и подал мне свою маленькую, крепкую, шершавую и мозолистую руку.

Поднявшись по лесенке вверх, на набережную, я оглянулся.

Мотя в своем длинном и широком балахоне и в огромных рыбацких сапогах, удаляясь от пристани, шёл уже по узенькой песчаной отмели, слегка наклонив голову и по-матросски покачиваясь на ходу.

А ялик уже отчалил от берега. Маленькая девочка сидела на вёслах, ловко работала ими, и вёсла в её руках весело поблескивали на солнце и рассыпали вокруг себя тысячи и тысячи брызг.

1. От чьего имени ведётся рассказ?
2. Каким представлял мальчика рассказчик? Почему он изменил своё отношение?
3. Как вы понимаете выражения: "И днём и ночью, и в дождь и в бурю", "Воды бояться – в море не бывать"?

Л. А. Кассиль
Алексей Андреевич

I

Командир никогда не видел в глаза Алексея Андреевича, но слышал о нём каждый день. Неделю назад бойцы, возвращаясь из разведки, доложили, что в лесочке их встретил босой мальчуган, вывернул из карманов семь белых камешков, пять чёрных, потом вытянул верёвку, завязанную четырьмя узелками, а в конце концов вытряхнул три щепочки. И, глядя на добытое из карманов добро, неизвестный мальчуган сообщил шёпотом, что на том берегу реки замечены семь миномётов немецких, пять танков противника, четыре орудия и три пулемёта. На вопрос: «Откуда он взялся?» — мальчонка ответил, что его прислал сам Алексей Андреевич.

Пришёл он к разведчикам и на другой день, и на третий. И каждый раз долго рылся в карманах, вытаскивая разноцветные камешки, щепочки, считал узлы на бечёвке и говорил, что его прислал Алексей Андреевич. Кто таков Алексей Андреевич, мальчонка не сказал, как его ни расспрашивали. «Время военное — болтать много нечего, — объяснил он, — да и сам Алексей Андреевич не приказывал ничего говорить о нём». И командир, ежедневно получая очень важные сведения в лесу, решил, что Алексей Андреевич — это какой-то храбрый партизан, могучий богатырь с тугими усами и низким голосом. Именно таким почему-то казался командиру Алексей Андреевич.

Однажды вечером, когда с широкой реки потянуло теплом и вода стала совсем гладкой, словно застывшей, командир проверил посты охранения и собрался поужинать. Но тут ему доложили, что к часовым заставы прибыл какой-то парнишка и просится к командиру. Командир разрешил пропустить мальчишку.

Через несколько минут он увидел перед собой невысокого паренька лет тринадцати-четырнадцати. Ничего особенного в нём не было. Мальчонка с виду казался простоватым и даже немного непонятливым.

Он шёл слегка разболтанной походкой, и слишком короткие штанины мотались из стороны в сторону над его босыми ступнями. Но командиру показалось, что мальчишка только прикидывается таким простачком. Командир почуял какую-то хитрость. И

действительно, как только паренёк увидел командира, он тотчас перестал зевать по сторонам, подобрался весь, сделал четыре твёрдых шага, замер, вытянулся и отчеканил:

— Разрешите доложить, товарищ командир? Алексей Андреевич...

— Ты?! — не поверил командир.

— Я самый. Заведующий переправой.

— Чем? Чем заведующий? — переспросил командир.

— Переправой! — раздалось из-за куста, и сквозь листву просунулся мальчонка лет девяти.

— А ты кто такой? — спросил командир.

Мальчуган вылез из куста, вытянулся и, поглядывая то на командира, то на своего старшего товарища, старательно выговорил:

— Я — для особых поручений.

Тот, кто назвался Алексеем Андреевичем, грозно покосился на него.

— Для поручений, — поправил он малыша, — сто раз сказано! И не лезь, куда старший говорит. Сызнова вас учить надо?

Командир скрыл улыбку и внимательно оглядел обоих. И старший и маленький стояли перед ним навтыжку.

— Это Валёк, порученец мой, — пояснил первый, — а я заведующий переправой.

У маленького «порученца» от волнения всё время шевелились пальцы босых запylённых ног, аккуратно сдвинутых пятками вместе.

— Заведующий? Переправой?

— удивился командир.

— Так точно.

— Где же это твоя переправа?

— В известном месте, — сказал паренёк.

— Да что это за переправа такая? — рассердился командир. — Крутит тут мне голову: переправа, переправа... а ничего толком не объяснит.

— Можно стоять вольно? — спросил паренёк.

— Да стой вольно, стой, как хочешь, только скажи толком: что тебе от меня надо?

Ребята стали «вольно». Маленький при этом старательно отставил в сторону ногу и смешно вывернул пятку.

— Обыкновенная переправа, — неторопливо начал старший. — Имеется, значит, плот. Под названием «Гроб фашистам». Сами связали. Нас целых восемь человек, а я заведующий. И мы с того берега, где немцы, трёх раненых наших на эту сторону переправили.

Они вон там, в лесу. Мы их там укрыли, маскировку сделали. Только дале-то их тащить тяжело. Вот мы к вам и прибыли. Их надо в посёлок унести, раненых.

— Что же, немцы вас не заметили? Как же вы у них под носом на своём плоту путешествуете?

— А мы всё под бережком, под бережком, а потом, там у нас коряга есть, мы от неё уже на ту сторону переваливаем. Тут у речки изгиб. Вот и не видно нас. Они заметили было, стрелять начали, а мы уже к месту назначения прибыли.

— Ну, если правду говоришь, молодец, Андрей Алексеевич! — сказал командир.

— Алексей Андреевич, — тихо поправил паренёк, скромно глядя в сторону.

II

Через полчаса Алексей Андреевич и его «порученец» Валёк привели командира и санитаров к раненым, которые были спрятаны в лесу, там, где река сделала глубокую промоину в береге и толстые корни деревьев переплелись, как шалаш.

— Вот тут! — указал Алексей Андреевич.

Вскоре трое тяжело раненных красноармейцев были уложены санитарями на носилки. Двое из раненых бойцов были в забытьи и только изредка тихо стонали; третий, схватив ослабевшей рукой командира за локоть, тяжело двигая губами, всё порывался сказать что-то. Но у него выходило только:

— Пионеры-то... ребятишки... очень благодарны... бойцов... пионеры... Пропали бы... А они вот...

Санитары унесли раненых в посёлок, а командир пригласил ребят поужинать к себе. Но Алексей Андреевич заявил, что подходит самое время для работы и он отлучиться не может.

На следующий день Алексей Андреевич принёс командиру бумажку, на которой был нарисован план расположения немцев. Он сам нарисовал его, пробравшись на тот берег.

— А сколько у них пулемётов и орудий, не заметил? — спросил командир.

— Сейчас получите всё в точности, — отвечал Алексей Андреевич и свистнул.

Тотчас из кустов высунулся долговязый парень в очках.

— Это при нашем плоте счетовод Колька, — пояснил Алексей Андреевич.

— Не счетовод, а бухгалтер, — мрачно поправил долговязый.

— Бухгалтер! Сто раз сказано! — сказал Алексей Андреевич.

У «бухгалтера» оказался точный, завязанный узелком на верёвке, собранный из камешков и палочек список всех пулемётов и орудий, которые немцы установили на другом берегу.

— А как насчёт броневиков? Не видали?

— Это уже надо у Серёжки спросить, — отвечал Алексей Андреевич. — Я нарочно рассредоточил по всем, чтобы у каждого понемножку было. А по камешкам да щепочкам немцы не узнают. Это у каждого в кармане бывает.

Если кто и попадётся, остальные своё доделают. Эй, Серёжка! — крикнул он, и тотчас из-за кустов вышел наголо стриженный и загорелый увалень; у него был десяток ракушек, обозначающих немецкие броневики и танки. — Может, вам винтовки нужны? — вдруг сурово спросил Алексей Андреевич.

Командир рассмеялся:

— А вы что, не только плоты мастерите, но и винтовки, выходит, производите? Так, что ли?

— Нет, — отвечал, не улыбаясь, Алексей Андреевич. — У нас готовые, немецкого производства. Присылайте вечером за ними к переправе, в ноль часов пятнадцать минут. Только чтоб точно.

Четверть первого, как было условлено, к месту переправы пришёл сам командир. Его сопровождали несколько бойцов. Командир стал спускаться к воде и споткнулся обо что-то железное и тяжёлое. Он нагнулся и нащупал мокрую винтовку.

— Принимайте оружие, — зашептал Алексей Андреевич.

Восемьдесят немецких винтовок передали пионеры-плотгоны в эту ночь красноармейцам. Алексей Андреевич аккуратно пересчитал их, отметил у себя в записной книжечке каждую и велел своему «бухгалтеру» получить расписку с командира...

Командир уложил ребят в своей палатке. Алексей Андреевич хотел оставить дежурных у плота, но командир поставил там своего часового. Настоящий часовой охранял в эту ночь славный пионерский плот, а заведующий переправой и семеро его помощников, укрытые шинелями, сладко посапывали в командирской палатке.

Утром часть уходила на новые позиции. Ребят разбудили, накормили вкусным завтраком. Командир подошёл к Алексею Андреевичу и положил ему руку на плечо.

— Ну, Алексей Андреевич, — сказал он, — спасибо тебе за службу. Пригодилась нам твоя переправа.

Командир не раз вспоминал в тот день маленького заведующего переправой. Очень важные сведения дали командиру ребята. Фашистский батальон с танками и двумя взводами мотоциклистов был разгромлен в этот день. Вечером командир составлял список бойцов, представляемых к награде, и первым поставил имя Алексея, заведующего переправой через реку Н., славного командира плота «Гроб фашистам».

1. Кто такой Алексей Андреевич? Почему ребята называли своего сверстника полным именем и не хотели о нем рассказывать? Чем он заслужил их уважение?

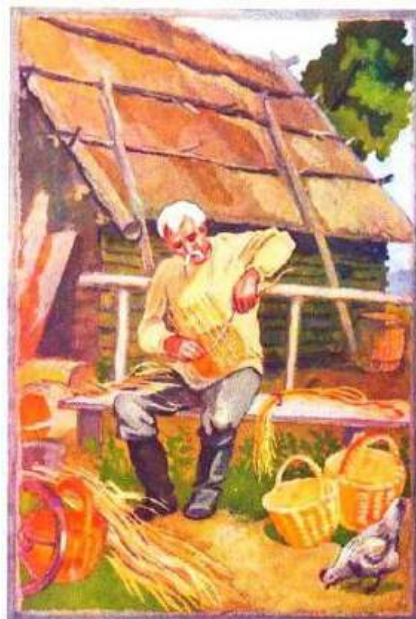
2. Какую помощь нашим бойцам оказала сооруженная детьми переправа?

А. П. Гайдар
Горячий камень

I

Жил на селе одинокий старик. Был он слаб, плёл корзины, подшивал валенки, сторожил от мальчишек колхозный сад и тем зарабатывал свой хлеб.

Он пришёл на село давно, издалека, но люди сразу поняли, что этот человек немало хватил горя. Был он хром, не по годам сед. От щеки его через губы пролёг кривой рваный шрам. И поэтому, даже когда он улыбался, лицо его казалось печальным и суровым.

II

Однажды мальчик Ивашка Кудряшкин полез в колхозный сад, чтобы набрать там яблок и тайно насытиться ими до отвала. Но, зацепив штаниной за гвоздь ограды, он свалился в колючий крыжовник, оцарапался, взвыл и тут же был сторожем схвачен.

Конечно, старик мог бы стегануть Ивашку крапивой или, что еще хуже, отвести его в школу и рассказать там, как было дело.

Но старик сжалился над Ивашкой. Руки у Ивашки были в ссадинах, позади, как овечий хвост, висел клочок от штанины, а по красным щекам текли слезы.

Молча вывел старик через калитку и отпустил перепуганного Ивашку восвояси, так и не дав ему ни одного тычка и даже не сказав вдогонку ни одного слова.

III

От стыда и горя Ивашка забрёл в лес, заблудился и попал на болото. Наконец он устал. Опустился на торчавший из мха голубой камень, но тотчас же с воплем подскочил, так как ему показалось, что он сел на лесную пчелу и она его через дыру штанов больно ужалила.

Однако никакой пчелы на камне не было. Этот камень был, как уголь, горячий, и на плоской поверхности его проступали закрытые

глиной буквы.

Ясно, что камень был волшебный! - это Ивашка смекнул сразу. Он сбросил башмак и торопливо начал оббивать каблуком с надписей глину, чтобы поскорее узнать: что с этого камня может он взять для себя пользы и толку.

И вот он прочел такую надпись:

КТО СНЕСЁТ ЭТОТ КАМЕНЬ НА ГОРУ
И ТАМ РАЗОБЬЁТ ЕГО НА ЧАСТИ,
ТОТ ВЕРНЁТ СВОЮ МОЛОДОСТЬ
И НАЧНЁТ ЖИТЬ СНАЧАЛА

Ниже стояла печать, но не простая, круглая, как в сельсовете, и не такая, треугольником, как на талонах в кооперативе, а похитрее: два креста, три хвоста, дырка с палочкой и четыре запятые.

Тут Ивашка Кудряшкин огорчился. Ему было всего восемь лет - девятый. И жить начинать сначала, то есть опять на второй год оставаться в первом классе, ему не хотелось вовсе.

Вот если бы через этот камень, не уча заданных в школе уроков, можно было из первого класса перескакивать сразу в третий - это другое дело!

Но всем и давно уже известно, что такого могущества даже у самых волшебных камней никогда не бывает.

IV

Проходя мимо сада, опечаленный Ивашка опять увидел старика, который, кашляя, часто останавливаясь и передыхая, нёс ведро известки, а на плече держал палку с мочальной кистью.

Тогда Ивашка, который был по натуре мальчиком добрым, подумал: "Вот идёт человек, который очень свободно мог хлестнуть меня крапивой. Но он пожалел меня. Дай-ка теперь я его пожалею и верну ему молодость, чтобы он не кашлял, не хромал и не дышал так тяжело".

Вот с какими хорошими мыслями подошёл к старику благородный Ивашка и прямо объяснил ему, в чём дело. Старик сурово поблагодарил Ивашку, но уйти с караула на болото отказался, потому что были ещё на свете такие люди, которые, очень просто, могли бы за это время колхозный сад от фруктов очистить.

И старик приказал Ивашке, чтобы тот сам выволок камень из болота в гору.

А он потом придёт туда ненадолго и чем-нибудь скоренько по камню стукнет.

Очень огорчил Ивашку такой поворот дела.

Но рассердить старика отказом он не решил. На следующее утро, захватив крепкий мешок и холщовые рукавицы, чтобы не обжечь о камень руки, отправился Ивашка на болото.

V

Измазавшись грязью и глиной, с трудом вытянул Ивашка камень из болота и, высунув язык, лёг у подножия горы на сухую траву.

"Вот! - думал он. - Теперь вкачу я камень на гору, придёт хромой старик, разобьёт камень, помолодеет и начнет жить сначала. Люди говорят, что хватил он немало горя. Он стар, одинок, избит, изранен и счастливой жизни, конечно, никогда не видел. А другие люди её видели". На что он, Ивашка, молод, а и то уже три раза он такую жизнь видел. Это - когда он опаздывал на урок и совсем незнакомый шофер подвёз его на блестящей легковой машине от конюшни колхозной до самой школы. Это - когда весной голыми руками он поймал в канаве большую щуку. И, наконец, когда дядя Митрофан взял его с собой в город на весёлый праздник Первое мая.

"Так пусть же и несчастный старик хорошую жизнь увидит", - великодушно решил Ивашка.

Он встал и терпеливо потянул камень в гору.

VI

И вот перед закатом к измученному и продрогшему Ивашке, который, съёжившись, сушил грязную, промокшую одежду возле горячего камня, пришёл на гору старик.

- Что же ты, дедушка, не принёс ни молотка, ни топора, ни лома? - вскричал удивленный Ивашка. - Или ты надеешься разбить камень рукою?

- Нет, Ивашка, - отвечал старик, - я не надеюсь разбить его рукой. Я совсем не буду разбивать камень, потому что я не хочу начинать жить сначала.

Тут старик подошёл к изумлённому Ивашке, погладил его по голове. Ивашка почувствовал, что тяжёлая ладонь старика вздрагивает.

- Ты, конечно, думал, что я стар, хром, уродлив и несчастен, - говорил старик Ивашке - А на самом деле, я самый счастливый человек на свете.

На соломе, в низком холодном бараке метался я в бреду, больной тифом. И грозней смерти звучали надо мной слова о том, что наша страна в кольце и вражья сила нас одолевает. Но, очнувшись вместе с первым лучом вновь сверкнувшего солнца, узнавал я, что враг опять разбит и что мы опять наступаем.

И, счастливые, с койки на койку протягивали мы друг другу костлявые руки и робко мечтали тогда о том, что пусть хоть не при нас, а после нас наша страна будет такой вот, как она сейчас, - могучей и великой. Это ли ещё, глупый Ивашка, не счастье?! И на что мне иная жизнь? Другая молодость? Когда и моя прошла трудно, но ясно и честно!

Тут старик замолчал, достал трубку и закурил.

- Да, дедушка! - тихо сказал тогда Ивашка. - Но раз так, - то зачем же я старался и тащил этот камень в гору, когда он очень спокойно мог бы лежать на своём болоте?

- Пусть лежит на виду, - сказал старик, - и ты посмотришь, Ивашка, что из этого будет.

VII

С тех пор прошло много лет, но камень тот так и лежит на той горе неразбитым.

И много около него народу побывало. Подойдут, посмотрят, подумают, качнут головой и идут восвояси.

Был на той горе и я однажды. Что-то у меня была беспокойна совесть, плохое настроение. "А что, - думаю, - дай-ка я по камню стукну и начну жить сначала!"

Однако постоял-постоял и вовремя одумался.

"Э-э! - думаю, скажут, увидав меня помолодевшим, соседи. - Вот идёт молодой дурак! Не сумел он, видно, одну жизнь прожить так, как надо, не разглядел своего счастья и теперь хочет то же начинать сначала".

Скрутил я тогда табачную сигарку. Прикурил, чтобы не тратить спичек, от горячего камня и пошел прочь - своей дорогой.

Восвояси – домой;

Сельсовет – сельский совет: так называлась в Советской России власть, управляющая селом;

Кооператив – здесь: сельский магазин;

Колхозный – коллективный, принадлежащий всем жителям села;

Тиф – тяжёлая инфекционная болезнь;

Сигарка – скрученная из бумаги трубочка с табаком, самодельная папироса.

1. Зачем Ивашка Кудряшкин полез в колхозный сад?
2. Почему старик отпустил Ивашку?
3. Почему надпись на камне огорчила Ивашку?
4. Почему старик не стал разбивать камень?
5. Почему долгие годы камень оставался неразбитым?

А. П. Гайдар
Тимур и его команда
(отрывок)

... Женя ушла в сад.

Выбравшись на лужайку перед старым двухэтажным сараем, Женя вынула из кармана рогатку и, натянув резинку, запустила в небо маленького картонного парашютиста.

Взлетев кверху ногами, парашютист перевернулся. Над ним раскрылся голубой бумажный купол, но тут крепче рванул ветер, парашютиста поволокло в сторону, и он исчез за тёмным чердачным окном сарая.

Авария! Картонного человечка надо было выручать. Женя обошла сарай, через дырявую крышу которого разбегались во все стороны тонкие верёвочные провода.

Она подтащила к окну трухлявую лестницу и, взобравшись по ней, спрыгнула на пол чердака.

Очень странно! Этот чердак был обитаем. На стене висели мотки верёвок, фонарь, два скрещенных сигнальных флага и карта посёлка, вся исчерченная непонятными знаками. В углу лежала покрытая мешковиной охапка соломы. Тут же стоял перевёрнутый фанерный ящик. Возле дырявой замшелой крыши торчало большое, похожее на штурвальное, колесо. Над колесом висел самодельный телефон.

Женя заглянула через щель. Перед ней, как волны моря, колыхалась листва густых садов. В небе играли голуби. И тогда Женя решила: пусть голуби будут чайками, этот старый сарай с его верёвками, фонарями и флагами — большим кораблём. Она же сама будет капитаном.

Ей стало весело. Она повернула штурвальное колесо. Тугие верёвочные провода задрожали, загудели. Ветер зашумел и погнал зелёные волны. А ей показалось, что это её корабль сарай медленно и спокойно по волнам разворачивается.

— Лево руля на борт! — громко скомандовала Женя и крепче налегла на тяжёлое колесо.

Прорвавшись через щели крыши, узкие прямые лучи солнца упали ей на лицо и платье. Но Женя поняла, что это неприятельские суда нащупывают её своими прожекторами, и она решила дать им бой.

С силой управляла она скрипучим колесом, маневрируя вправо и влево, и властно выкрикивала слова команды.

Но вот острые прямые лучи прожектора поблекли, погасли. И это, конечно, не солнце зашло за тучи. Это разгромленная вражья эскадра шла ко дну.

Бой был окончен. Пыльной ладонью Женя вытерла лоб, и вдруг на стене задребезжал звонок телефона. Этого Женя не ожидала; она думала, что этот телефон просто игрушка. Ей стало не по себе. Она сняла трубку.

Голос, звонкий и резкий, спрашивал:

— Алло! Алло! Отвечайте. Какой осёл обрывает провода и подаёт сигналы, глупые и непонятные?

— Это не осёл, — пробормотала озадаченная Женя. — Это я — Женя!

— Сумасшедшая девчонка! — резко и почти испуганно прокричал тот же голос. — Оставь штурвальное колесо и беги прочь. Сейчас примчатся... люди, и они тебя поколотят.

Женя бросила трубку, но было уже поздно. Вот на свету показалась чья-то голова: это был Гейка, за ним Сима Симаков, Коля Колокольчиков, а вслед лезли ещё и ещё мальчишки.

— Кто вы такие? — отступая от окна, в страхе спросила Женя. — Уходите!.. Это наш сад. Я вас сюда не звала.

Но плечо к плечу, плотной стеной ребята молча шли на Женю. И, очутившись прижатой к углу, Женя вскрикнула.

В то же мгновение в просвете мелькнула еще одна тень. Все обернулись и расступились. И перед Женей встал высокий темноволосый мальчуган в синей безрукавке, на груди которой была вышита красная звезда.

— Тише, Женя! — громко сказал он. — Кричать не надо. Никто тебя не тронет. Мы с тобой знакомы. Я — Тимур.

— Ты Тимур?! — широко раскрывая полные слёз глаза, недоверчиво воскликнула Женя. — Это ты укрыл меня ночью простынёю? Ты оставил мне на столе записку?

Ты отправил папе на фронт телеграмму, а мне прислал ключ и квитанцию? Но зачем? За что? Откуда ты меня знаешь?

Тогда он подошёл к ней, взял её за руку и ответил:

— А вот оставайся с нами! Садись и слушай, и тогда тебе всё будет понятно.

На покрытой мешками соломе вокруг Тимура, который разложил перед собой карту посёлка, расположились ребята.

У отверстия выше слухового окна повис на верёвочных качелях наблюдатель. Через его шею был перекинут шнурок с помятым театральным биноклем.

Неподалеку от Тимура сидела Женя и настороженно прислушивалась и приглядывалась ко всему, что происходит на совещании этого — никому не известного штаба. Говорил Тимур:

— Завтра, на рассвете, пока люди спят, я и Колокольчиков исправим оборванные ею (он показал на Женю) провода.

— Он проспит, — хмуро вставил большеголовый, одетый в матросскую тельняшку Гейка. — Он просыпается только к завтраку и к обеду.

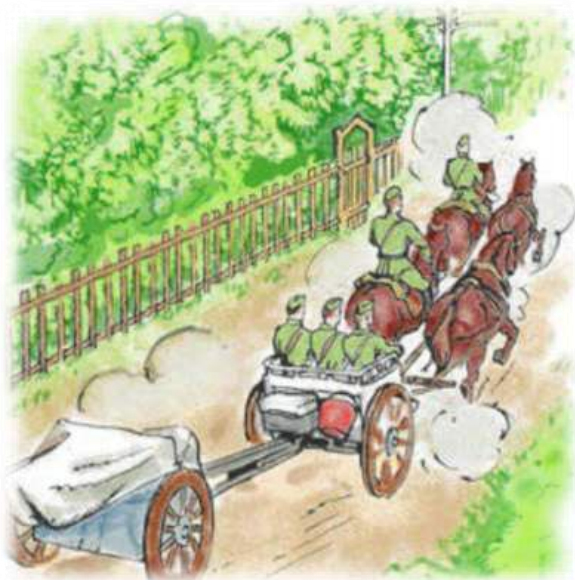
— Клевета! — вскакивая и заикаясь, вскричал Коля Колокольчиков. — Я встаю вместе с первым лучом солнца.

— Я не знаю, какой у солнца луч первый, какой второй, но он проспит обязательно, — упрямо продолжал Гейка.

Тут болтавшийся на верёвках наблюдатель свистнул. Ребята повскакали.

По дороге в клубах пыли мчался конноартиллерийский дивизион.

Могучие, одетые в ремни и железо кони быстро волокли за собою зелёные зарядные ящики и укрытые серыми чехлами пушки.

Обветренные, загорелые ездовые, не качнувшись в седле, лихо заворачивали за угол, и одна за другой батареи скрывались в роще. Дивизион умчался.

— Это они на вокзал, на погрузку поехали, — важно объяснил Коля Колокольчиков. — Я по их обмундированию вижу: когда они скачут на учение, когда на парад, а когда и ещё куда.

— Видишь — и молчи! — остановил его Гейка. — Мы и сами с глазами. Вы знаете, ребята, этот болтун хочет убежать в Красную Армию!

— Нельзя, — вмешался Тимур. — Это затея совсем пустая.

— Как нельзя? — покраснев, спросил Коля. — А почему же раньше мальчишки всегда на фронт бегали?

— То раньше! А теперь крепко накрепко всем начальникам и командирам приказано гнать оттуда нашего брата по шее.

— Как по шее? — вспыхив и еще больше покраснев, вскричал Коля Колокольчиков. — Это... Своих то?

— Да вот!.. — И Тимур вздохнул. — Это своих то! А теперь, ребята, давайте к делу.

Все расселись по местам.

— В саду дома номер тридцать четыре по Кривому переулку неизвестные мальчишки обтрясли яблоню, — обиженно сообщил Коля Колокольчиков. — Они сломали две ветки и помяли клумбу.

— Чей дом? — И Тимур заглянул в клеёчатую тетрадь. — Дом красноармейца Крюкова. Кто у нас здесь бывший специалист по чужим садам и яблоням?

— Я, — раздался сконфуженный голос.

— Кто это мог сделать?

— Это работал Мишка Квакин и его помощник, под названием «Фигура». Яблоня — мичуринка, сорт «золотой налив», и, конечно, взята на выбор.

— Опять и опять Квакин! — Тимур задумался. — Гейка! У тебя с ним разговор был?

— Был.

— Ну и что же?

— Дал ему два раза по шее.

— А он?

— Ну и он сунул мне два раза тоже.

— Эк у тебя все — «дал» да «сунул»... А толку что то нету. Ладно! Квакиным мы займёмся особо. Давайте дальше.

— В доме номер двадцать пять у старухи молочницы взяли в кавалерию сына, — сообщил из угла кто-то.

— Вот хватил! — И Тимур укоризненно качнул головой. — Да там на воротах еще третьего дня наш знак поставлен.

А кто ставил? Колокольчиков, ты?

— Я.

— Так почему же у тебя верхний левый луч звезды кривой, как пиявка? Взялся сделать — сделай хорошо. Люди придут — смеяться будут. Давайте дальше.

Вскочил Сима Симаков и зачастил уверенно, без запинки:

— В доме номер пятьдесят четыре по Пушкинковой улице коза пропала. Я иду, вижу — старуха девчонку колотит. Я кричу: «Тётенька, бить не по закону!»

Она говорит: «Коза пропала. Ах, будь ты проклята!» — «Да куда же она пропала?» — «А вон там, в овраге за перелеском, обгрызла мочалу и провалилась, как будто её волки съели!»

— Погоди! Чей дом?

— Дом красноармейца Павла Гурьева. Девчонка — его дочь, зовут Нюркой. Колотила её бабка. Как зовут, не знаю. Коза серая, со спины чёрная. Зовут Манька.

— Козу разыскать! — приказал Тимур. — Пойдёт команда в четыре человека. Ты... ты и ты. Ну всё, ребята?

— В доме номер двадцать два девчонка плачет, — как бы нехотя сообщил Гейка.

— Чего же она плачет?

— Спрашивал — не говорит.

— А ты спросил бы получше. Может быть, кто-нибудь её поколотил... обидел?

— Спрашивал — не говорит.

— А велика ли девчонка?

— Четыре года.

— Вот еще беда! Кабы человек... а то — четыре года! Пстой, а чей это дом?

— Дом лейтенанта Павлова. Того, что недавно убили на границе.

— «Спрашивал — не говорит», — огорчённо передразнил Гейку Тимур.

Он нахмурился, подумал. — Ладно... Это я сам. Вы к этому делу не касайтесь.

Рассвело. Пропел деревянный рог пастуха.

Старуха молочница открыла калитку и погнала корову к стаду. Не успела она завернуть за угол, как из-за куста акации, стараясь не греметь пустыми вёдрами, выскочило пятеро мальчуганов, и они бросились к колодцу.

— Качай!

— Давай!

— Бери!

— Хватай!

Обливая холодной водой босые ноги, мальчишки мчались во двор, опрокидывали вёдра в дубовую кадку и, не задерживаясь, неслись обратно к колодцу.

К взмокшему Симе Симакову, который без передышки ворочал рычагом колодезного насоса, подбежал Тимур и спросил:

— Вы Колокольчикова здесь не видали? Нет? Значит, он проспал. Скорей, торопитесь! Старуха пойдёт сейчас обратно.

Очутившись в саду перед дачей Колокольчиковых, Тимур стал под деревом и свистнул. Не дождавшись ответа, он полез на дерево и заглянул в комнату. С дерева ему была видна только половина придвинутой к подоконнику кровати да завёрнутые в одеяло ноги.

Тимур кинул на кровать кусочек коры и тихонько позвал:

— Коля, вставай! Колька!

Спящий не пошевелился. Тогда Тимур вынул нож, срезал длинный прут, заострил на конце сучок, перекинул прут через подоконник и, зацепив сучком одеяло, потащил его на себя.

Лёгкое одеяло поползло через подоконник. В комнате раздался хрипловатый изумлённый вопль.

Вытаращив заспанные глаза, с кровати соскочил седой джентльмен в нижнем белье и, хватая рукой уползающее одеяло, подбежал к окну.

Очутившись лицом к лицу с почтенным стариком, Тимур разом слетел с дерева.

А седой джентльмен, бросив на постель отвоёванное одеяло, сдёрнул со стены двустволку, поспешно надел очки и, выставив ружьё из окна дулом к нему, зажмурил глаза и выстрелил.

Только у колодца перепуганный Тимур остановился. Вышла ошибка. Он принял спящего джентльмена за Колю, а седой джентльмен, конечно, принял его за жулика.

Тут Тимур увидел, что старуха молочница с коромыслом и ведрами выходит из калитки за водой. Он юркнул за акацию и стал наблюдать.

Вернувшись от колодца, старуха подняла ведро, опрокинула его в бочку и сразу отскочила, потому что вода с шумом и брызгами выплеснулась из уже наполненной до краёв бочки прямо ей под ноги.

Охая, недоумевая и оглядываясь, старуха обошла бочку. Она опустила руку в воду и поднесла её к носу. Потом побежала к крыльцу проверить, цел ли замок у двери. И, наконец, не зная, что и думать, она стала стучать в окно соседке.

Тимур засмеялся и вышел из своей засады.

Надо было спешить. Уже поднималось солнце.

Коля Колокольчиков не явился, и провода всё ещё исправлены не были.

Во двор того дома, откуда пропала коза и где жила бабка, которая поколотила бойкую девчонку Нюрку, привезли два воза дров.

Ругая беспечных возчиков, которые свалили дрова как попало, кряхтя и охая, бабка начала укладывать поленницу. Но эта работа была ей не под силу.

Откашливаясь, она села на ступеньку, отдышалась, взяла лейку и пошла в огород. Во дворе остался теперь только трёхлетний братишка Нюрки — человек, как видно, энергичный и трудолюбивый, потому что едва бабка скрылась, как он поднял палку и начал колотить ею по скамье и по перевёрнутому кверху дном корыту.

Тогда Сима Симаков, только что охотившийся за беглой козой, которая скакала по кустам и оврагам не хуже индийского тигра, одного человека из своей команды оставил на опушке, а с четырьмя другими вихрем ворвался во двор.

Он сунул малышу в рот горсть земляники, всучил ему в руки блестящее перо из крыла галки, и вся четвёрка рванулась укладывать дрова в поленницу.

Сам Сима Симаков понёсся кругом вдоль забора, чтобы задержать на это время бабку в огороде. Остановившись у забора, возле того места, где к нему вплотную примыкали вишни и яблони, Сима заглянул в щёлку.

Бабка набрала в подол огурцов и собиралась идти во двор.

Сима Симаков тихонько постучал по доскам забора.

Бабка насторожилась. Тогда Сима поднял палку и начал ею шевелить ветви яблони.

Бабке тотчас же показалось, что кто-то тихонько лезет через забор за яблоками. Она высыпала огурцы на межу, выдернула большой пук крапивы, подкралась и притаилась у забора.

Сима Симаков опять заглянул в щель, но бабки теперь он не увидел. Обеспокоенный, он подпрыгнул, схватился за край забора и осторожно стал подтягиваться.

Но в то же время бабка с торжествующим криком выскочила из своей засады и ловко стегнула Симу Симакова по рукам крапивой.

Размахивая обожжёнными руками, Сима помчался к воротам, откуда уже выбегала закончившая свою работу четвёрка.

Во дворе опять остался только один малыш. Он поднял с земли щепку, положил её на край поленницы, потом поволок туда же кусок бересты.

За этим занятием и застала его вернувшаяся из огорода бабка. Вытаращив глаза, она остановилась перед аккуратно сложенной поленницей и спросила:

— Это кто же тут без меня работает?

Малыш, укладывая бересту в поленницу, важно ответил:

— А ты, бабушка, не видишь — это я.

Во двор вошла молочница, и обе старухи оживлённо начали обсуждать эти странные происшествия с водой и с дровами. Пробовали они добиться ответа у малыша, однако добились немногого. Он объяснил им, что проскочили из ворот люди, сунули ему в рот сладкой земляники, дали перо и ещё пообещали поймать ему зайца с двумя ушами и с четырьмя ногами. А потом дрова покидали и опять ускочили.

В калитку вошла Нюрка.

— Нюрка, — спросила её бабка, — ты не видала, кто к нам сейчас во двор заскакивал?

— Я козу искала, — уныло ответила Нюрка. — Я всё утро по лесу да по оврагам сама скакала.

— Украли! — горестно пожаловалась бабка молочнице. — А какая была коза! Ну голубь, а не коза, голубь.

— Голубь! — отодвигаясь от бабки, огрызнулась Нюрка. — Как почнёт шнырять рогами, так не знаешь, куда и деваться. У голубей рогов не бывает.

Калитка со скрипом распахнулась. Низко опустив рога, во двор вбежала коза и устремилась прямо на молочницу. Подхватив тяжёлый бидон, молочница с визгом вскочила на крыльцо, а коза, ударившись рогами о стену, остановилась.

И тут все увидели, что к рогам козы крепко прикручен фанерный плакат, на котором крупнобыло выведено:

Я коза-коза,
 Всех людей гроза.
 Кто Нюрку будет бить,
 Тому худо будет жить.

А на углу за забором хохотали
 довольные ребяташки.

Воткнув в землю палку, притопывая
 вокруг неё, приплясывая, Сима Симаков
 гордо пропел:

Мы не шайка и не банда,
 Не ватага удалцов,
 Мы весёлая команда
 Пионеров-молодцов.
 У-ух, ты!

И, как стайка стрижей, ребята стремительно и бесшумно умчались
 прочь.

1. Как Женя обнаружила чердак – штаб Тимура и его команды?

2. Что заинтересовало девочку?

3. Как Женя отнеслась к игре?

4. . Ребята из команды Тимура играли и в то же время делали большое и полезное дело. Какое? Что объединяло этих ребят, почему им было интересно вместе?

5. Кому и как помогали ребята?

6. Как вы думаете, почему тимуровцы делали свои дела тайно, скрывали их от взрослых?

7. Каким вам представляется Тимур? Обратите внимание, как проявляется его характер в речи, в поступках, в отношении к людям. Как вы думаете, почему именно он стал командиром? Что привлекает к нему ребят?

Прочитайте повесть «Тимур и его команда».

Н. Н. Носов

Огурцы

Один раз Павлик взял с собой Котьку на реку ловить рыбу. Но в этот день им не повезло: рыба совсем не клевала. Зато когда шли обратно, они забрались в колхозный огород и набрали полные карманы огурцов. Колхозный сторож заметил их и засвистел в свисток. Они от него бежать. По дороге домой Павлик подумал, как бы ему дома не досталось за то, что он лазит по чужим огородам. И он отдал свои огурцы Котьке.

Котька пришёл домой радостный:

— Мама, я тебе огурцов принёс!

Мама посмотрела, а у него полные карманы огурцов, и за пазухой огурцы лежат, и в руках ещё два больших огурца.

— Где ты их взял? — говорит мама.

— На огороде.

— На каком огороде?

— Там, у реки, на колхозном.

— Кто ж тебе позволил?

— Никто, я сам нарвал.

— Значит, украл?

— Нет, не украл, а так просто... Павлик брал, а мне нельзя, что ли? Ну, и я взял.

Котька начал вынимать огурцы из карманов.

— Постой, постой! Не выгружай! — говорит мама.

— Почему?

— Сейчас же неси их обратно!

— Куда ж я их понесу? Они на грядке росли, а я сорвал. Всё равно они теперь уже расти не будут.

— Ничего, отнесёшь и положишь на той же грядке, где сорвал.

— Ну, я их выброшу.

— Нет, не выбросишь! Ты их не сажал, не растил, не имеешь права и выбрасывать.

Котья стал плакать:

— Там сторож. Он нам свистел, а мы убежали.

— Вот видишь, что делаете! А если б он поймал вас?

— Он не догнал бы. Он уже старенький дедушка.

— Ну как тебе не стыдно! — говорит мама. — Ведь дедушка за эти огурцы отвечает. Узнают, что огурцы пропали, скажут, что дедушка виноват. Хорошо будет?

Мама стала совать огурцы обратно Котье в карман. Котья плакал и кричал:

— Не пойду я! У дедушки ружьё. Он выстрелит и убьёт меня.

— И пусть убьёт! Пусть лучше у меня совсем не будет сына, чем будет сын вор.

— Ну, пойдём со мной, мамочка! На дворе темно. Я боюсь.

— А брат не боялся?

Мама дала Котье в руки два огурца, которые не поместились в карманах, и вывела его за дверь.

— Или неси огурцы, или совсем уходи из дому, ты мне не сын!

Котья повернулся и медленно-медленно пошёл по улице.

Уже было совсем темно.

«Брошу их тут, в канаву, а скажу, что отнёс, — решил Котья и стал оглядываться вокруг. — Нет, отнесу: ещё кто-нибудь увидит и дедушке из-за меня попадёт».

Он шёл по улице и плакал. Ему было страшно.

«Павлику хорошо! — думал Котья. — Он мне свои огурцы отдал, а сам дома сидит. Ему небось не страшно».

Вышел Котья из деревни и пошёл полем. Вокруг не было ни души. От страха он не помнил, как добрался до огорода. Остановился возле шалаша, стоит и плачет всё громче и громче.

Сторож услышал и подошёл к нему.

— Ты чего плачешь? — спрашивает.

— Дедушка, я принёс огурцы обратно.

— Какие огурцы?

— А которые мы с Павликом нарвали. Мама сказала, чтоб я отнёс обратно.

— Вот оно какое дело! — удивился сторож. — Это, значит, я вам свистел, а вы всё-таки огурцы-то стащили. Нехорошо!

— Павлик брал, и я взял. Он мне и свои огурцы отдал.

— А ты на Павлика не смотри, сам понимать должен. Ну, больше не делай так. Давай огурцы и иди домой.

Котька вытащил огурцы и положил их на грядку.

— Ну, всё, что ли? — спросил старик.

— Нет... одного не хватает, — ответил Котька и снова заплакал.

— Почему не хватает, где же он?

— Дедушка, я один огурец съел. Что теперь будет?

— Ну что ж будет? Ничего не будет. Съел, ну и съел. На здоровье.

— А вам, дедушка, ничего не будет за то, что огурец пропал?

— Ишь ты какое дело! — усмехнулся дедушка. — Нет, за один огурец ничего не будет. Вот если б ты не принёс остальных, тогда да, а так нет.

Котька побежал домой. Потом вдруг остановился и закричал издали:

— Дедушка, дедушка!

— Ну что ещё?

— А этот вот огурец, что я съел, как будет считаться — украл я его или нет?

— Гм! — сказал дед. — Вот ещё какая задача! Ну чего там, пусть не украл.

— А как же?

— Ну, считай, что я тебе подарил его.

— Спасибо, дедушка! Я пойду.

— Иди, иди, сынок.

Котька во весь дух помчался по полю, через овраг, по мостику через ручей и, уже не спеша, пошёл по деревне домой. На душе у него было радостно.

1. Какие обстоятельства предшествовали главному событию рассказа?

2. С каким настроением пришёл Котька домой после рыбалки? Прочитайте. Почему разговор с мамой закончился слезами мальчика?

3. Как Котька объяснял свой поступок? Найдите в тексте его слова. Какой жизненный урок преподала мама сыну?

4. Какое настроение было у Котьки, когда он, вернув огурцы сторожу, возвращался домой? Почему? Прочитайте последнее предложение рассказа.

Е. А. Пермяк

Дедушкин характер

На берегу большого сибирского озера Чаны есть старинное село Юдино. Там я частенько жил в доме старика рыбака Андрея Петровича. Старик, овдовев, и в большой семье был одинок до тех пор, пока на свет не появился внук. Тоже Андрей, и тоже Петрович.

Все стариковские чувства, вся его любовь стали принадлежать теперь мальчику, который как бы начинал вторую жизнь Андрея Петровича. Во внуке дед узнавал свои черты, свой характер. Он так и называл его — «дедушкин характер».

Воспитывал внука сам Андрей Петрович. Помню, он говорил ему:

— Не можешь — не берись. А если уж взялся — сделай. Умри, но сделай!

Внуку тогда было шесть лет.

Стояла морозная зима. Как-то я с маленьким Андреем отправился на субботний базар. Народищу — черным-черно. Понавезли на базар и мяса, и пшеницы, и дров, и всего, чем богаты эти края.

Мальчику бросилась в глаза большущая замороженная щука. Она была воткнута хвостом в снег. Не знаю, сколько весила эта щука, только её длина была в добрых полтора роста Андрюши.

— Как только ловят таких щук? — осторожно спросил меня Андрей.

И я рассказал, что для ловли больших щук берут крепкий шнур, делают поводок из мягкой крученой проволоки. Сказал также, что для насадки крупного живца и крючок должен быть побольше, покрепче, чтобы сильная рыба не сломала, не погнула его.

Об этом разговоре я забыл и вспомнил только после того, как произошло нечто удивившее меня.

Мы сидели и сумерничали с Андреем Петровичем в горнице. Старик то и дело поглядывал в окно. Поджидал внука.

Маленький Андрей, как и многие другие одноклассники, часто рыбачил на озере. Мальчики продавливали во льду лунки и опускали в них свою нехитрую рыболовную снасть. Без удачи ребята домой не возвращались. Озеро Чаны очень богато рыбой. Для удильщиков здесь сущее раздолье.

— Не приключилось ли что с ним? — забеспокоился старик, — Не побежать ли мне на озеро?

Я вызвался пойти туда вместе с Андреем Петровичем. Оделись,

вышли на лед. Озеро в ста шагах. Мороз под двадцать — двадцать пять градусов. Тишина да снег. Никого.

Вдруг я заметил чёрную точку:

— Не он ли?

— Не иначе, как он, — сказал старик, и мы направились к черной точке, которая вскоре оказалась внуком Андрея Петровича.

Мы увидели мальчика в обледеневших слезах. Руки его были до крови изрезаны рыболовным шнуром. Он явно поморозил нос и щеки.

Старик подбежал к нему и начал оттирать снегом лицо мальчика.

Я взял из его рук шнур. Для меня стало сразу все понятно — малыш поймал щуку, которую не мог вытащить.

— Побежим, внучонок, домой, — торопил его дед.

— А щука-то? Как же щука? — взмолился мальчик.

Тем временем я вытащил щуку. Утомлённая рыба не сопротивлялась.

Это была одна из тех щук, которых привозят на базар не столько для барыша, сколько для погляда. Их мясо невкусно и жёстко.

Щука недолго билась на морозе. Дед с гордостью посмотрел на громадную рыбу, потом на внука и сказал:

— Не по плечу дерево... Ну, да ведь ты не знал, что разбойница тяжелее тебя попадёт... Давно ли попалась-то она?

И мальчик ответил:

— В обед.

Андрей Петрович улыбнулся в бороду:

— Значит, ты с ней часа четыре валандался?

— Долго! — ответил, повеселев, Андрюша. — А привязать было не к чему.

Старик, оттерев лицо и руки мальчика, повязал его, как платком, своим шарфом, и мы отправились к дому. Уснувшую щуку я тянул за собой по снегу на шнуре.

Дома Андрюшу раздели, разули, натерли снадобьями, перебинтовали его изрезанные руки. Он вскоре уснул. Спал тревожно. У него был лёгкий жар. Он бредил во сне:

— Не уйдешь, зубастая, не уйдешь!.. У меня дедушкин характер...

Андрей Петрович, сидя на дальней лавке горницы, незаметно вытирал слёзы.

К полуночи мальчик успокоился. Жар спадал. Наступил ровный, спокойный детский сон.

Старик в эту ночь не сомкнул глаз. А утром, когда Андрюша проснулся, старик сказал ему:

— А все-таки ты, Андрей Петрович, худо дедов наказ помнишь! Не по своей силе рыбину задумал поймать. Крюк-то, гляди, какой привязал — как якорь... Значит, именно ты метил срубить дерево не по плечу. Худо это, худо...

Мальчик, потупившись, молчал. А дед продолжал внушать:

— Ну, да первая оплошка в счёт не идёт. Она как бы за науку считается. Впредь только таких щук не лови, которых другим за тебя надо вытаскивать. Стыдно это. Народ просмеивает тех, что не по спине мешок на себя взваливают, что не по кулаку замахиваются... А то, что ты не отступился от нее, — это правильно.

Тут два Андрея Петровича обменялись улыбками, потом обнялись.

Щука лежала в сугробе, припорошенная снегом. Когда же пришла суббота, Андрей Петрович вынес её на базар и воткнул хвостом в снег. Он просил за неё слишком дорого, потому что ему вовсе не хотелось продавать эту чудо-рыбину... Ему нужно было рассказать людям, каков характер у его внука Андрея Петровича Шишкина шести лет от роду, который знает уже одиннадцать букв и может считать до двадцати без осечки.

Живец — маленькая живая рыбка, на которую ловят крупную хищную рыбу.

Сумерничать — сидеть без огня в сумерки.

1. Почему рассказ называется «Дедушкин характер»?
2. Какое время года описывается в рассказе?
3. Что часто любил делать Андрей, как и многие другие его одногодки?
4. Какой наказ дал дедушка своему внуку в конце рассказа?

В. Ф. Панова

Серёжа

КТО ТАКОЙ СЕРЁЖА И ГДЕ ОН ЖИВЁТ

Выдумали, будто он на девочку похож. Это прямо смешно. Девочки ходят в платьях, а Серёжа не ходит в платьях. У девочек, что ли, бывают рогатки? А у Серёжи есть рогатка, из неё можно стрелять камнями. Рогатку сделал ему Шурик. За это Серёжа отдал Шурику все ниточные катушки, которые собирал всю свою жизнь.

А что у него такие волосы, так их сколько раз стригли машинкой, и Серёжа сидит смирно, закутанный простыней, и терпит до конца, а они все равно растут опять.

Зато он развитой, все говорят. Он знает наизусть целую кучу книжек. Два или три раза прочтут ему книжку, и он уже знает её наизусть. Знает и буквы, но читать самому — очень долго. Книжки густо измазаны цветными карандашами, потому что Серёжа любит раскрашивать картинки. Если даже картинки в красках, он их перекрашивает по своему вкусу. Книжки недолго бывают новыми, они распадаются на куски. Тётя Паша приводит их в порядок, сшивая и склеивая листы, изорванные по краям.

Пропадёт какой-нибудь лист — Серёжа ищет его и успокаивается, когда находит: он привязан к своим книжкам, хотя в глубине души не принимает всерьёз все эти истории. Звери на самом деле не разговаривают, и ковёр-самолет летать не может, потому что он без мотора, это каждый дурак знает.

Но всё-таки он не может перенести, как это дровосек и его жена обманом завели своих детей в лес, чтобы они там заблудились и не вернулись никогда. Хоть Мальчик с пальчик спас их всех, но слушать про такие дела невозможно. Серёжа не позволяет читать ему эту книжку.

Живёт Серёжа с мамой, тетей Пашей и Лукьянычем. В доме у них три комнаты. В одной спит Серёжа с мамой, в другой тётя Паша с Лукьянычем, а третья столовая. При гостях едят в столовой, а без гостей в кухне. Ещё есть терраса и двор. Во дворе куры. На двух длинных грядках растёт лук и редиска. Чтобы куры не раскапывали грядки, кругом натыканы сухие ветки с колючками; и когда Серёже нужно сорвать редиску, вечно эти колючки царапают ему ноги.

Считается, что их город маленький. Серёжа и его товарищи думают, что это неправильно. Большой город. В нём есть магазины, и водокачки, и памятник, и кино. Иногда мама берёт Серёжу с собой в кино. «Мамочка, — говорит Серёжа, когда тушат свет, — если будешь что-нибудь понимать, говори мне».

Улица, где живёт Серёжа, называется Дальняя. Просто называется: от неё всюду близко. До площади — километра два, Васька говорит. А до совхоза «Ясный берег» — ещё ближе, Васька говорит.

Главнее совхоза «Ясный берег» ничего нет. Там работает Лукьяныч. Тётя Паша ходит туда в магазин за селёдками и мануфактурой. Мамина школа тоже в совхозе. По праздникам Серёжа бывает с мамой на школьных утренниках.

КУПИЛИ ВЕЛОСИПЕД

В магазинном окне кукла с толстыми щеками улыбалась, расставив ноги в настоящих кожаных башмаках. Синие медведи сидели на красном барабане. Пионерский горн горел золотом. У Серёжи дух захватило от предвкушения счастья... Внутри магазина играла музыка. Какой-то дядька сидел на стуле с гармонью в руках.

Он не играл, а только время от времени растягивал гармонь, она издавала надрывный рыдающий стон и опять смолкала, а бойкая музыка слышалась из другого места, со стойки. Празднично одетые дядьки в галстуках стояли перед стойкой и слушали музыку. За стойкой находился старичок-продавец. Он спросил у Коростелёва:

— Вы что хотели?

— Детский велосипед, — сказал Коростелёв.

Старичок перегнулся через стойку и заглянул на Серёжу.

— Трёхколёсный? — спросил он.

— На кой мне трёхколёсный... — ответил Серёжа дрогнувшим от переживаний голосом.

— Варя! — крикнул старичок.

Очевидно, от Вари зависело — будет у Серёжи велосипед или не будет. И Варя пришла, наконец, она вошла через низенькую дверку за стойкой, между полками, в руке у Вари был бублик, она жевала, и старичок велел ей принести из кладовой двухколёсный велосипед. «Для молодого человека», — сказал он. Серёже понравилось, что его так называли.

Кладовая помещалась, несомненно, за тридевять земель, в тридесятом царстве, потому что Вари не было целую вечность. Пока она пропадала, тот дядька успел купить гармонь, а Коростелёв купил патефон. Это ящик, в него вставляют круглую чёрную пластинку, она крутится и играет — весёлое или грустное, какого захочется; этот-то ящик и играл на стойке. И много пластинок в бумажных мешках купил Коростелёв, и две коробки каких-то иголок.

— Это для мамы, — сказал он Сереже. — Мы ей принесём подарок.

Дядьки со вниманием смотрели, как старичок заворачивает покупки. А тут явилась из тридесятого царства Варя и принесла велосипед. Настоящий велосипед со спицами, звонком, рулём, педалями, кожаным седлом и маленьким красным фонариком! И даже у него был сзади номер на железной дощечке — чёрные цифры на жёлтой дощечке!

— Вы будете иметь вещь, — сказал старичок. — Крутите руль. Звоните в звонок. Жмите педали. Жмите, чего вы на них смотрите! Ну? Это вещь, а не что-нибудь. Вы будете каждый день говорить мне спасибо.

Коростелёв добросовестно крутил руль, звонил в звонок и давил на педали, а Серёжа смотрел почти с испугом, приоткрыв рот, коротко дыша, едва веря, что все эти сокровища будут принадлежать ему.

Домой он ехал на велосипеде. То есть — сидел на кожаном седле, чувствуя его приятную упругость, держался неуверенными руками за руль и пытался овладеть ускользающими, непослушными педалями. Коростелёв, согнувшись в три погибели, катил велосипед, не давая ему упасть.

Красный и запыхавшийся, он довёз таким образом Серёжу до калитки и прислонил к лавочке.

— Теперь сам учись, — сказал он. — Запарил ты меня, брат, совсем.

И ушёл в дом. А к Серёже подошли Женька, Лида и Шурик.

— Я уже немножко научился! — сказал им Серёжа. — Отойдите, а то я вас задавлю!

Он попробовал отъехать от лавочки и свалился.

— Фу ты! — сказал он, выбираясь из-под велосипеда и смеясь, чтобы показать, что ничего особенного не случилось. — Не туда крутнул руль. Очень трудно попадать на педали.

— Ты разуйся, — посоветовал Женька. — Босиком лучше — пальцами цепляться можно. Дай-ка я попробую. А ну, подержите. — Он взобрался на сиденье. — Держите крепче.

Но хотя его держали трое, он тоже свалился, а с ним за компанию Серёжа, державший усерднее всех.

— Теперь я, — сказала Лида.

— Нет, я! — сказал Шурик.

— Пылища чёртова, — сказал Женька. — По ней разве научишься. Пошли в Васькин проулок.

Так они называли короткий непроезжий переулок-тупик, лежавший позади Васькиного сада. По другую сторону переулочка находился дровяной склад, обнесённый высоким забором. Кудрявая, мягкая, низенькая травка росла в этом тихом переулочке, где так уютно было играть, удалясь от взрослых. И хотя тупым концом он упирался в тимохинский огород, и две матери — Васькина и Шурикина — равноправно выплёскивали из-за своих плетней мыльные помои на кудрявую травку, — но никто ведь не усомнится в том, что первый человек в этих местах — Васька; потому и переулок был назван Васькиным именем.

Туда повёл велосипед Женька. Лида и Шурик помогали, споря по дороге, кто первый будет учиться кататься, а Серёжа бежал сзади, хватаясь за колесо.

Женька, как старший, объявил, что первым будет он. За ним училась Лида, за Лидой Шурик. Потом Серёже дали поучиться, но очень скоро Женька сказал:

— Хватит! Слазь! Моя очередь!

Серёже страшно не хотелось слезать, он вцепился в велосипед руками и ногами и сказал:

— Я хочу ещё! Это мой велисапед!

Но сейчас же Шурик его выругал, как и следовало ожидать:

— У, жадина!

А Лида добавила нарочно противным голосом:

— Жадина-говядина!

Быть жадиной-говядиной очень стыдно; Серёжа молча слёз и отошёл. Он удалился к тимохинскому плетню и, стоя к ребятам спиной, заплакал. Он плакал потому, что ему было обидно; потому, что он не умел постоять за себя; потому, что ничего на свете ему сейчас не нужно, кроме велосипеда, а они, грубые и сильные, этого не понимают!

Они не обращали на него внимания. Он слышал их громкие споры, звонки и железный лязг падающего велосипеда. Его никто не позвал, не сказал: «Теперь ты». Они катались уже по третьему разу! А он стоял и плакал. Как вдруг за своим плетнем появился Васька.

Появился, голый до пояса, в слишком длинных — на вырост — штанах, подпоясанных ремешком, в кепке козырьком назад, — подавляющая, сильная личность! Какую-нибудь минутку смотрел он через плетень и все понял.

— Эй! — крикнул он. — Вы чего делаете? Велисапед кому купили — ему или вам? Иди давай, Сергей!

Он перескочил через плетень и взялся за руль властной рукой. Женька, Лида и Шурик смиренно отступили. Серёжа приблизился, рукавом утирая слёзы. Лида пискнула было:

— Две жадины!

— А ты — паразитка, — ответил Васька. И ещё сказал про Лиду нехорошие слова. — Не могла обождать, пока маленький научится. — И велел Серёже: — Садись.

Серёжа сел и долго учился. И все ребята помогали ему, кроме Лиды, — она сидела на траве, плела венки из одуванчиков и делала вид, что ей гораздо веселее, чем тем, кто ездит на велосипеде.

Потом Васька сказал:

— Теперь я, — и Серёжа с удовольствием уступил ему место, он все готов был сделать для Васьки. Потом Серёжа катался уже сам, без помощи, и почти не падал, только велосипед вилял во все стороны, и Серёжа нечаянно попал ногой в колесо, и четыре спицы вывалились, но ничего, велосипед всё равно ездил. Потом Серёже стало жалко ребят, он сказал:

— И они пускай. Будем все по разу.

Тётя Паша вышла во двор, услышав на улице Серёжин плач.

Отворилась калитка, гуськом вошли ребята. Впереди шел Серёжа, он нёс велосипедный руль; Васька нёс раму, Женька — два колеса, на каждом плече по колесу; Лида — звонок; а сзади семенил Шурик с пучком велосипедных спиц.

— Господи ты боже мой! — сказала тётя Паша.

Шурик сказал басом:

— Это он сам. Он ногой в колесо попал.

Вышел Коростелёв и удивился.

— Ловко вы его, — сказал он.

Серёжа горько плакал.

— Не горюй, починим, — пообещал Коростелёв. — Отдадим в мастерскую — будет как новый.

Серёжа только рукой махнул и ушел плакать в тети Пашину комнату: это Коростелёв просто так говорит, чтобы утешить; разве можно из этих обломков сделать прежний прекрасный велосипед? Тот, что ехал, и звонил, и сверкал спицами на солнце?

Невозможно, невозможно! Всё пропало, всё! Серёжа убивался целый день, не радовал его и патефон, который для него специально заводил Коростелёв. Серёжа слушал и не слышал, думал о своём, безотрадно качая головой.

...Но что вы думаете — велосипед действительно починили, Коростелёв не надул! Его починили слесари в совхозе «Ясный берег». Только чтоб большие ребята на нём не катались, сказали слесари; а то он опять развалится. Васька и Женька послушались, катались с тех пор Серёжа да Шурик, да Лида каталась потихоньку от взрослых, но Лида худая и не очень тяжёлая, пусть уж её.

Серёжа здорово научился ездить, научился даже съезжать с горки, бросив руль и сложив руки на груди, как — видел он — делал один учёный велосипедист. Но почему-то уже не было у Серёжи того счастья обладанья, того восторга захлёб, как в первые блаженные часы...

А там и надоел ему велосипед. Стоял в кухне со своим красным фонариком и серебряным звонком, красивый и исправный, а Серёжа пешком отправлялся по делам, равнодушный к его красоте: надоело, и всё, что ж тут сделаешь.

1. Что вам нравится в Серёже? Каким можно назвать Серёжу?

С. В. Михалков

Данила Кузьмич

Немножечко меньше их, чем Ивановых,
Но все-таки много на свете Смирновых:
Смирновы — врачи и Смирновы — шоферы,
Радисты, артисты, танкисты, шахтеры,
Швецы, кузнецы, продавцы, звероловы,
Смирновы — певцы и поэты Смирновы,
Есть дети Смирновы и взрослые тоже,
И все друг на друга ничуть не похожи:
Веселые, мрачные, добрые, злые,
Смирновы — такие, Смирновы — сякие.

Один из Смирновых попал в эту книжку.
Приехал я раз в небольшой городишко,
На карте отмечен он маленькой точкой —
Географ ему не поставил кружочка.
В том городе были: аптека и баня,
Больница и школа, и парк для гулянья,
Некрасова улица, площадь Толстого,
Базар и вокзал пароходства речного.

Но самое главное в городе этом
Был выросший за год и пущенный летом,
Кругом огорожен стеной здоровенной,
Завод номерной. Очень важный. Военный.
Из не пробиваемой пулями стали
В три смены он делал для танков детали.

И я вам хочу рассказать про Смирнова,
Который вставал в половине шестого,
Который, с трудом подавляя зевоту,
Садился в трамвай и спешил на работу,
Где восемь и десять часов, если надо,
Работал как мастер шестого разряда.

Я шёл по заводу, вдруг слышу: — Здорово! —
 Вот так в первый раз я услышал Смирнова.
 «Здорово!» — хотел я кому-то ответить,
 Кого не успел еще даже заметить.
 — Что ходишь? Что смотришь? — послышалось снова.
 И тут в первый раз я увидел Смирнова.

Я знал, что бывают какие-то гномы,
 Которые людям по сказкам знакомы.
 Я помню, что слышал однажды от сына,
 Что жил человечек смешной — Буратино,
 Которого ловкий топор дровосека
 Из чурки простой превратил в человека.
 Но в жизни своей не встречал я такого,
 Как этот Смирнов, человечка живого!

В большой, не по росту, казённой тужурке,
 В огромной ушанке из кроличьей шкурки,
 В таких сапожищах, что я испугался,
 Стоял человечек и мне улыбался.
 — Как звать? — я спросил.
 — По работе кто знает, —
 Ответил малыш, — Кузьмичом называет.
 Смирновым Кузьмой был покойный папаша,
 Данила Кузьмич — будет прозвище наше.

— А сколько вам лет? — я спросил у Смирнова.
 — Четырнадцать минуло двадцать восьмого, —
 Серdito ответил он басом солидным
 (Должно быть, вопрос показался обидным).

— Да ты не сердись!
 — А чего мне сердиться! —
 Кузьмич отмахнулся большой рукавицей. —
 Таких-то не мало у нас на заводе.
 И ростом другие поменее вроде!

Мы шли с Кузьмичом корпусами завода,
И нас проверяли у каждого входа,
У каждого выхода нас проверяли —
Мы оба свои пропуска предъявляли.
— Куда мы идём? — я спросил у Смирнова,
Но я из ответа не понял ни слова.

Гудели динамо — жуки заводные,
Шуршали, как змеи, ремни приводные.
И масло машинное ниточкой тонкой
Тянулось без устали над шестеренкой.
И падали на пол, цепляясь друг к дружке,
Витые стальные, блестящие стружки.
И нужные танкам стальные детали
Со звоном одна за другой вылетали.

И вот наконец мы дошли до плаката:
«Берите пример со Смирнова, ребята!
В тылу не расходится дело со словом,
На фронте танкисты гордятся Смирновым!»

А сам мужичок с ноготок знаменитый
По шумному цеху шагал деловито.
И кто мог подумать, что в эту минуту
Его вспоминали в сражении лютом!

Смирнов по-хозяйски зашел за решетку,
Умело взял в руки железную щетку,
Протер этой щеткой поверхность металла.
Как зеркало, сразу она засияла.
— Включайте рубильник. Готово? — Готово!
И я за работой увидел Смирнова.

И понял я, что никакой Буратино
Не смог бы стоять возле этой машины
И что никакие волшебники-гномы,
Которые людям по сказкам знакомы,

Которые силой чудесной владеют,
Творить чудеса, как Смирнов, не сумеют.
И я, человек выше среднего роста,
Себя вдруг почувствовал карликом просто.

Прославим же юного мастерового:
Ткача, маляра, кузнеца и портного,
Сапожника, токаря и столяра.
Даниле Смирнову и прочим — УРА!

А. И. Мусатов

Оружие

(глава повести «Клава Назарова»)

Клавдия Назарова в годы Великой Отечественной войны руководила подпольщиками г. Острова. Они помогали военнопленным бежать из лагеря и добираться до партизан.

Сегодня Федя и Петька вышли за город на очередной сбор оружия. Петька хотя и не был членом подпольной организации, но он так ловко находил в поле винтовки, автоматы, диски с патронами, а один раз даже откопал в окопе ручной пулемёт, что Федя охотно ходил вместе с мальчишкой. К тому же Петька пользовался доверием Клавы и умел держать язык за зубами.

Собранное оружие подпольщики переправляли по ночам в деревню к Володе Аржанцеву, но, кроме того, Федя с Петькой завели на всякий случай на огороде у тёти Лизы в старом, завалившемся погребе свой тайный склад, в котором скопились уже неплохие трофеи.

По обыкновению, Федя и Петька обвязались верёвками и взяли мешки для травы.

Это было очень удобно. Набьёшь мешок зелёной травой как будто для козы или коровы, и ходи по полю сколько угодно, никто на тебя не обращает внимания.

К тому же если попадётся немецкий автомат или наш советский «ППШ», то их легко упрятать в мешок. О пистолетах, патронах и гранатах и говорить нечего. Правда, труднее с винтовкой. Её длинное дуло откровенно вылезает из мешка, и пробираться через город с такой ношей довольно опасно.

Но на этот случай у Феди предусмотрительно запасены отвёртка и плоскогубцы. Две-три минуты работы — дуло винтовки отделено от приклада, затвор вынут, и всё это аккуратно уложено в мешок с травой.

Но сегодня «оружейникам» не повезло. Они обошли пустырь около военного городка, обшарили все окопы и ходы сообщения, потом

переправились через Великую и долго бродили по топкой лощине, заросшей кустарником, но, кроме двух десятков стреляных гильз и осколков снарядов, ничего не нашли.

— Это как с грибами... повыбирали их, — вздохнул Федя. — Поздно мы вышли, Петька.

— Ничего. Ещё ходим. Может, что и найдётся.

Привлечённый Клавой собирать оружие, Петька отдался этому делу с необыкновенным увлечением и мог без усталости целыми днями бродить по окрестностям Острова.

Федя покосился на оттопырившиеся Петькины карманы.

— Зря ты стреляные гильзы берёшь.

— Ничего... сгодятся.

Ребята ходили среди кустов ещё с полчаса, затем Федя решительно направился к шоссе, ведущему к городу. Неожиданно раздался торжествующий крик:

— Есть трофей! — И Петька выскочил из-за кустов. В руках он держал винтовку. — Видал находочку? Винтовка-трёхдюймовка... А ты говоришь, всё повыбрали! Кто ищет, тот найдёт.

Приплясывая от возбуждения, Петька поглаживал ладонью ствол винтовки, тронутый рыжими пятнами ржавчины, вытирал о рубаху грязный приклад.

— Эх, сейчас бы по фашистам шарахнуть! Из целой обоймы!

Распалившись, он вскинул винтовку, прижал приклад к плечу и, делая вид, что целится в грузовик на шоссе, около которого возилось трое немецких солдат, нажал на спусковой крючок. И в тот же миг грохнул выстрел.

— Ты... ты что? — Федя кинулся к мальчишке и вырвал у него винтовку. — С ума сошёл!

— Я... я не знал, что она заряжена, — растерянно залепетал Петька. — Просто так...

Он не договорил. С шоссе дали автоматную очередь. Над головой ребят завжикали пули. Федя, схватив Петьку за руку, упал вместе с ним на траву.

— Видал, что наделал...

Укрывшись за грузовиком, немцы продолжали стрелять из автоматов.

Потом двое солдат отделились от грузовика, спрыгнули с обочины шоссе и, пригнувшись, побежали к кустам.

— А ну, ходу! — скомандовал Федя.

Вытащив затвор из винтовки, он швырнул её в кусты и бросился к городу.

Рядом с ним бежал Петька.

Расцарапывая себе лица и руки, они продирались сквозь кусты, с трудом вытаскивали ноги из болотистой почвы — только бы не оказаться на открытой местности. Наконец показались первые огороды, какие-то дворы, сарайчики.

Федя с Петькой стремглав пролетели через грядки с капустой и огурцами, перелезли через изгородь, продрались сквозь заросли крапивы, ещё раз перемахнули через изгородь и оказались в чьём-то дворике за высоким забором. Федя огляделся и сообразил, что они попали на усадьбу директора школы имени Ленина.

— Пересидим здесь, — шепнул Федя Петьке и первый вбежал на застеклённую террасу.

Вбежал и обомлел: перед ним стояла Алла Дембовская, которую он не видел с момента отъезда в Ленинград. Она была в розовом халатике, в тапочках на босу ногу, золотистые вьющиеся волосы рассыпались по плечам.

— Федя? Ты?! — вскрикнула Алла. — Что за чудо! Ты разве не в Ленинграде?

Федя криво улыбнулся, горло у него пересохло.

— Как видишь!

— Значит, вернулся! И не дал о себе знать? — Девушка кокетливо улыбнулась. — Вот нехороший... А я о тебе так часто вспоминала. Но каким образом ты оказался здесь? И в таком виде. — Она покосилась на Петьку. — Вон что... Уж вы не за яблоками ли забрались?..

— Ага... за яблоками! — хрипло произнёс Федя, озираясь по сторонам и настороженно прислушиваясь.

Алла лукаво погрозила пальцем.

— Ну, ну, это на тебя не похоже!.. Пожалуйста, бери сколько хочешь и так. — Она кивнула на вазу с яблоками.

За высоким забором, отделяющим дом от улицы, слышался топот тяжелых сапог. Затем требовательно постучали в калитку.

Алла недовольно дернула плечом.

— Что там такое? Подождите, мальчики, я сейчас...

Запахнув халатик и поправив волосы, она вышла с террасы и направилась к калитке.

— Это они! — шепнул Петька. — И знаешь, куда мы попали? Это же Алка, бургомистрова дочка. Её папаша, видно директорский дом захватил. Застукают нас теперь. Бежим скорее.

Но было уже поздно.

Алла открыла калитку и столкнулась лицом к лицу с солдатами. Злые, взмокшие от бега, они грубо оттолкнули Аллу и ввалились во двор.

Федя и Петька присели на корточки и прижались к цоколи террасы.

— Позвольте! Как вы смеете? — властно, высоким голосом закричала Алла. — Это дом бургомистра Дембовского... А я его дочь!

— Цвай партизан... стреляйт винтовка... сюда скрывайся, — смущённо забормотал один из солдат.

— Так бы и сказали. Действительно, двое каких-то пробежали. Вон туда... — Алла показала вдоль улицы. — А здесь дом бургомистра. И прошу не беспокоить! Грубияны!

Неловко потоптавшись, солдаты задом отступили за калитку, и Алла резко задвинула засов. Потом вернулась на террасу.

Федя и Петька сидели бледные, одеревеневшие.

— Ушли. Можете не волноваться, — сказала Алла. — Вот уж не думала, что вы партизанами стали.

— Куда нам! — буркнул Федя, поднимаясь.

— А в немцев вы всё же стреляете?

— Да почудилось им... Мы просто траву для коз собирали, — с невинным видом сказал Петька.

Алла усмехнулась.

— Откуда же тогда у Феди в кармане затвор от винтовки?

Федя схватился за нагрудный карман и вспыхнул: оттуда выглядывал затвор. Он быстро переложил его в карман брюк и с вызовом посмотрел на девушку.

— Хорошо, можем объясниться! Да, мы стреляли в фашистов! И будем стрелять! — Федя сказал это убеждённо, со страстью, и Алле показалось, что он даже скрипнул зубами. — Будем уничтожать их из-за каждого угла, на каждом шагу.

Чем занимались мальчики? Для чего?

И. Никулина

Бабушкин кактус

На невысоком столике возле окна стоял цветочный горшок. В нём жил кактус. Бабушка очень дорожила им и, посмеиваясь, ласково называла Иван Ивановичем. Ромка помнил, что, когда он был ещё совсем маленьким, кактус, как и сейчас, стоял на этом месте.

Однажды Ромка спросил у бабушки:

— А кто старше — я или кактус?

Бабушка рассмеялась и сказала:

— Иван Иванович старше даже твоего папы. Скажу по секрету: он почти мой ровесник. Однажды он спас мне жизнь и с тех пор всегда со мной.

— Как могло получиться, что кактус тебя спас? — удивился Ромка.

— А вот как... — начала бабушка свой рассказ.

Когда я была маленькой девочкой, мы с мамой и папой жили в уютной квартире в самом центре Ленинграда. Мама очень любила цветы, поэтому они стояли у нас повсюду. Китайские розы, тигровые лилии, фиалки — так украшали наш дом!

А я больше всего любила кактусы. Почему-то мне было их жаль: они напоминали маленьких ёжиков, испуганно свернувшихся в клубок. Мне казалось, что они очень стесняются своих колючек, стоя рядом с комнатными цветами.

Я собрала все кактусы, поставила отдельно на подоконник у себя в комнате и решила, что буду коллекционировать своих колючих любимцев. И вот на мой восьмой день рождения среди прочих подарков папа преподнёс ещё один кактус. Он был кругленький, как мячик, а мягкие колючки напоминали пух. Можно было осторожно погладить его пальцем. Но самым удивительным было то, что этот кактус цвёл. Большие нежно-розовые лепестки цветка обрамляли жёлтую сердцевинку.

Целый день я не могла налюбоваться на подарок. Мне он так понравился, что я даже дала ему имя — Ванечка.

Это было весной 1941 года, а через несколько месяцев началась война. Папа ушёл на фронт, и мы с мамой остались вдвоём. Прошло полгода. Наступила зима. Фашисты окружили город плотным кольцом, и началась блокада.

Так же, как и всем жителям, нам с мамой было очень трудно. В квартире стоял холод — батареи не грели, а в кранах не было ни горячей, ни холодной воды. Мы с мамой брали вёдра, ставили их на саночки и шли за водой к Неве. А чтобы хоть как-то согреться, мама топила дома печку-«буржуйку».

Я, как могла, продолжала заботиться о кактусах: ставила их поближе к печке и согревала для них воду. Но, видимо, этого было недостаточно, и они один за другим погибали от холода. Я была в отчаянии, но ничего не могла поделать. Вскоре у меня остался только Ванечка.

Каждый день за окном раздавался тревожный вой сирены. Это значило, что фашистские самолёты снова летят бомбить Ленинград. Мама складывала в узелок всё самое необходимое, я заворачивала Ванечку в пуховый платок, и мы шли в бомбоубежище.

И вот однажды, когда за окном снова взвыла сирена, мама начала быстро собираться. В этот раз она особенно нервничала и всё время подгоняла меня. Когда мы вышли на улицу и прошли уже половину пути, меня будто током ударило.

— Мама, я забыла Ванечку, мне нужно вернуться! — закричала я.

Но мама крепко держала меня за руку.

— Об этом не может быть и речи! — сказала она. — Это слишком опасно!

Но я, выдернув руку, бросилась назад к дому. Я перебежала на другую сторону улицы и уже промчалась мимо двух домов, когда мама догнала меня и схватила за плечо. Волосы выбились у неё из-под платка, она запыхалась, и было видно, как она сердита.

Мама уже хотела отругать меня, но тут позади раздался страшный взрыв. Мы упали на землю, и мама прикрыла меня собой. А когда наконец поднялись и посмотрели назад, то увидели, что на той стороне улицы, по которой мы только что шли, зияет огромная воронка. Мама крепко обняла меня и заплакала.

— Если бы ты не побежала назад к дому, нас бы уже не было, — сказала она.

Когда мы вернулись домой, я сразу взяла Ванечку и тихо прошептала ему: «Спасибо!»

Потом мы с мамой сидели возле печки, крепко прижавшись друг к другу, смотрели на огонь и ждали, когда кончится бомбёжка.

Ванечка пережил с нами всю блокаду, а через два года мы дождались окончания войны.

— С тех пор этот кактус всегда со мной, — закончила свой рассказ бабушка.

Какое-то время Ромка молча разглядывал кактус, будто видел его в первый раз, а потом вскочил с места и, крикнув: «Я сейчас», выбежал из комнаты.

Когда Рома вернулся, в руках он держал большой альбомный лист.

— Вот, бабуля, это тебе и Иван Ивановичу.

По тёмно-серому небу летели самолёты, падающие бомбы разрывали землю, а в самом центре одиноко стояла худенькая девочка. В руках она держала кактус, на котором красовалась самая настоящая медаль.

Ромка осторожно поставил рисунок рядом с Иван Ивановичем.

Бабушка ласково погладила внука по голове. — Знаешь, если бы Иван Иванович мог говорить, он непременно сказал бы тебе «спасибо».

1. Почему бабушка дорожила кактусом?
2. Как кактус спас девочку и маму во время блокады?

Юмористические произведения

В. Ю. Драгунский

Денискины рассказы

«ГДЕ ЭТО ВИДАНО, ГДЕ ЭТО СЛЫХАНО...»

(в сокращении)

На перемене подбежала ко мне наша октябрятская вожатая Люся и говорит:

— Дениска, а ты сможешь выступить в концерте? Мы решили организовать двух малышей, чтобы они были сатирики. Хочешь?

Я говорю:

— Я всё хочу! Только ты объясни: что такое сатирики?

Люся говорит:

— Видишь ли, у нас есть разные неполадки... Ну, например, двоечники или лентяи, их надо прохватить.

Понял? Надо про них выступить, чтобы все смеялись, это на них подействует отрезвляюще.

Я говорю:

— Они не пьяные, они просто лентяи.

— Это так говорится: «отрезвляюще», — засмеялась Люся. — А на самом деле просто эти ребята призадумаются, им станет неловко, и они исправятся. Понял? Ну, в общем, не тани: хочешь — соглашайся, не хочешь — отказывайся!

Я сказал:

— Ладно уж, давай!

Тогда Люся спросила:

— А у тебя есть партнёр?

— Нету.

Люся удивилась:

— Как же ты без товарища живёшь?

— Товарищ у меня есть, Мишка. А партнёра нету. Люся снова улыбнулась:

— Это почти одно и то же. А он музыкальный, Мишка твой?

— Нет, обыкновенный.

— Петь умеет?

— Очень тихо. Но я научу его петь громче, не беспокойся.

Тут Люся обрадовалась:

— После уроков притащи его в малый зал, там будет репетиция!

И я со всех ног пустился искать Мишку. Он стоял в буфете и ел сардельку.

— Мишка, хочешь быть сатириком?

А он сказал:

— погоди, дай доест.

Я стоял и смотрел, как он ест. Сам маленький, а сарделька толще его шеи. Он держал эту сардельку руками и ел прямо целой, не разрезал, и шкурка трещала и лопалась, когда он её кусал, и оттуда брызгал горячий пахучий сок.

И я не выдержал и сказал тётке Кате:

— Дайте мне, пожалуйста, тоже сардельку, поскорее!

И тётя Катя сразу протянула мне мисочку, и я очень торопился, чтобы Мишка без меня не успел съесть свою сардельку: мне одному

не было бы так вкусно. И вот я тоже взял свою сардельку руками и тоже, не чистя, стал грызть её, и из неё брызгал горячий пахучий сок. И мы с Мишкой так грызли на пару, и обжигались, и смотрели друг на дружку, и улыбались.

А потом я ему рассказал, что мы будем сатирики, и он согласился, и мы еле досидели до конца уроков, а потом побежали в малый зал на репетицию...

...И вот однажды, когда я пришёл в школу, я увидел в раздевалке объявление:

ВНИМАНИЕ

Сегодня на большой перемене в малом зале состоится выступление летучего патруля «Пионерского Сатирикона»! Исполняет дуэт малышей! На злобу дня! Приходите все!

И во мне сразу что-то ёкнуло. Я побежал в класс. Там сидел Мишка и смотрел в окно. Я сказал:

— Ну, сегодня выступаем!

А Мишка вдруг промямлил:

— Неохота мне выступать...

Я прямо оторопел.

— Как — неохота? Вот так раз! Ведь мы же репетировали! А как же Люся и Борис Сергеевич? Андрюшка? А все ребята, ведь они читали афишу и прибегут как один?

Я сказал:

— Ты что, с ума сошёл, что ли? Людей подводить?

А Мишка так жалобно:

— У меня, кажется, живот болит.

Я говорю:

— Это со страху. У меня тоже болит, но я ведь не отказываюсь!

Но Мишка всё равно был какой-то задумчивый. На большой перемене все ребята кинулись в малый зал, а мы

с Мишкой еле плелись позади, потому что у меня тоже совершенно пропало настроение выступать. Но в это время нам навстречу выбежала Люся, она крепко схватила нас за руки и поволокла за собой, но у меня ноги были мягкие, как у куклы, и заплетались. Это я, наверно, от Мишки заразился.

В зале было огорожено место около рояля, а вокруг столпились ребята из всех классов, и няни, и учительницы.

Мы с Мишкой встали около рояля.

Борис Сергеевич был уже на месте, и Люся объявила директорским голосом:

— Начинаем выступление «Пионерского Сатирикона» на злободневные темы. Текст Андрея Шесткова, исполняют всемирно известные сатирики Миша и Денис! Попросим!

И мы с Мишей вышли немножко вперёд. Мишка был белый как стена. А я ничего, только во рту было сухо и шершаво, как будто там лежал наждак.

Борис Сергеевич заиграл. Начинать нужно было Мишке, потому что он пел первые две строчки, а я должен был петь вторые две строчки. Вот Борис Сергеевич заиграл, а Мишка выкинул в сторону левую руку, как его учила Люся, и хотел было запеть, но опоздал, и пока он собирался, наступила уже моя очередь, так выходило по музыке. Но я не стал петь, раз Мишка опоздал. С какой стати!

Мишка тогда опустил руку на место. А Борис Сергеевич громко и раздельно начал снова.

Он ударил, как и следовало, по клавишам три раза, а на четвёртый Мишка опять откинул левую руку и наконец запел:

Папа у Васи силён в математике,
Учится папа за Васю весь год.

Я сразу подхватил и прокричал:

Где это видано, где это слыхано, —
Папа решает, а Вася сдаёт?!

Все, кто был в зале, рассмеялись, и у меня от этого стало легче на душе. А Борис Сергеевич поехал дальше. Он снова три раза ударил по клавишам, а на четвёртый Мишка аккуратно выкинул левую руку в сторону и ни с того ни с сего запел сначала.

Папа у Васи силён в математике,
Учится папа за Васю весь год.

Я сразу понял, что он сбился! Но раз такое дело, я решил допеть до конца, а там видно будет. Взял и допел:

Где это видано, где это слыхано, —
Папа решает, а Вася сдаёт?!

Слава Богу, в зале было тихо — все, видно, тоже поняли, что Мишка сбился, и подумали: «Ну что ж, бывает, пусть дальше поёт».

А музыка в это время бежала всё дальше и дальше. Но Мишка был какой-то зеленоватый.

И когда музыка дошла до места, он снова вымахнул левую руку и, как пластинка, которую «заело», завёл в третий раз:

Папа у Васи силён в математике,
Учится папа за Васю весь год.

Мне ужасно захотелось стукнуть его по затылку чем-нибудь тяжёлым, и я заорал со страшной злостью:

Где это видано, где это слыхано, —
Папа решает, а Вася сдаёт?!

— Мишка, ты, видно, совсем рехнулся! Ты что в третий раз одно и то же затягиваешь? Давай про девчонок!

А Мишка так нахально:

— Без тебя знаю! — и вежливо говорит Борису Сергеевичу: — Пожалуйста, Борис Сергеевич, дальше!

Борис Сергеевич заиграл, а Мишка вдруг осмелел, опять выставил свою левую руку и на четвёртом ударе заголосил как ни в чём не бывало:

Папа у Васи силён в математике,
Учится папа за Васю весь год.

Тут в зале прямо завизжали от смеха, и я увидел в толпе, какое несчастное лицо у Андрюшки, и ещё увидел, что Люся, вся красная и растрёпанная, пробивается к нам сквозь толпу.

А Мишка стоит с открытым ртом, как будто сам на себя удивляется. Ну а я пока суд да дело, докрикиваю:

Где это видано, где это слыхано, —
Папа решает, а Вася сдаёт?!

Тут уж началось что-то ужасное. Все хохотали как зарезанные, а Мишка из зелёного стал фиолетовым. Наша Люся ухватила его за руку и утащила к себе. Она кричала:

— Дениска, пой один! Не подводи!.. Музыка! И!..

А я стоял у рояля и решил не подвести. Я почувствовал, что мне стало всё равно, и, когда дошла музыка, я почему-то вдруг тоже выкинул в сторону левую руку и совершенно неожиданно завопил:

Папа у Васи силён в математике,
Учится папа за Васю весь год.

Я даже плохо помню, что было дальше. Было похоже на землетрясение. И я думал, что вот сейчас провалюсь совсем под землю, а вокруг все просто падали от смеха — и няни, и учителя, все, все...

Я даже удивляюсь, что я не умер от этой проклятой песни.

Я, наверно бы, умер, если бы в это время не зазвенел звонок.

Не буду я больше сатириком!

ЕСЛИ БЫ Я БЫЛ ВЗРОСЛЫМ

Один раз я сидел, сидел и ни с того ни с сего вдруг такое надумал, что даже сам удивился. Я надумал, что вот как хорошо было бы, если бы всё вокруг на свете было устроено наоборот. Ну вот, например, чтобы дети были во всех делах главные и взрослые должны были бы их во всём, во всём слушаться. В общем, чтобы взрослые были как дети, а дети как взрослые. Вот это было бы замечательно, очень было бы интересно.

Во-первых, я представляю себе, как бы маме «понравилась» такая история, что я хожу и командую ею как хочу, да и папе, небось, тоже бы не понравилось, ну а о бабушке и говорить нечего, она бы наверное целые дни от меня редела бы. Что и говорить, я бы показал им почем фунт лиха, я все бы им припомнил!

Например, вот мама сидела бы за обедом, а я бы ей сказал:

«Ты почему это завела моду без хлеба есть? Вот ещё новости! Ты погляди на себя в зеркало, на кого ты похожа? Вылитый Кощей!

Ешь сейчас же, тебе говорят! — И она бы стала есть, опустив голову, а я бы только подавал команду: — Быстрее! Не держи за щекой! Опять задумалась? Всё решаешь мировые проблемы? Жуй как следует! И не раскачивайся на стуле!»

И тут вошёл бы папа после работы, и не успел бы он даже раздеться, а я бы уже закричал:

«А, явился! Вечно тебя надо ждать! Мой руки сейчас же! Как следует, как следует мой, нечего грязь размазывать. После тебя на полотенце страшно смотреть. Щёткой три и не жалея мыла. Ну-ка, покажи ногти! Это ужас, а не ногти. Это просто когти какие-то! Где ножницы? Не дергайся! Ни с каким мясом я не режу, а стригу очень осторожно. Не хлюпай носом, ты не девчонка. Вот так. Иди к столу, садись».

Он бы сел и потихоньку сказал маме:

«Ну как поживаешь?»

А она бы сказала тоже тихонько:

«Ничего, спасибо!»

А я бы немедленно:

«Разговорчики за столом! Когда я ем, то глух и нем! Запомните это на всю жизнь. Золотое правило! Папа, положи сейчас же газету, наказание ты моё!»

И они сидели бы у меня как шёлковые, а уж когда пришла бы бабушка, я бы прищурился, всплеснул бы руками и заголосил:

«Папа! Мама! Полюбуйтесь-ка на свою бабуленьку! Каков вид! Грудь распахнута, шапка на затылке! Щеки красные, вся шея мокрая! Хороша, нечего сказать. Признавайся, опять в хоккей гоняла! А это что за грязная палка? Ты зачем её в дом приволокла? Это клюшка! Убери её сейчас же с моих глаз — на черный ход!»

Тут я бы прошёлся по комнате и сказал бы им всем трем:

«После обеда все садитесь за уроки, а я в кино пойду!»

Конечно, они бы сейчас же заныли и захныкали:

«И мы с тобой! И мы тоже хотим в кино!»

А я бы им:

«Нечего, нечего! Вчера ходили на день рождения, в воскресенье я вас в цирк водил!

Ишь! Понравилось развлекаться каждый день. Дома сидите! Нате вам вот тридцать копеек на мороженое, и все!»

Тогда бы бабушка взмолилась:

«Возьми хоть меня-то! Ведь каждый ребёнок может провести с собой одного взрослого бесплатно!»

Но я бы увильнул, я сказал бы:

«А на эту картину людям после семидесяти лет вход воспрещается. Сиди дома!»

И я бы прошёлся мимо них, нарочно громко постукивая каблуками, как будто я не замечаю, что у них у всех глаза уже мокрые, и я бы стал одеваться, и долго вертелся бы перед зеркалом, и напевал бы, и они от этого ещё хуже бы мучились, а я бы приоткрыл дверь на лестницу и сказал бы...

Но я не успел придумать, что бы я сказал бы, потому что в это время вошла мама, самая настоящая, живая, и сказала:

— Ты ещё сидишь. Ешь сейчас же, посмотри, на кого ты похож? Вылитый Кощей!

М. М. Зощенко

Пора вставать!

Павлик пошёл в этом году в школу. И он очень боялся опоздать на уроки. А в доме у них будильника не было. Только были стенные часы-ходики. Тогда мальчик решил сделать себе будильник. Он заметил, что в восемь утра гиря от часов доходит почти до табуретки.

Тогда он поставил на табуретку чайник с водой. Утром гиря опустилась в воду и вытеснила воду из чайника.

Из чайника вода потекла не на пол, а по резиновой трубке, которую мальчик приделал к чайнику. Вода стала капать на мальчика. И Павлику понятно, что пора вставать.

Но потом родители мальчика не разрешили ему пользоваться этим будильником, потому что вода текла прямо на кровать.

Папа принёс настоящий будильник. С тех пор мальчик сам заводил этот будильник и каждое утро вставал в нужное время.

Ш. Перро

Подарки феи

Жила когда-то на свете вдова, и были у неё две дочери. Старшая — вылитая мать: то же лицо, тот же характер. Смотришь на дочку, а кажется, что видишь перед собой матушку. Обе, и старшая дочь, и мать, были до того грубы, спесивы, заносчивы, злы, что все люди, и знакомые и незнакомые, старались держаться от них подальше.

А младшая дочка была вся в покойного отца — добрая, приветливая, кроткая, да к тому же ещё красавица, каких мало.

Обычно люди любят тех, кто на них похож. Поэтому-то мать без ума любила старшую дочку и терпеть не могла младшую. Она заставляла её работать с утра до ночи, а кормила на кухне.

Кроме всех прочих дел, младшая дочка должна была по два раза в день ходить к источнику, который был, по крайней мере, в двух часах ходьбы, и приносить оттуда большой, полный доверху кувшин воды.

Как-то раз, когда девушка брала воду, к ней подошла какая-то бедная женщина и попросила напиться.

— Пейте на здоровье, тётушка, — сказала добрая девушка.

Сполоснув поскорее свой кувшин, она зачерпнула воды в самом глубоком и чистом месте и подала женщине, придерживая кувшин так, чтобы удобнее было пить.

Женщина отпила несколько глотков воды и сказала девушке:

— Ты так хороша, так добра и приветлива, что мне хочется подарить тебе что-нибудь на память. (Дело в том, что это была фея, которая нарочно приняла вид простой деревенской женщины, чтобы посмотреть, так ли эта девушка мила и учтива, как про неё рассказывают.) Вот что я подарю тебе: с нынешнего дня каждое слово, которое ты промолвишь, упадет с твоих губ либо цветком, либо драгоценным камнем. Прощай!

Когда девушка пришла домой, мать стала бранить её за то, что она замешкалась у источника.

— Простите, матушка, — сказала бедная девушка. — Я нынче и вправду запоздала.

Но едва только она проронила эти слова, как с губ её упали несколько роз, две жемчужины и два крупных алмаза.

— Смотрите-ка! — сказала мать, широко раскрыв глаза от удивления. — Мне кажется, вместо слов она роняет алмазы и жемчуга... Что это с тобой приключилось, дочка? (Первый раз в жизни она назвала свою меньшую тоже дочкой.)

Девушка попросту, не таясь и не хвалясь, рассказала матери обо всём, что с ней случилось у источника. А цветы и алмазы так и сыпались при этом с её уст.

— Ну, если так, — сказала мать, — надо мне послать к источнику и старшую дочку... А ну-ка, Фаншон, посмотри, что сыплется с губ твоей сестры, чуть только она заговорит! Неужели тебе не хочется получить такой же удивительный дар? И ведь нужно для этого всего-навсего сходить к источнику и, когда бедная женщина попросит у тебя воды, вежливо подать ей напиться.

— Ну вот еще! Охота мне тащиться в такую даль! — отвечала злючка.

— А я хочу, чтобы ты пошла! — прикрикнула на неё мать. — И сию же минуту, без разговоров!

Девушка нехотя послушалась и пошла, так и не переставая ворчать. На всякий случай она захватила с собой серебряный кувшинчик, самый красивый, какой был у них в доме.

Едва успела она подойти к источнику, как навстречу ей из лесу вышла нарядно одетая дама и попросила глоток воды. (Это была та же самая фея, но только на этот раз она приняла облик принцессы, чтобы испытать, так ли груба и зла старшая сестра, как о ней рассказывают.)

— Уж не думаете ли вы, что я притащилась сюда, чтобы дать вам напиться? — сказала девушка дерзко. — Ну конечно, только для этого! Я и серебряный кувшинчик нарочно захватила, чтобы поднести воду вашей милости!.. А впрочем, мне все равно. Пейте, если хотите...

— Однако вы не очень-то любезны, — сказала спокойно фея. — Ну что ж, какова услуга, такова и награда. С нынешнего дня каждое слово, которое сорвётся с ваших губ, превратится в змею или жабу. Прощайте!

Как только девушка вернулась домой, мать кинулась к ней навстречу:

— Это ты, доченька? Ну как?

— А вот так, матушка! — буркнула в ответ дочка, и в то же мгновение две гадюки и две жабы плюхнулись на порог.

— Ах, боже мой! — вскрикнула мать. — Да что же это такое? Откуда?.. А, знаю! Это твоя сестра во всём виновата. Ну, поплатится же она у меня!.. — И она кинулась на младшую дочку с кулаками.

Бедняжка в страхе бросилась бежать и укрылась в соседнем лесу.

Там и встретил её молодой принц, сын короля этой страны.

Возвращаясь с охоты, он нашёл в чаще прекрасную девушку и, подивившись её красоте, спросил, что она делает в лесу совсем одна и о чём так горько плачет.

— Ах, сударь, — ответила красавица, — матушка прогнала меня из дому!..

Королевский сын заметил, что с каждым словом девушка роняет из уст цветок, жемчужину или алмаз. Он изумился и попросил объяснить, что это за чудо. И тут девушка рассказала ему всю свою историю.

Королевский сын влюбился в неё. К тому же он рассудил, что дар, которым фея наделила красавицу, стоит дороже любого приданого, какое могла бы принести ему другая невеста. Он увёз девушку во дворец, к своему отцу, и женился на ней.

Ну, а старшая сестра с каждым днем становилась всё противнее и несноснее.

В конце концов, даже собственная мать не выдержала и прогнала её из дому. Несчастная нигде и ни у кого не могла найти пристанища и умерла, отвергнутая всеми.

1. Как начинается сказка? Прочитайте. Какие чудеса происходят в ней? Расскажите.
2. Как автор представляет героев сказки? Прочитайте.
3. За что фея наградила младшую дочь и наказала старшую?
4. Какой была младшая дочь? Как она относилась к людям?
5. Как автор описывает старшую дочь?

Ц. Топелиус

Солнечный Луч в ноябре

Муравьи работали без отдыха и срока. Стоял ноябрь, а делу не видно было конца.

Прежде всего надо было наглухо законопатить все щели и щёлочки, чтобы никакой мороз и ветер не пробрался в муравьиное жилище.

Потом нужно было обойти все кладовые и проверить, достаточно ли там запасов, чтобы прожить пять или шесть месяцев в заточении.

Потом хорошенько укрепить все входы и выходы на случай вражеского нападения.

Потом расчистить все муравьиные дорожки, чтобы на них не осталось ни одного сухого листка, ни одной иголки.

И, наконец, надо было залезть на самое высокое дерево и оттуда наблюдать за всем, что делается на свете. А главное — следить за облаками, чтобы не пропустить приближения зимы.

Но не одни только муравьи готовились к встрече зимы. Этим были заняты все жуки, пауки, букашки, козявки — а их на свете 94 квинтильона 18 квадрильонов 400 триллионов 520 миллиардов 880 миллионов 954 тысячи 369!

Попробуй-ка, напиши это число!

Мне сказали, что их ровно столько, но я не поручусь, что это правильно. Может быть, их всего только 94 квинтильона 18 квадрильонов 400 триллионов 520 миллиардов 880 миллионов 954 тысячи 368.

Земля уже покрылась инеем — семь миллионов застывших капель, семь миллионов жемчужин было рассыпано по земле, и никто их не поднимал.

Увядавшие стебельки трав и деревья оделись в тёмные, печальные платья, и только сосны и ели остались в своих зелёных шубах, которые они никогда не снимали.

Ветры — резвые сыновья воздуха — сметали с облаков белые пушистые хлопья, чтобы укрыть землю.

Замерзающие волны напевали у берегов свою грустную песню, пока наконец сами не заснули под твёрдым ледяным покровом. Всюду было холодно, пасмурно, печально...

И вдруг в это ненастное время блеснул Солнечный Луч. Он пробился сквозь тёмную снеговую тучу, заблестел на жемчужинах инея, осветил увядшую траву, помертвевшие деревья, мрачные сосны, взглянул на трудолюбивых муравьев, на все 94 квинтильона букашек, жуков, пауков — сколько их в точности, я уже позабыл, — и в одно мгновение всё кругом изменилось.

— Что это? — с удивлением сказал филин и зажмурил глаза.

Он сидел на высокой сосне и пел басом: «Осень пришла, я слышу свист бури...» Голос у него был хриплый, скрипучий, но теперь, когда все певчие птицы улетели, и он мог сойти за певца.

— Это ни на что не похоже! — снова сказал филин. — Я даже начинаю фальшивить. Солнце совсем ослепило меня, и я не вижу, что написано в нотах.

Муравьи тоже были недовольны.

— Это никуда не годится! — говорили они с возмущением.

Они с большим трудом только что кончили нанизывать жемчужный иней на стебельки трав, а тут вдруг совершенно некстати блеснул Солнечный Луч, и все жемчужины начали таять.

— Нет, это никуда не годится! — ворчали муравьи. — Убирали, убирали и вот опять всюду слякоть и грязь!

Но пока они ворчали, Солнечный Луч побежал дальше.

Он скользил по чёрной, голой земле и вдруг наткнулся на засохший осиновый листок. Сюда, под этот листок, забился полевой кузнечик. Целое лето он трещал и прыгал, нисколько не заботясь о том, что с ним будет зимой, и вот теперь лежал полумёртвый от голода и холода.

«Наверно, зима уже кончилась и вернулось лето», — подумал кузнечик, пригретый Солнечным Лучом.

И ему стало так весело, что он снова затрещал, застрекотал и стал выкидывать такие коленца, что увядший осиновый листок и тот запрыгал вместе с ним.

А добрый Солнечный Луч как будто летел на трепещущих крыльях всё дальше и дальше.

Вот он скользнул по замёрзшему пруду, засверкал на ледяной глади. Здесь уже толпились школьники. Все они смеялись и кричали. Мальчики вычерчивали только что наточенными коньками затейливые узоры на льду, а девочки стояли у берега и осторожно — то одной ногой, то другой — пробовали лёд.

— Не нужно ли кого-нибудь согреть? — спросил Солнечный Луч.

— Нет, нет! — закричали ребята. — Нам и так жарко!

— Только, пожалуйста, лёд не растопи! На коньках кататься так весело!

— Ну, если вам и без меня хорошо, я побегу дальше, — сказал Солнечный Луч.

Около поникшей печальной берёзы он снова остановился.

— О чём ты горюешь? — спросил Солнечный Луч. — Может быть, я могу утешить тебя?

— Нет, — ответила берёза, — меня не надо утешать. Ведь я знаю, что, когда придёт весна, я снова зазеленею и стану ещё лучше, ещё красивее прежнего.

И Солнечный Луч опять побежал дальше.

Вот он заглянул в окно маленького домика и увидел девочку, которая стояла около цветочного горшка и горько плакала.

— Не могу ли я чем-нибудь помочь тебе? — спросил Солнечный Луч.

— Да, да, как раз ты мне и нужен! — обрадовалась девочка. — Я посадила весной миртовый отросточек.

Всё время он так хорошо рос в горшке, а вот теперь совсем завял!

— Ну, этому горю легко помочь, — сказал Солнечный Луч.

И он засветил так приветливо и тепло, что миртовый росток сразу ожил, а у девочки высохли на глазах слёзы.

— До свидания! Весной я вернусь опять! — сказал на прощание Солнечный Луч и побежал дальше.

Ему пора было уже возвращаться домой. Но всё-таки он не утерпел и заглянул ещё в одно окошко.

На этот раз он попал в большую комнату, где всё было перевернуто вверх дном: ящики из комода выдвинуты, все вещи разбросаны. По комнате суетилась старушка и в десятый раз перекладывала всё с места на место. Старушка искала связку ключей. Только что они лежали вот здесь, на столе, а теперь точно сквозь землю провалились.

— Вот они! — весело воскликнул Солнечный Луч и уткнулся в связку ключей, словно показывая на них пальцем.

— Ах, да вот же они! — обрадовалась старушка. — Хорошо, когда солнечный луч проглянет. Всё тогда идёт на лад!

А Солнечный Луч уже исчез в окне. Он вдоволь набегался в этот день, и теперь ему надо было спешить. Тяжёлые, чёрные тучи уже затянули всё небо, и только в одном месте оставалась щёлочка, через которую Солнечный Луч мог проскользнуть. Хорошо, что он был такой быстрый, — в один миг он очутился за четырнадцать миллионов миль, у самого солнца.

Он вернулся как раз вовремя.

Тучи плотно сошлись, и тёмная завеса опустилась над землёй.

Но Солнечный Луч не унывал — он знал, что это не навсегда. Поэтому он уселся на самый край солнца и ждал только удобного случая, чтобы снова соскользнуть вниз.

И каждый раз, когда он вспоминал своё путешествие на землю в пасмурный ноябрьский день, он начинал сиять так, как будто уже наступило лето. И в этом нет ничего удивительного: если тебе удалось хоть немного утешить или развеселить кого-нибудь, ты можешь считать, что сделал хорошее дело.

1. Почему Солнечный Луч не унывал? Как об этом говорит автор? Прочитайте. Чем необычна эта сказка?

2. Как муравьи и букашки подготовились к зиме? Сколько их на свете? Найдите ответы в тексте сказки.

3. Прочитайте описание голой земли, трав, волн, Солнечного Луча. Как восприняли Солнечный Луч на земле?

4. Прочитайте выразительно диалог девочки и Солнечного Луча.

Р. Киплинг

Маугли

Было семь часов знойного вечера в Сионийских горах, когда Отец Волк проснулся после дневного отдыха, почесался, зевнул и расправил онемевшие лапы одну за другой, прогоняя сон. Мать Волчица дремала, положив свою крупную серую морду на четверых волчат, а те ворочались и повизгивали, и луна светила в устье пещеры, где жила вся семья.

— Уф! — сказал Отец Волк. — Пора опять на охоту.

Он уже собирался спуститься скачками с горы, как вдруг тоненькая тень с косматым хвостом легла на порог и прохныкала:

— Желаю тебе удачи, о Глава Волков! Удачи и крепких, белых зубов твоим благородным детям. Пусть они никогда не забывают, что на свете есть голодные!

Это был шакал, лизоблюд Табаки, — а волки Индии презирают Табаки за то, что он рыщет повсюду, сеет раздоры, разносит сплетни и не брезгует тряпками и обрывками кожи, роясь в деревенских мусорных кучах. И всё-таки они боятся Табаки, потому что он чаще других зверей в джунглях болеет бешенством и тогда мечется по лесу и кусает всех, кто только попадётся ему навстречу. Даже тигр бежит и прячется, когда бесится маленький Табаки, ибо ничего хуже бешенства не может приключиться с диким зверем. У нас оно зовётся водобоязнью, а звери называют его «дивани» — бешенство — и спасаются от него бегством.

Что вы узнали о шакале Табаки? Нравится ли вам этот герой? Нравится ли он автору? Подтвердите свой ответ словами из текста.

— Что ж, войди и посмотри сам, — сухо сказал Отец Волк. — Только еды здесь нет.

— Для волка нет, — сказал Табаки, но для такого ничтожества, как я, и голая кость — целый пир. Нам, шакалам, не к лицу привередничать.

Он прокрался в глубину пещеры, нашёл оленью кость с остатками мяса и, очень довольный, уселся, с треском разгрызая эту кость.

— Благодарю за угощение, — сказал он, облизываясь. — Как красивы благородные дети! Какие у них большие глаза! А ведь они

ещё так малы! Правда, правда, мне бы следовало помнить, что царские дети с самых первых дней уже взрослые.

А ведь Табаки знал не хуже всякого другого, что нет ничего опаснее, чем хвалить детей в глаза, и с удовольствием наблюдал, как смутились Мать и Отец Волки.

Табаки сидел молча, радуясь тому, что накликать на других беду, потом сказал злобно:

— Шер-Хан, Большой Тигр, переменяет место охоты. Он будет весь этот месяц охотиться здесь, в горах. Так он сам сказал.

Шер-Хан был тигр, который жил в двадцати милях от пещеры, у реки Вайнганги.

— Не имеет права! — сердито начал Отец Волк. — По Закону Джунглей он не может менять место охоты, никого не предупредив. Он распугает всю дичь на десять миль кругом, а мне... мне теперь надо охотиться за двоих.

— Мать недаром прозвала его Лангри (Хромой), — спокойно сказала Мать Волчица. — Он с самого рождения хромает на одну ногу. Вот почему он охотится только за домашней скотиной. Жители селений по берегам Вайнганги злы на него, а теперь он явился сюда, и у нас начнётся то же: люди будут рыскать за ним по лесу, поймать его не сумеют, а нам и нашим детям придётся бежать куда глаза глядят, когда подожгут траву. Право, нам есть за что благодарить Шер-Хана!

Что вы узнали ещё об одном герое произведения? Какой первый Закон Джунглей нарушил герой? Какими качествами он обладает? Нравится ли он вам?

— Не передать ли ему вашу благодарность? — спросил Табаки.

— Вон отсюда! — огрызнулся Отец Волк. — Вон! Ступай охотиться со своим господином! Довольно ты намутил сегодня.

— Я уйду, — спокойно ответил Табаки. — Вы и сами скоро услышите голос Шер-Хана внизу, в зарослях. Напрасно я трудился передавать вам эту новость.

Отец Волк насторожил уши: внизу, в долине, сбегавшей к маленькой речке, слышался сухой, злобный, отрывистый, заунывный рёв тигра, который ничего не поймал и нисколько не стыдится того, что всем джунглям это известно.

— Дурак! — сказал Отец Волк. — Начинать таким шумом ночную работу! Неужели он думает, что наши олени похожи на жирных буйволов с Вайнганги?

— Ш-ш! Он охотится нынче не за буйволом и не за оленем, — сказала Мать Волчица. — Он охотится за человеком.

Рёв перешёл в глухое ворчание, которое раздавалось как будто со всех сторон разом. Это был тот рёв, который пугает лесорубов и цыган, ночующих под открытым небом, а иногда заставляет их бежать прямо в лапы тигра.

— За человеком! — сказал Отец Волк, оскалив белые зубы. — Разве мало жуков и лягушек в прудах, что ему понадобилось есть человечину, да ещё на нашей земле?

Закон Джунглей, веления которого всегда на чём-нибудь основаны, позволяет зверям охотиться на человека только тогда, когда они учат своих детёнышей убивать. Но и тогда зверю нельзя убивать человека в тех местах, где охотится его стая или племя. Вслед за убийством человека появляются рано или поздно белые люди на слонах, с ружьями и сотни смуглых людей с гонгами, ракетами и факелами.

И тогда приходится худо всем жителям джунглей. А звери говорят, что человек — самое слабое и беззащитное из всех живых существ и трогать его недостойно охотника.

Они говорят также — и это правда, — что людоеды со временем паршивеют и у них выпадают зубы.

Какой второй Закон Джунглей был нарушен? Что нового вы узнали из этого текста?

Ворчание стало слышнее и закончилось громовым «А-а- а!» тигра, готового к прыжку.

Потом раздался вой, непохожий на тигриный, — вой Шер-Хана.

— Он промахнулся, — сказала Мать Волчица. — Почему? Отец Волк отбежал на несколько шагов от пещеры и услышал раздражённое рычание Шер-Хана, ворочавшегося в кустах.

— Этот дурак обжёг себе лапы. Хватило же ума прыгать в костёр дровосека! — фыркнув, сказал Отец Волк. — И Табаки с ним.

— Кто-то взбирается на гору, — сказала Мать Волчица, шевельнув одним ухом. — Приготовься.

Кусты в чаще слегка зашуршали, и Отец Волк присел на задние лапы, готовясь к прыжку. И тут если бы вы наблюдали за ним, то увидели бы самое удивительное на свете — как волк остановился на середине прыжка. Он бросился вперёд, ещё не видя, на что бросается, а потом круто остановился. Вышло так, что он подпрыгнул кверху на четыре или пять футов и сел на том же месте, где оторвался от земли.

— Человек! — огрызнулся он. — Человечий детёныш! Смотри!

Прямо перед ним, держась за низко растущую ветку, стоял голенький смуглый ребёнок, едва научившийся ходить, — мягкий, весь в ямочках, крохотный живой комочек. Такой крохотный ребёнок ещё ни разу не заглядывал в волчье логово ночной порой. Он посмотрел в глаза Отцу Волку и засмеялся.

— Это и есть человечий детёныш? — спросила Мать Волчица. — Я их никогда не видала. Принеси его сюда.

Волк, привыкший носить своих волчат, может, если нужно, взять в зубы яйцо, не раздавив его, и хотя зубы Отца Волка стиснули спинку ребёнка, на коже не осталось даже царапины, после того как он положил его между волчатами.

— Какой маленький! Совсем голый, а какой смелый! — ласково сказала Мать Волчица. (Ребёнок проталкивался среди волчат поближе к тёплому боку.) — Ой! Он сосёт вместе с другими! Так вот он какой, человеческий детёныш!

Ну когда же волчица могла похвастаться, что среди её волчат есть человеческий детёныш!

— Я слышал, что это бывало и раньше, но только не в нашей Стае и не в моё время, — сказал Отец Волк. — Он совсем безволосый, и я мог бы убить его одним шлепком. Погляди, он смотрит и не боится.

Каким увидели человека Отец Волк и Мать Волчица? Понравился ли он им? Какими качествами, по их мнению, он обладал?

Лунный свет померк в устье пещеры: большая квадратная голова и плечи Шер-Хана загородили вход. Табаки визжал позади него:

— Господин, господин, он вошёл сюда!

— Шер-Хан делает нам большую честь, — сказал Отец Волк, но глаза его злобно сверкнули. — Что нужно Шер-Хану?

— Мою добычу! Человечий детёныш вошёл сюда, — сказал Шер-Хан. — Его родители убежали. Отдайте его мне.

Шер-Хан прыгнул в костёр дровосека, как и говорил Отец Волк, обжёг себе лапы и теперь бесился. Однако Отец Волк отлично знал, что вход в пещеру слишком узок для тигра. Даже там, где Шер-Хан стоял сейчас, он не мог пошевелинуть ни плечом, ни лапой. Ему было тесно, как человеку, который вздумал бы драться в бочке.

— Волки — свободный народ, — сказал Отец Волк. — Они слушаются только Вожака Стаи, а не всякого полосатого людоеда. Человечий детёныш наш. Захотим, так уьём его и сами.

— «Захотим, захотим!» Какое мне дело? Клянусь буйволом, которого я убил, долго мне ещё стоять, уткнувшись носом в ваше собачье логово, и ждать того, что мне полагается по праву? Это говорю я, Шер-Хан!

Рёв тигра наполнил пещеру громовыми раскатами. Мать Волчица, стряхнув с себя волчат, прыгнула вперёд, и её глаза, похожие во мраке на две зелёные луны, встретились с горящими глазами Шер-Хана.

— А отвечаю я, Ракша (Демон): человеческий детёныш мой, Лангри, и останется у меня! Его никто не убьёт. Он будет жить и охотиться вместе со Стаей и бегать вместе со Стаей! Берегись, охотник за голыми детёнышами, рыбоед, убийца лягушек, — придёт время, он поохотится за тобой! А теперь убирайся вон или, клянусь оленем, которого я убила (я не ем падали), ты отправишься на тот свет хромым на все четыре лапы, палёное чудище джунглей! Вон отсюда!

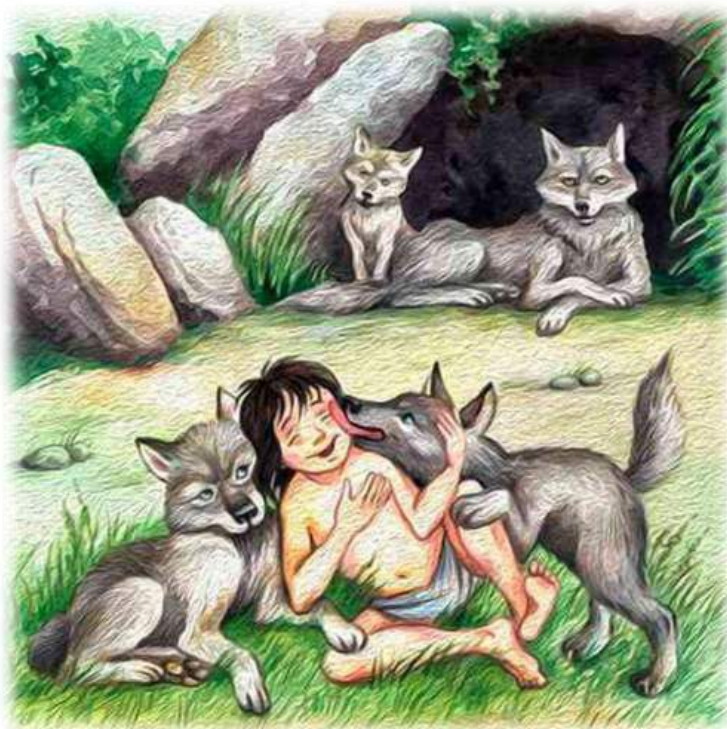
Какой мы увидели Мать Волчицу? Как она относится к Шер-Хану?
Подтвердите свой ответ словами из текста.

Отец Волк смотрел на неё в умилении. Он успел забыть то время, когда отвоёвывал Мать Волчицу в открытом бою с пятью волками, то время, когда она бегала вместе со Стаей и недаром носила прозвище Демон. Шер-Хан не побоялся бы Отца Волка, но с Матерью Волчицей он не решался схватиться: он знал, что перевес на её стороне и что она будет драться не на жизнь, а на смерть. Ворча, он попятился назад и, почувствовав себя на свободе, заревел:

— На своём дворе всякая собака лает! Посмотрим, что скажет Стая насчёт приёмыша людского племени! Детёныш мой, и рано или поздно я его съем, о вы, длиннохвостые воры!

Мать Волчица, тяжело дыша, бросилась на землю около своих волчат, и Отец Волк сказал ей сурово:

— На этот раз Шер-Хан говорит правду: детёныша надо показать Стае.

Ты всё-таки хочешь оставить его себе, Мать?

— Оставить себе? — тяжело вода боками, сказала Волчица. — Он пришёл к нам совсем голый, ночью, один, и всё же он не боялся! Смотри, он уже оттолкнул одного из моих волчат! Этот хромой мясник убил бы его и убежал на Вайнгангу, а люди в отместку разорили бы наше логово. Оставить его? Да, я его оставлю. Лежи смирно, лягушонок! О Маугли — ибо Лягушонком Маугли я назову тебя, — придёт время, когда ты станешь охотиться за Шер-Ханом, как он охотился за тобой.

— Но что скажет наша Стая? — спросил Отец Волк.

Закон Джунглей говорит очень ясно, что каждый волк, обзаводясь семьёй, может покинуть свою Стаю. Но как только его волчата подрастут и станут на ноги, он должен привести их на Совет Стаи, который собирается обычно раз в месяц, во время полнолуния, и показать всем другим волкам. После этого волчата могут бегать, где им вздумается, и пока они не убили своего первого оленя, нет оправдания тому из взрослых волков, который убьёт волчонка. Наказание за это — смерть, если только поймают убийцу. Подумай с минуту, и ты сам поймёшь, что так и должно быть.

О каком третьем Законе Джунглей можно узнать из этого текста? Как вы думаете, как отнесётся Стая к решению Матери Волчицы? Почему она всё-таки решила оставить себе человеческого детёныша? Как к её решению относится Отец Волк?

Отец Волк подождал, пока его волчата подросли и начали понемногу бегать, и в одну из тех ночей, когда собиралась Стая, повёл волчат, Маугли и Мать Волчицу на Скалу Совета. Это была вершина холма, усеянная большими валунами, за которыми могла укрыться целая сотня волков. Акела, большой серый волк-одиночка, выбранный вожаком всей Стаи за силу и ловкость, лежал на скале, растянувшись во весь рост. Под скалой сидело сорок с лишним волков всех возрастов и мастей — от седых, как барсуки, ветеранов, расправлявшихся в одиночку с буйволом, до молодых чёрных трёхлеток, которые воображали, что им это тоже под силу. Волк-одиночка уже около года был их вожаком.

В юности он два раза попадал в волчий капкан, однажды люди его били и бросили, решив, что он сдох, так что нравы и обычаи людей были ему знакомы. На Скале Совета почти никто не разговаривал. Волчата кувыркались посередине площадки, кругом сидели их отцы и матери. Время от времени один из взрослых волков поднимался неторопливо, подходил к какому-нибудь волчонку, пристально смотрел на него и возвращался на своё место, бесшумно ступая. Иногда мать выталкивала своего волчонка в полосу лунного света, боясь, что его не заметят. Акела взывал со своей скалы:

— Закон вам известен, Закон вам известен! Смотрите же, о волки!

И заботливые матери подхватывали:

— Смотрите же, смотрите хорошенько, о волки!

Наконец — и мать Волчица вся ошетибилась, когда подошла их очередь, — Отец Волк вытолкнул на середину круга Лягушонка Маугли. Усевшись на землю, Маугли засмеялся и стал играть камешками, блестящими в лунном свете.

Каким вам представляется Акела? Сделайте предположение, согласится ли он с решением Матери Волчицы.

Акела ни разу не поднял головы, лежавшей на передних лапах, только время от времени всё так же повторял:

— Смотрите, о волки!

Глухой рёв донёлся из-за скалы — голос Шер-Хана:

— Детёныш мой! Отдайте его мне! Зачем Свободному Народу человеческий детёныш?

Но Акела даже ухом не повёл. Он сказал только:

— Смотрите, о волки! Зачем Свободному Народу слушать чужих? Смотрите хорошенько!

Волки глухо зарычали хором, и один из молодых четырёхлеток в ответ Акеле повторил вопрос Шер-Хана:

— Зачем Свободному Народу человеческий детёныш?

А Закон Джунглей говорит, что, если поднимется спор о том, можно ли принять детёныша в Стаю, в его пользу должны высказаться по крайней мере два волка Стаи, но не отец и не мать.

О каком ещё Законе Джунглей здесь идёт речь? Согласны ли вы с ним?

— Кто за этого детёныша? — спросил Акела. — Кто из Свободного Народа хочет говорить?

Ответа не было, и Мать Волчица приготовилась к бою, который, как она знала, будет для неё последним, если дело дойдёт до драки.

Тут поднялся на задние лапы и заворчал единственный зверь другой породы, которого допускают на Совет Стаи, — Балу, ленивый бурый медведь, который обучает волчат Закону Джунглей, старик Балу, который может бродить, где ему вздумается, потому что он ест одни только орехи, мёд и коренья.

— Человечий детёныш?

Ну что же, — сказал он, — я за детёныша. Он никому не принесёт вреда. Я не мастер говорить, но говорю правду. Пусть он бегаёт со Стаей. Давайте примем детёныша вместе с другими. Я сам буду учить его.

— Нам нужен ещё кто-нибудь, — сказал Акела. — Балу сказал своё слово, а ведь он учитель наших волчат. Кто ещё будет говорить, кроме Балу?

Чёрная тень легла посреди круга. Это была Багира, чёрная пантера, чёрная вся сплошь, как чернила, но с отметинами, которые, как у всех пантер, видны на свету, точно лёгкий узор на муаре. Все в джунглях знали Багиру, и никто не захотел бы становиться ей поперёк дороги, ибо она была хитра, как Табаки, отважна, как дикий буйвол, и бесстрашна, как раненый слон. Зато голос у неё был сладок, как дикий мёд, капающий с дерева, а шкура — мягче пуха.

— О Акела, и ты, Свободный Народ, — промурлыкала она, — в вашем собрании у меня нет никаких прав, но Закон Джунглей говорит, что, если начинается спор из-за нового детёныша, жизнь этого детёныша можно выкупить. И в Законе не говорится, кому можно, а кому нельзя платить этот выкуп. Правда ли это?

— Так! Так! — закричали молодые волки, которые всегда голодны. — Слушайте Багиру! За детёныша можно взять выкуп. Таков Закон.

— Я знаю, что не имею права говорить здесь, и прошу у вас позволения.

— Так говори же! — закричало двадцать голосов разом.

— Стыдно убивать безволосого детёныша. Кроме того, он станет отличной забавой для вас, когда подрастёт. Балу замолвил за него слово.

А я к слову Балу прибавлю буйвола, жирного, только что убитого буйвола, всего в полумиле отсюда, если вы примете человеческого детёныша в Стаю, как полагается по закону. Разве это так трудно?

Почему Балу и Багира высказались за присутствие детёныша в Стае? Как это их характеризует?

Тут поднялся шум, и десятки голосов закричали разом:

— Что за беда? Он умрёт во время зимних дождей. Его сожжёт солнце. Что может нам сделать голый Лягушонок? Пусть бегаёт со Стаей. А где буйвол, Багира? Давайте примем детёныша!

Маугли по-прежнему играл камешками и не видел, как волки один за другим подходили и осматривали его. Наконец все они ушли с холма за убитым буйволом, и остались только Акела, Багира, Балу и семья Лягушонка Маугли. Шер-Хан всё ещё ревел в темноте — он очень рассердился, что Маугли не отдали ему.

— Да, да, реви громче! — сказала Багира себе в усы. — Придёт время, когда этот голышонок заставит тебя реветь на другой лад, или я ничего не смыслю в людях.

— Хорошо мы сделали! — сказал Акела. — Люди и их детёныши очень умны. Когда-нибудь он станет нам помощником.

— Да, помощником в трудное время, ибо никто не может быть вожаком Стаи вечно, — сказала Багира.

Акела ничего не ответил. Он думал о той поре, которая настанет для каждого вожака Стаи, когда сила уходит от него мало-помалу. Волки убивают его, когда он совсем ослабеет, а на его место становится новый вожак, чтобы со временем тоже быть убитым.

— Возьми детёныша, — сказал он Отцу Волку, — и воспитай его, как подобает воспитывать сыновей Свободного Народа.

Так Лягушонок Маугли был принят в Сионийскую стаю — за буйвола и доброе слово Балу.

- ?** 1. О каком событии рассказывается в этом произведении? Перечислите его героев. Какие они? Найдите их описание в тексте. Кто вам понравился? Почему?
2. О каких Законах Джунглей вы узнали? Могли ли быть приняты эти Законы в обществе людей?

Дж. Родари

Волшебный барабан

Шёл однажды с войны барабанщик. Был он очень беден. Всё-то его богатство составлял барабан. Но настроение у солдата было прекрасное — ведь он возвращался домой, где не был долгие годы. И потому далеко вокруг разносился весёлый грохот его барабана: «Трам-тара-там! Трам-там-там!»

Шёл он, шёл и вдруг встретил старушку.

— А, славный солдатушка! Не найдётся ли у тебя случаев хоть одного сольдо?

— Я охотно дал бы тебе и два, бабуля, и даже дюжину, если б были. Но у меня и вправду нет ни одного сольдо!

— Ой, так ли уж?

— Ещё утром я обшарил свои карманы, но ничего не нашёл.

— А ты посмотри ещё разок, поищи как следует.

— В карманах? Что ж, посмотрю, раз тебе так хочется. Но уверен... Ой, а это что такое?

— Сольдо! Видишь, выходит, есть?

— Клянусь тебе, я и не знал об этом! Вот красота! Держи, бабуля, мне не жалко. Тебе оно, должно быть, нужнее.

— Спасибо, солдат! — поблагодарила старушка. — А я взамен тоже дам тебе кое-что.

— Да? Но мне ничего не надо.

— Подарю тебе маленькое волшебство. Слушай внимательно. Всякий раз, как зазвучит твой барабан, все вокруг будут пускаться в пляс.

— Какое забавное волшебство! Спасибо, бабуля.

— Подожди, это ещё не всё. Затанцуют люди и не смогут остановиться, пока не перестанешь играть на своём барабане.

— Вот здорово! Не знаю ещё, что стану делать с таким подарком, но, наверное, пригодится.

— Ещё как!

— Прощай, бабуля!

— Прощай, солдат!

И барабанщик снова двинулся в путь — домой. Шёл он, шёл... Вдруг из леса выскочили трое разбойников.

— Кошелёк или жизнь!

— Ох, да ради бога! Берите ещё и сумку. Только и в ней пусто.

— Руки вверх или будем стрелять!

— Слушаюсь, слушаюсь, господа разбойники.

— Где прячешь деньги?

— Будь они у меня, наверное, спрятал бы в шапке.

Разбойники посмотрели в шапку — пусто.

— А может, сунул бы в ухо.

Посмотрели в ухо — тоже пусто.

— Нет, пожалуй, я положил бы их на самый кончик носа, будь они у меня.

Разбойники искали, искали и, разумеется, не нашли даже гроша ломаного.

— Да ты и в самом деле нищий! — рассердился главарь разбойников. — Ну, ладно, забьём у тебя барабан, хоть повеселимся иногда — и то хорошо.

— Берите, — вздохнул солдат, — жаль, конечно, расставаться со старым другом, столько лет дружили. Но раз уж он так вам нужен...

— Нужен!

— Дайте только мне сыграть на нём напоследок, а потом забирайте. А заодно я покажу вам, как надо играть. Идёт?

— Ладно, так уж и быть, играй.

— Вот хорошо! — обрадовался барабанщик. — Я поиграю: «Трам-та-ра-там-там! Трам-там-там!» А вы потанцуйте!

И надо было видеть, как затанцевали эти негодяи! Словно медведи на ярмарке.

Поначалу им нравилось, они смеялись и шутили:

— Давай, давай, барабанщик! А ну-ка, вальс!

— А теперь польку!

— Мазурку!

Но вот они устали, задыхаются. Хотят остановиться, да не могут!

Выбились из сил, ноги не держат, голова кружится, а волшебный барабан всё заставляет их плясать.

— На помощь!

— Пляшите!

— Пощады!

- Пляшите!
- Господи!
- Пляшите, пляшите!
- Хватит, хватит!
- Не отнимете у меня барабан?
- Не отнимем! С нас достаточно...
- Оставьте меня в покое?
- О, мы отдадим тебе что угодно, только прекрати эту музыку!

Но барабанщик перестал играть только тогда, когда они, совсем обессиленные, свалились на землю.

- Вот и хорошо! Теперь вы меня не догоните!

И пустился наутёк, время от времени ударяя палочками по барабану — на всякий случай. И тогда сразу же начинали танцевать зайцы в своих норках, белки на деревьях и проснувшиеся среди бела дня совы.

Так и шёл дальше славный барабанщик, возвращаясь домой.

Первый конец

Шёл он, шёл и вдруг подумал: «А ведь это волшебство — неплохая штука! И с разбойниками я поступил в общем-то довольно глупо. Я же мог заставить их отдать мне все деньги, какие у них были. Может, вернуться и поискать их?»

И он повернул было обратно, как вдруг увидел, что навстречу едет почтовая карета.

- Вот это, пожалуй, меня даже больше устроит!

Лошади бежали быстро, позванивая бубенчиками, и кучер на козлах весело насвистывал песенку. Рядом с ним сидел вооружённый жандарм.

- Привет, барабанщик! Тебя подвезти?
- Нет, мне и тут хорошо.
- Тогда сойди с дороги, дай проехать.
- А вы сначала потанцуйте!

«Трам-тара-там-там! Трам-там-там!» — загремел барабан. И тотчас затанцевали лошади, соскочил на землю кучер и давай притоптывать ногами. А уж как смешно плясал жандарм, выронивший своё ружьё! И пассажиры все тоже пустились в пляс.

А надо вам сказать, что в этой почтовой карете везли в банк золото — три ящика. Наверное, килограммов триста. Солдат одной рукой продолжал бить в барабан, другой сбросил ящики на дорогу и ногой задвинул их в кусты.

— Пляшите! Пляшите!

— Хватит! Хватит! Больше не можем!

— Тогда уезжайте, да побыстрее! И не оборачиваться!..

Почтовая карета уехала без своего драгоценного груза.

А солдат стал богатым-пребогатым, как миллионер... Теперь он мог купить себе виллу, жить бездельником и жениться на дочери какого-нибудь важного чиновника. А ещё понадобятся деньги, так ему и в банк идти не надо — достаточно вспомнить о барабане.

Второй конец

Шёл солдат, шёл и вдруг увидел охотника, который целился в дрозда.

«Трам-тара-там-там! Трам-там-там!»

Охотник выронил ружьё и пустился в пляс. А дрозд улетел.

— Несчастный! Ты мне ответишь за это!

— Там видно будет, а пока попляши! Ну как?

— Эх, сил нет!

— Хочешь остановиться, так обещай, что никогда больше не будешь стрелять в птиц!

— Обещаю!

Шёл он дальше, шёл и увидел крестьянина, который колотил своего осла.

— Пляши!

— На помощь!

— Пляши! Перестану играть, только если поклянёшься, что никогда больше не будешь бить своего осла.

— Клянусь!

Шёл дальше славный солдат, шёл и бил в свой барабан каждый раз, когда нужно было положить конец какому-нибудь безобразию, восстановить справедливость или наказать злодея. А злодеев всяких и несправедливостей разных встречалось почему-то так много, что ему никак не удавалось добраться до дома. Но он всё равно был доволен. «Мой дом, — решил он, — будет там, где я смогу делать добро с помощью моего барабана».

Третий конец

Шёл солдат, шёл и размышлял: «Интересный барабан! Любопытно, как он устроен? И в чём заключается его волшебство?» Повертел в руках палочки, разглядывая их, — вроде обыкновенные деревянные палочки.

— Может, секрет спрятан внутри барабана, под этой туго натянутой кожей? Загляну-ка туда, — решил он. И прорезал ножом небольшую дырочку. А внутри оказалось пусто — совсем пусто!

— Ну, ладно, ничего не поделаешь...

И отправился солдат дальше своей дорогой, весело стуча палочками. Но теперь зайцы, белки и птицы больше не танцевали под звуки его барабана, и совы тоже не просыпались...

«Трам-тара-там-там! Трам-там-там!»

Звук вроде бы тот же, а волшебства нет как нет!

Вы не поверите, но барабанщик почему-то обрадовался этому.

1. Понравилась ли вам сказка с тремя концами?
2. Какое маленькое волшебство подарила барабанщику старушка? За что? Как он этим воспользовался?
3. Прочитайте, какой конец сказки выбрал автор.

Первый конец этой сказки мне не нравится — как может весёлый, славный барабанщик стать вдруг ни с того ни с сего грабителем с большой дороги? Третий конец меня тоже не устраивает. Мне кажется, глупо нарушать такое хорошее волшебство ради удовлетворения простого любопытства, хотя любопытство, конечно, не порок. Если б учёные не были любопытными, они никогда не сделали бы никаких открытий. Я за второй конец.

4. А какой конец сказки понравился вам? Почему? Обоснуйте свою точку зрения.
5. Придумайте своё окончание этой сказки.
6. Почему это произведение можно назвать сказкой? Докажите.

Дж. Лондон

Бурый волк

— Волк! Волк! Иди сюда, Волк! — звала Мэдж.

Ирвин вложил два пальца в рот и пронзительно свистнул.

С густо поросшего холма к ним донёлся треск сучьев, и футов на сорок выше над отвесной стеной показались голова и передние лапы Волка. Он столкнул лапами маленький камешек и, насторожив уши, следил за ним, пока тот скатывался к ногам Мэдж. Потом Волк перевёл глаза на своих хозяев и, разинув пасть, улыбнулся им сверху.

— Ах ты, Волк, Волк, славный наш Волк! — невольно крикнули оба.

При этих словах уши собаки припали к голове, а голова покорно склонилась, как бы под лаской невидимой руки.

Они видели, как Волк скрылся в кустах, пробираясь на тропинку, по которой они шли. Спустя несколько минут он выскочил из-за поворота на тропинку. Вслед за ним понеслась целая лавина камешков и земли. Мужчина потрепал его по спине и почесал за ушами, женщина поласкала немного подольше, и Волк побежал впереди них по тропинке, едва касаясь земли, без всяких усилий, как настоящий волк.

И по строению тела, и по длине шерсти это был настоящий большой лесной волк. Только расцветка выдавала собаку. Волков с таким цветом шерсти не бывает. Он был тёмно-коричневый с красновато-рыжими подпалинами. На боках этот тёмно-коричневый цвет постепенно бледнел, а на брюхе переходил в жёлтый. Белые пятна на шее и лапах казались грязными, потому что коричневый цвет все-таки пробивался через них; глаза его отливали золотом.

Мужчина и женщина очень любили собаку. Они любили её так сильно, может быть, потому, что им не легко было заслужить её привязанность. Волк появился в их маленьком горном домике неизвестно откуда. Голодный, измученный, он на глазах у них загрыз кролика. Потом уполз к ручью и улёгся под кустом чёрной смородины. Когда Уот Ирвин спустился вниз, чтобы поближе разглядеть непрошенного гостя, он был встречен рычанием. Та же участь постигла Мэдж, когда она через некоторое время принесла дань — большую миску с хлебом и молоком.

Волк оказался очень необщительным псом, отклонял все ласки, не позволял прикасаться к себе, тотчас же оскаливал клыки и щетинился. И всё-таки он не уходил, лежал и спал у ручья и поедал всё, что ему приносили, но только тогда, когда оставался один. Задержался он, очевидно, из-за крайнего истощения. Но прошло несколько дней, и, набравшись сил, он исчез.

На этом бы дело и кончилось, если бы Ирвину не пришлось поехать по делам в северную часть штата. На одной железнодорожной станции, где-то между Калифорнией и Орегоном, он как-то случайно выглянул из окна вагона и увидел, что их недавний гость бежит по дороге вдоль полотна, похожий на волка, тёмный, усталый, запыленный, грязный, но неутомимый. Он совершил путешествие в двести миль.

На ближайшей станции Ирвин сошёл с поезда, купил у мясника на окраине города кусок мяса и перехватил бродягу. Волку пришлось обратный путь совершить в багажном вагоне.

Так Волк вторично водворился в горном домике.

На этот раз его на целую неделю посадили на цепь. Мужчина и женщина наперебой ухаживали за ним и объяснялись ему в любви. Но чуждый и далекий, как житель другой планеты, он отвечал рычанием на самые нежные любовные слова. Он никогда не лаял. За всё время, что они знали его, он не залаял ни разу.

Заслужить его расположение было трудной задачей. Но Ирвин любил решать такие задачи. Он заказал ошейник с металлической дощечкой, на которой значилось: „Вернуть Уоту Ирвину, Глин Элен, графство Сонома, Калифорния“, и надел ошейник на шею собаке. Потом её спустили с цепи, и она немедленно исчезла. Через день пришла телеграмма из графства Мендочино. За двадцать часов Волк пробежал больше ста миль, всё время на север, и продолжал бы бежать, если бы его не задержали.

Его доставили обратно в товарном поезде. Он просидел три дня на цепи и сбежал на четвёртый, как только его освободили.

На этот раз он успел добраться до южного Орегона, но там его поймали и вернули Ирвину. В другой раз рыжему бродяге удалось пересечь в длину половину Калифорнии, весь штат Орегон, большую часть штата Вашингтон, и только тогда его поймали. Прямо удивительно, как быстро он передвигался!

Отдохнув и подкормившись, он с новыми силами пускался в путь. Убегал всегда на север, повинуюсь какому-то инстинкту, никому не понятному.

В конце концов, после ряда неудавшихся побегов, — это продолжалось целый год, — он примирился с неизбежным и решил остаться в домике, под окнами которого убил когда-то кролика и выпался у ручья. Прошло немало времени, пока он позволил приласкать себя. Для Ирвина и его жены это было огромной победой, потому что он больше никому не разрешал прикасаться к себе. Он был разборчив и не снизошёл ни разу ни до одного посетителя коттеджа. Он отвечал глухим рычанием на малейшую попытку сблизиться с ним. А если какой-нибудь смельчак настаивал, губы Волка раздвигались, показывались страшные клыки. Волк начинал рычать. Все собаки окрестных фермеров боялись его; они привыкли к обыкновенному собачьему рычанию, но никогда не слыхали рычания волка.

Ирвинам ничего не удалось узнать о прежнем владельце Волка. Миссис Джонсон, ближайшая их соседка, снабжавшая их молоком, уверяла, что он родом из Клондайка. У неё был там брат, и поэтому она считала себя сведущей во всем, что касалось этой страны.

Впрочем, никто и не оспаривал её мнения. В самом деле, кончики ушей Волка когда-то, видимо, были отморожены так сильно, что не залечились по сей день. Да и по виду он напоминал собак Аляски, изображения которых попадались в газетах и журналах. Уот и Мэдж часто рисовали себе его прошлую жизнь в далёкой северной стране. Они не сомневались, что север всё ещё манит его к себе. Он даже иногда потихоньку плакал по ночам. Когда налетал северный ветер и воздух становился морозным, его охватывало сильнейшее беспокойство, и он принимался громко, горестно выть. Он никогда не лаял, ни при каких обстоятельствах.

Приучая его к себе, Ирвин и Мэдж много спорили о том, кому из них он принадлежит и кого Волк больше любит.

Каждый отстаивал своё право, каждый гордо рассказывал о всяком проявлении нежности к нему со стороны Волка. Вначале перевес был на стороне Ирвина, просто потому, что он был мужчиной. Очевидно, Волку никогда не приходилось иметь дело с женщиной. Он не понимал женщин. Юбка Мэдж так и осталась для него чем-то не вполне приемлемым. От одного шороха её он подозрительно ошетинивался, и, когда бывало ветрено, ей нечего было думать подходить к нему.

Кормила его Мэдж. В те часы, когда Мэдж была на кухне, Волк подолгу стоял у дверей, ожидая свою хозяйку. И постепенно он победил свою нелюбовь к её одежде. Заметив это, Уот приучил собаку лежать у его ног, когда он писал, хотя из-за этого ему приходилось часто отрываться от работы для того, чтобы приласкать Волка и поболтать с ним. В конце концов победа всё-таки осталась за Уотом.

Раз они гуляли по тропинке. Из густой заросли папоротников пробивался крошечный ручеёк. Он пересекал дорожку почти у самых их ног. С поля несло нежное пение жаворонка. Кругом мелькали желтые бабочки, то купаясь в солнечных лучах, то скрываясь в тени. Вдруг снизу послышался шум.

То был топот тяжелых ног, по временам сопровождаемый шумом скатывающихся камней. Из-за поворота показался человек. Он шёл с непокрытой головой и сильно вспотел. Одной рукой он вытирал себе лицо, а в другой нёс новую шляпу и крахмальник, очевидно, только что снятый с шеи. Он был великолепно сложен; казалось, что под давлением его мускулов вот-вот лопнет его новенький костюм.

— Жаркий день, сказал Уот в виде приветствия.

Человек остановился и кивнул.

— Я не привык к жаре, как бы оправдываясь, сказал он. Мне мороз больше по душе.

— Ну, морозов вы у нас не дожждётесь, — рассмеялся Уот.

— И я так полагаю, — отвечал прохожий, — Да я их и ждать не стану. Мне бы только сестру найти. Может, вам известно, где она проживает? Её зовут Джонсон, миссис Уильям Джонсон.

— Да вы не брат ли её из Клондайка? — воскликнула Мэдж, и глаза её загорелись любопытством. Она нам столько рассказывала про вас...

— Я самый и есть, скромно отозвался прохожий, — А зовут меня Миллер. Скайф Миллер. Я решил сделать ей сюрприз.

— Вы идёте совершенно правильно. Это пешеходная тропа. — Мэдж указала на дорогу в ущелье. — Видите то дерево, разбитое молнией? От него тропинка сворачивает вправо. Это самый короткий путь к дому вашей сестры. Сбиться невозможно.

— Покорно благодарю, сударыня, — сказал он.

Он повернулся, как бы собираясь продолжать путь, но вдруг остановился.

— Нам было бы очень интересно послушать про Клондайк, — сказала Мэдж. — Нельзя ли нам зайти как-нибудь, пока вы будете гостить у сестры? Или ещё лучше, не придёте ли вы к нам пообедать?

— Покорно благодарю, сударыня, — смущённо повторил он. Потом спохватился и добавил: — Только ведь я не надолго. Мне надо возвращаться на север. Поеду ночным поездом. У меня, видите ли, билет...

Мэдж сказала, что это очень досадно, и он уже двинулся дальше.

И вдруг в поле их зрения появился Волк, всё время шнырявший в кустарнике. Лицо Скайфа Миллера преобразилось. Он во все глаза смотрел на пса, и величайшее удивление выражалось во всей его фигуре.

— Ах, чёрт возьми! — медленно и торжественно проговорил он.

При звуке его голоса, уши Волка повисли и рот раздвинулся в улыбку. Он медленно подбежал к незнакомцу и, понюхав его руки, облизнул их.

Скайф Миллер потрепал пса по голове и снова повторил медленно и торжественно:

— Ах, чёрт возьми! Прошу прощения, сударыня, — сказал он тотчас же.— Уж больно я удивился... Вот оно что...

— Да и мы удивились, — отозвалась Мэдж.— Мы никогда не видали, чтобы Волк так встречал чужих.

— Вы его Волком называете?—спросил Скайф Миллер.

— Да, но я не понимаю, почему он так ласков с вами? Разве только потому, что вы из Клондайка? Знаете, ведь он сам из Клондайка.

— Да, сударыня, — рассеянно проронил Миллер. Он взял в руки одну из передних лап Волка и осмотрел ступню, ощупывая ее пальцами. — Мягковата,— сказал он, — видать, давно не бегал по льду.

— Однако,— заговорил Уот, — совершенно непостижимо, как это Волк позволяет так обращаться с собой.

Скайф Миллер поднялся.

Недавней неловкости в нём не осталось и следа. Он коротко, деловым тоном спросил:

— Давно он у вас?

Но в этот момент собака, тёршаяся об его ноги, вдруг подняла морду и залаяла. Это был радостный лай, короткий, неумелый, но всё же лай.

— Вот это что-то новенькое, — заметил Скайф Миллер.

Уот и Мэдж уставились друг на друга. Чудо совершилось. Волк залаял.

— Он лает в первый раз, — сказала Мэдж.

— Да и я никогда не слыхивал,— заметил Миллер.

Мэдж улыбнулась. Этот человек любил, очевидно, пошутить.

— Ну, разумеется,—отозвалась она.— Вы ведь в первый раз его увидели пять минут тому назад.

Скайф Миллер внимательно глянул на неё.

— А я думал, что вы догадались, — медленно сказал он. — Вы должны были догадаться, как только увидели, как он со мной обращается. Это мой пёс. И зовут его не Волком, а Рыжим.

— О, Уот! — невольно обратилась Мэдж к мужу.

Уот сразу перешёл в наступление.

— Почему вы знаете, что это ваша собака? — спросил он.

— Потому что так оно и есть, — был ответ.

— Чем вы это докажете? — резко возразил Уот.

Скайф Миллер медленно поднял на него глаза и сказал, кивнув на Мэдж:

— А почему вы знаете, что она ваша жена? Скажете небось: „Так оно и есть“, а я вам отвечу: „Чем вы это докажете?“ Пёс мой. Я сам его вырастил. Мне ли его не знать? Сейчас вы увидите сами.

— Рыжий! — крикнул он, и при звуке голоса уши собаки приникли к голове, словно она ждала ласки, — Ги-и! — Собака сделала полукруг и повернула вправо. — Теперь вперёд! — Собака вдруг замерла, затем ринулась прямо вперёд и остановилась только тогда, когда он окликнул её.

— Могу и свистом, — гордо сказал Скайф Миллер. — Он у меня шёл в голове упряжки.

— Но вы не заберёте его с собой? — дрожащим голосом спросила Мэдж.

Миллер кивнул головой.

— Назад, в этот ужасный Клондайк? Где все так мучатся?

Миллер снова кивнул и добавил:

— Там не так плохо. Поглядите на меня. Здоровый парень, а?

— Но собакам там каково? Такие тяжелые условия! Изнурительная работа! Голод, мороз... Я читала, я знаю.

— Было дело, — раз я его чуть-чуть не слопал. На Малой Рыбной реке это было, — мрачно произнес Миллер. — Только я в этот день поймал мышь, — это его и спасло.

— Я бы лучше умерла! — воскликнула Мэдж.

— Здесь другая жизнь, — сказал Миллер. — Зачем вам тут есть собак? А там, как дойдет до точки, так вы иначе начнете рассуждать.

— В том-то и дело, — горячо сказала Мэдж.—В Калифорнии не едят собак. Почему бы вам не оставить его здесь? У него всегда достаточно еды, вы это знаете. Ему тут не придётся мучиться от холода и работать. Здесь всё тепло и мягко: и люди и природа. Никто никогда не прибьёт его. Ну, а погода здесь—даже снега не бывает.

— Зато уж летом пекло, прошу прощения, — рассмеялся Скайф Миллер.

— Вы мне не отвечаете, — страстно продолжала Мэдж. — Что вы можете дать ему там, на севере?

— Пищу, когда она у меня есть, а по большей части она есть.

— А в остальное время?

— В остальное — нет.

— А труд?

— Труда хоть отбавляй, — нетерпеливо сказал Миллер, —Труд без отдыха, и голодать придётся, и мерзнуть, и всякое другое терпеть, если Рыжий уйдёт со мной. Только он это любит. Привык. Эта жизнь по нём. Он там родился и вырос. Вы-то там не бывали и ничего про нашу жизнь не знаете, а он там будет доволен.

— Собака останется здесь, — решительно заявил Уот.— Нам не о чем спорить.

— То есть как это? — переспросил Миллер, нахмутив брови и покраснев.

— Я сказал: собака останется здесь. Это дело решенное. Я не верю, что это ваша собака. Вы, может быть, видали её когда-нибудь. Может быть, даже брали её у владельца для какой-нибудь поездки. То, что она слушается ваших окриков, ещё ничего не доказывает. Это обычные для Аляски окрики. Их слушается любая собака с Аляски. Вероятно, Волк просто очень дорого стоит, и потому вы так хотите завладеть им. Вы должны доказать, что вы его хозяин.

Сохраняя полное хладнокровие и самообладание, Скайф Миллер внимательно смерил глазами тщедушного поэта. Только лоб его ещё больше наморщился, щёки ещё больше покраснели, а мускулы ещё сильнее вздулись под чёрным сукном пиджака.

Наконец, на его лице появилось презрительное выражение, и он сказал:

— Сказать правду, что мне мешает сию минуту увести пса?

Уот покраснел и невольно сжал кулаки. Но тут вмешалась Мэдж.

— Возможно, что мистер Миллер и прав, — начала она. — Он даже наверное прав. Волк как будто знает его и, несомненно, отзывается на кличку „Рыжий“. Он сразу бросился к мистеру Миллеру, а этого, ты сам знаешь, с ним никогда не бывало. Вспомни, как он лаял. Он был просто вне себя от радости. Чему же он радовался? Очевидно, встрече с мистером Миллером.

Уот безнадежно махнул рукой.

— Пожалуй, ты права, Мэдж,— сказал он. — Волк — не Волк, а Рыжий, и принадлежит мистеру Миллеру.

— Может быть, мистер Миллер продаст его нам? — предложила она.—Мы могли бы его купить.

Скайф Миллер покачал головой уже не воинственно, а мягко, готовый ответить великодушием на великодушие.

— У меня было пять собак, — заговорил он. — Рыжий был голодным. У меня была лучшая упряжка в Аляске. Никто не мог догнать меня. В 1898 году мне предложили пять тысяч долларов за пять собак, и я отказался.

Правда, в тот год собаки были дороги. Да и сама упряжка мне очень нравилась. А Рыжий был лучший из пяти. Последней зимой мне за него давали тысячу двести. Тогда бы продал, а теперь не продам. Очень уж я люблю Рыжего. Третий год ищу его. Я чуть не заболел, когда узнал, что его украли. И не то чтобы из-за денег, а так вот —люблю его, очень люблю. Я глазам своим не поверил, когда увидел его здесь. Думал, приснилось. Понимаете, я его выходил. Каждый вечер укладывал спать, укутывал. Мать подохла, так я его сгущенным молоком, по два доллара банка, кормил. Себе в кофе жалел, а ему давал. Я ему вместо матери был. Бывало, всё палец мой сосёт— вот этот.

И Скайф Миллер, оборвавший от волнения свою речь, поднял указательный палец.

— Этот самый, — с трудом выговорил он, как будто устанавливая право собственности и право на привязанность собаки.

Он продолжал смотреть на свой палец, когда заговорила Мэдж.

— Но собака? — сказала она. — Подумайте о собаке.

Скайф Миллер удивлённо поглядел на неё.

— Подумайте о ней, — повторила Мэдж.

— Не понимаю, куда вы клоните, — ответил он.

— Ведь и собака имеет право выбора, — продолжала Мэдж. — Ведь у неё могут быть свои вкусы и желания. Вы о ней и не думаете, не даёте ей выбрать.

А что, если ей в Калифорнии лучше, чем в Аляске? Вы думаете только о себе. А с ней вы поступаете так, словно это мешок картофеля или вязанка сена...

Это была совершенно новая точка зрения. Миллер задумался. Мэдж поспешила использовать положение.

— Если бы вы её действительно любили, для вас было бы хорошо то, что хорошо для неё, — убеждала она.

Скайф Миллер всё ещё боролся с собой, и Мэдж бросила мужу ликующий взгляд. Тот ответил одобрительным кивком.

— Ну и что же? — спросил вдруг Миллер.

На этот раз смутилась она.

— Что вы хотите сказать?

— Вы думаете, он захочет остаться в Калифорнии?

Она кивнула головой.

— Уверена.

Скайф Миллер задумался, не спуская глаз с собаки.

— Работяга был. Здорово потрудился для меня. И умница. Ах, какая умница! Всё понимал, только что говорить не умел. А сейчас видите? Ведь он понимает, что мы о нём говорим.

Собака лежала у ног Скайфа Миллера, уткнувшись мордой в лапы, насторожив уши, прислушиваясь и переводя глаза с одного говорившего на другого.

Раза два Скайф Миллер открывал рот и закрывал его опять, ничего не сказав. Наконец он решился.

— Вот что я вам скажу. Вы, может, правильно сказали, сударыня.

Пёс действительно много поработал на своём веку. Может, ему, правда, захотелось мягкой постели. Пусть сам выбирает. Как он сам решит, так тому и быть. Вы оба посидите тут, а я распрощаюсь и пойду себе. Если он побежит за мной, так тому и быть. Я не стану его звать, и вы не зовите.

Он с сомнением глянул на Мэдж и закончил:

— Только играть честно! Вы его у меня за спиной не уговаривайте.

— Мы будем играть честно, — сказала Мэдж. — Спасибо, мистер Миллер.

— А за что благодарить меня? — возразил он. — Ещё как Рыжий решит...

Вы на меня не обижайтесь. Я пойду потихонечку. Сто шагов не пройду, меня уже и видно не будет.

— А я даю слово, что мы не будем удерживать его, — сказала Мэдж.

— Так. Ну, я пошёл, — объявил Скайф Миллер. Услышав это, Волк быстро поднял голову и ещё быстрее вскочил на ноги, как только увидел, что Мэдж и Миллер пожимают друг другу руки. Он встал на задние лапы, упёрся передними в Мэдж и в то же время лизнул руку Скайфа Миллера. То же повторилось, когда прощались мужчины.

Скайф Миллер повернул и медленно пошёл по тропинке.

Сначала Волк провожал его глазами, настороженный и оживлённый, рассчитывая, очевидно, что тот вернётся. Потом, глухо взвизгнув, бросился вслед за ним. Догнал, схватил его руку губами и настойчиво и нежно попробовал его остановить.

Когда это не удалось, Волк помчался обратно к тому месту, где сидел Уот Ирвин, и, ухватив его за рукав, старался потащить вслед за уходящим.

Смятение Волка усиливалось. Ему хотелось быть одновременно в двух местах — со старым хозяином и с новым, а расстояние, отделявшее одного от другого, всё больше и больше увеличивалось. Он взволнованно скакал и в мучительной нерешительности бросался то к одному, то к другому, не зная, как ему быть, не решаясь выбрать одного из них, визжал и задыхался.

Но вот он уселся, задрал морду кверху, то закрывая, то открывая пасть судорожными движениями, с каждым разом все шире и шире. И всё сильнее, всё чаще делались спазмы в горле, сопровождавшие эти судорожные движения, пока, наконец, не задрожали голосовые связки — сначала беззвучно, под свист воздуха, выдыхаемого лёгкими; а потом послышалась низкая нота, самая низкая из всех, что может воспринять человеческое ухо. Всё это было вступлением к вою.

Но Волк все-таки не завыл. Его широко раскрытая пасть внезапно сомкнулась, и он стал смотреть, не отрываясь, на уходящего человека. Потом он оглянулся и так же пристально посмотрел на Уота. Призыв остался без ответа. Волк не слышал ни слова, ни указания, ни намёка, как вести себя.

Бросив взгляд на старого хозяина, уже приближавшегося к повороту, Волк снова заволновался. Он вскочил на ноги, повизгивая, но в это время ему пришла новая мысль, и он обратился к Мэдж. До сих пор он не обращал на неё внимания, но сейчас, когда оба хозяина отказались помочь ему, вся надежда была на неё. Он подошёл к ней и зарылся головой в её колени, уткнувшись носом в руку. Он часто прибегал к этому приёму, когда хотел попросить её о чем-нибудь. Потом отбежал и начал играть, прыгая и изгибаясь, перебирая передними лапами по земле, прижимая уши к голове и виляя хвостом,—словом, всем своим видом стараясь выразить то, что беспокоило его.

Но вскоре он и от этого отказался. Его угнетала холодность этих людей, которые никогда раньше не были холодны к нему. Люди не отвечали ему, не хотели помочь, не обращали внимания. Они были как мёртвые.

Он отвернулся от них и некоторое время смотрел вслед старому хозяину. Скайф Миллер приближается к повороту. Ещё один миг—и он скроется из виду. Однако, он ни разу не оглянулся и шагал

медленно и мерно, словно то, что происходило у него за спиной, ничуть не интересовало его.

Так он и исчез за поворотом. Волк выждал с минуту — не появится ли он снова. Он ждал молча, спокойно, не двигаясь, как каменное изваяние. Он коротко залаял и снова стал ждать. Потом бросился к Уоту Ирвину, обнюхал его руку и тяжело опустился у его ног, не спуская глаз с поворота.

Крошечный ручеёк, пробиравшийся между замшевых камней, вдруг как будто зажурчал громче. Жаворонки пели, и никакой другой звук не нарушал тишины. Большие жёлтые бабочки пролетали бесшумно, сверкали на солнце, скрывались в тени. Мэдж кинула на мужа торжествующий взгляд.

Через несколько мгновений Волк встал. Во всех его движениях сквозила решимость. Он даже не взглянул на мужчину и женщину. Всё внимание его было устремлено на тропинку. Он принял решение. Они поняли. И они поняли, что для них испытание только начинается. Волк побежал. Мэдж вытянула губы, собираясь привычным ласковым свистом вернуть его. Но она не свистнула. Она невольно оглянулась на мужа и прочла в его глазах укор. Она громко вздохнула.

Волк с рыси перешёл на галоп. Он ни разу не оглянулся. Его волчий хвост вытянулся. Он одним прыжком обогнул поворот и скрылся из виду.

- ?
1. Как выглядел волк?
 2. Что происходило, когда пса отпускали?
 3. Сколько времени прошло в безуспешных побегах?
 4. Почему волк, появился из-за деревьев, не испугавшись нового человека?

Э. Сетон-Томпсон

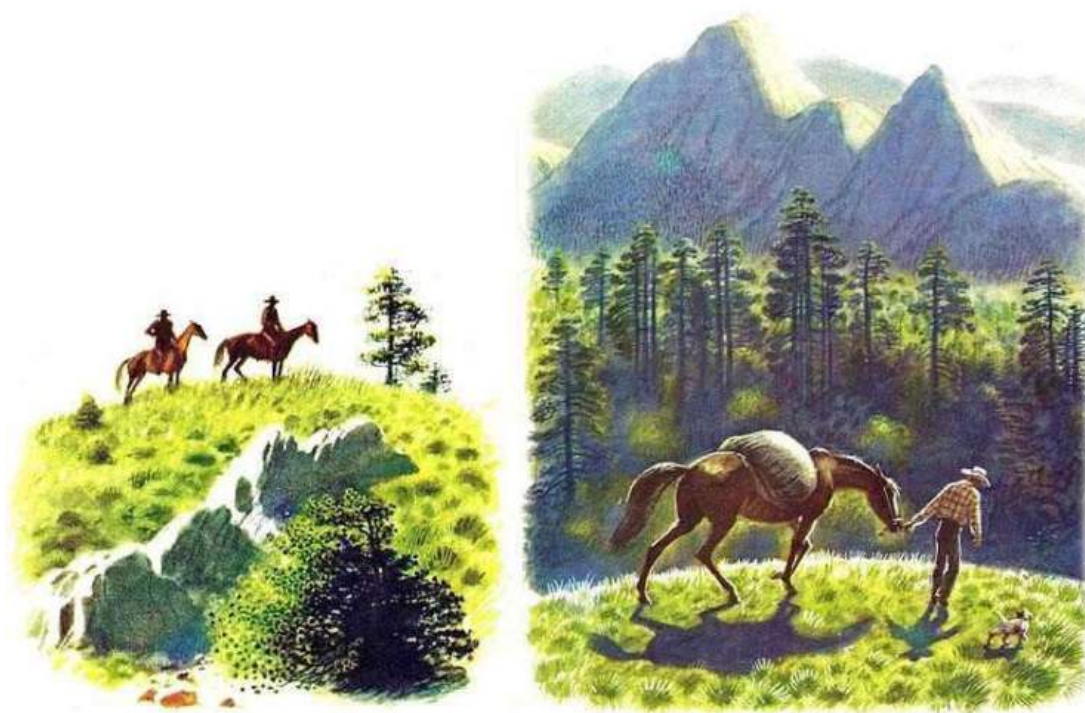
Чинк

1

Чинк был уже таким большим щенком, что считал себя замечательной взрослой собакой — и правда замечательным он был, но совсем не таким, каким воображал. Он не был ни свиреп, ни даже внушителен с виду, не отличался ни силой, ни быстротой, но зато был одним из самых шумливых, добродушных и глупых щенков, какие когда-либо грызли сапоги своего хозяина.

Его хозяином был Билл Обри, старый горец, живший в то время под горой Гарнет, в Йеллоустонском парке. Это очень тихий уголок, далеко в стороне от путей, излюбленных путешественниками. И то место, где Билл поставил свою палатку, можно было бы признать одним из самых уединенных человеческих обиталищ, если бы не мохнатый, вечно неугомонный щенок Чинк.

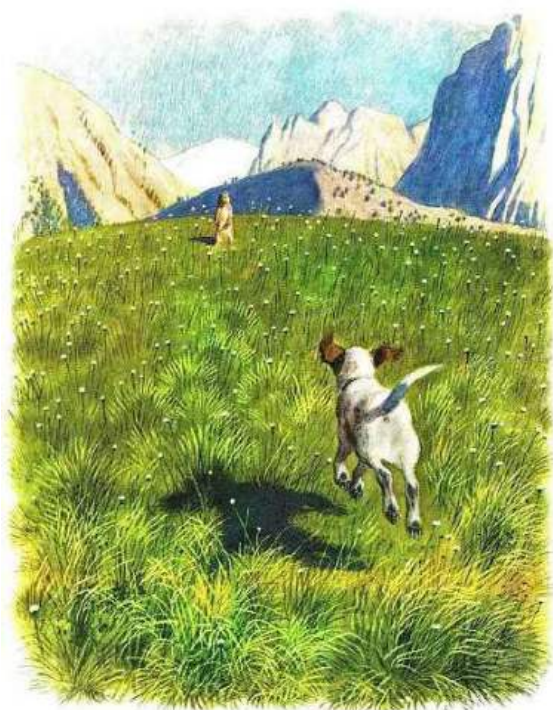
Чинк никогда не оставался спокойным хотя бы в течение пяти минут. Он охотно исполнял все, что ему велели, кроме одного: сидеть спокойно.

Он постоянно пытался проделывать самые нелепые и невозможные штуки, а когда брался за что-нибудь обыкновенное и лёгкое, неизменно портил всё дело какой-нибудь выходкой. Однажды, например, он провёл целое утро в напрасных попытках

вскарабкаться на высокую прямую сосну, в ветвях которой он увидел белку.

В течение нескольких недель самой заветной мечтой Чинка было поймать суслика.

Суслики во множестве жили вокруг палатки Билла. Эти маленькие животные имеют обыкновение усаживаться на задние лапы, выпрямившись и плотно сложив передние лапки на груди, благодаря чему издали их можно принять за колышки. Вечером, когда нам надо было привязать лошадей, мы нередко направлялись к какому-нибудь суслику, и ошибка выяснялась только после того, как суслик исчезал в норе с задорным писком.

Чинк в первый же день своего прибытия в долину решил непременно поймать суслика. Как это за ним водилось, он сразу же натворил много разных глупостей. Ещё за четверть мили до суслика он припадал к земле и полз на брюхе от кочки до кочки не меньше ста шагов. Но скоро его возбуждение достигало такой степени, что он, не стерпев, вскакивал на ноги, шёл напрямик к суслику, который уже сидел возле норы, отлично понимая, что происходит. Через минуту Чинк бросался бежать, и именно тогда, когда ему следовало красться, он забывал всякую осторожность и с лаем бросался на врага. Суслик сидел неподвижно до самого последнего момента, затем, внезапно пискнув, нырял в нору, бросив задними лапками целую горсть песка прямо в открытую пасть Чинка.

День за днём проходили в таких бесплодных попытках. Однако Чинк не унывал, уверенный в том, что настойчивостью он своего добьётся. Так оно и случилось.

В один прекрасный день он долго и тщательно подкрадывался к очень большому суслику, проделал все свои нелепые штуки, завершив их яростной атакой, и действительно схватил свою жертву

— только на этот раз оказалось, что он охотился за деревянным колышком. Собака отлично понимает, что значит очутиться в дураках.

Всякому, кто в этом сомневается, следовало бы посмотреть на Чинка, когда он в тот день смущённо прятался позади палатки, подальше от посторонних глаз.

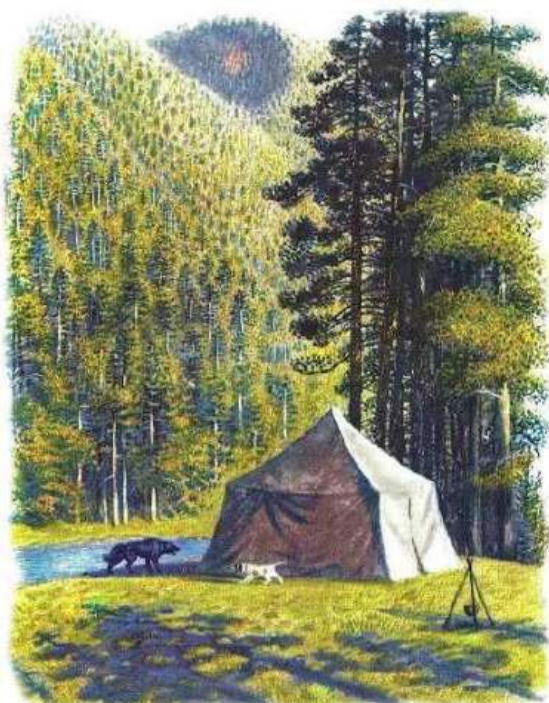
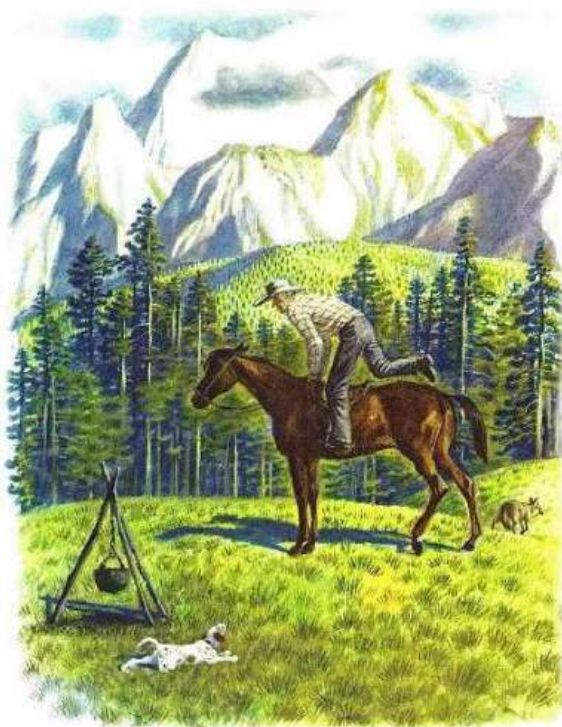

Но эта неудача ненадолго охладила Чинка, который был от природы наделен не только пылкостью, но и порядочным упрямством. Ничто не могло лишить его бодрости. Он любил всегда двигаться, всегда что-нибудь делать.

Каждый проезжающий фургон, каждый всадник, каждый пасущийся телёнок подвергался его преследованию, а если ему на глаза попадалась кошка, с соседнего сторожевого поста, он считал своим священным долгом перед солдатами, перед ней и перед самим собой гнать её домой как можно скорее. Он готов был по двадцать раз на день бегать за старой шляпой, которую Билл обыкновенно забрасывал в осиное гнездо, командуя ему: «Принеси!»

Понадобилось много времени, для того чтобы бесчисленные неприятности научили его умерять свой пыл. Но мало-помалу Чинк понял, что у фургонов есть длинные кнуты и большие злые собаки, что у лошадей на ногах есть зубы, что у телят есть матери, чьи головы снабжены крепкими дубинками, что кошка может оказаться сунсом, а осы — вовсе не бабочки. Да, на это понадобилось время, но в конце концов он усвоил всё, что следует знать каждой собаке. И постепенно в нём стало развиваться зерно — пока ещё маленькое, но живое зёрнышко собачьего здравого смысла.

Все нелепые промахи Чинка были словно воссоединены в нечто единое, и его характер обрел целостность и силу после промаха, увенчавшего их все, — после его стычки с большим койотом. Этот койот жил недалеко от нашего лагеря и, по-видимому, как и прочие дикие обитатели Йеллоустонского парка, прекрасно понимал, что находится под защитой закона, который запрещал здесь стрелять, охотиться и ставить ловушки или как-нибудь иначе вредить животным. К тому же он жил как раз в той части парка, где был расположен сторожевой пост и солдаты зорко следили за соблюдением закона. Убежденный в своей безнаказанности, койот каждую ночь бродил вокруг лагеря в поисках отбросов.

Сначала я находил только его следы, показывавшие, что он несколько раз обходил лагерь, но не решался подойти ближе. Потом он начал распевать свою заунывную песню тотчас после захода солнца или при первых проблесках утра. И, наконец, я начал находить его чёткие следы около мусорного ведра, куда каждое утро выходил посмотреть, какие животные побывали там в течение ночи.

Осмелев ещё больше, он стал иногда подходить к лагерю даже днём, сначала робко, затем с возрастающей самоуверенностью; наконец, он не только посещал нас каждую ночь, но и целыми днями держался поблизости от лагеря и то пробирался к палаткам, чтобы украсть что-нибудь съедобное, то восседал на виду у всех на соседнем пригорке.

Однажды утром, когда он таким образом сидел шагах в пяти — десяти от лагеря, один из нашей компании в шутку сказал Чинку: «Чинк, ты видишь этого койота, который смеётся над тобой? Пойди, прогони его!»

Чинк всегда исполнял то, что ему говорили. Желая отличиться, он бросился в погоню за койотом, который пустился наутёк.

Это было великолепное состязание в беге на протяжении четверти мили, но оно и в сравнение не шло с тем, которое началось, когда койот повернул и бросился на своего преследователя. Чинк сразу сообразил, что ему несдобровать, и во всю прыть пустился к лагерю. Но койот бежал быстрее и скоро настиг щенка. Куснув его в один бок, потом в другой, он всем своим видом выразил полное удовольствие.

Чинк с визгом и воем мчался что было мочи, а его мучитель преследовал его без передышки до самого лагеря. Стыдно сказать, но мы смеялись над бедным псом заодно с койотом, и Чинк так и не дождался сочувствия. Ещё одного такого опыта, только в меньших

размерах, оказалось вполне достаточно для Чинка: с тех пор он решил оставить койота в покое.

Но зато сам шакал нашёл себе приятное развлечение. Теперь он изо дня в день совершенно открыто слонялся около лагеря, зная великолепно, что никто не осмелится в него стрелять. В самом деле, замки всех наших ружей были опечатаны правительственным агентом, а кругом повсюду была охрана. Этот шакал только и ждал Чинка и выискивал всякую возможность его помучить. Маленький пёс знал теперь наверняка, что если он отойдёт один на сто шагов от лагеря, шакал окажется тут как тут и начнёт кусать и гнать его назад до самой палатки хозяина. День за днём проходил в таких испытаниях, пока наконец жизнь Чинка не превратилась в сплошное мучение. Он больше уже не смел отходить один на пятьдесят шагов от палатки. И даже когда он сопровождал нас во время наших поездок по окрестностям, этот нахальный и злобный шакал следовал по пятам, выжидая случая поиздеваться над бедным Чинком, и портил ему все удовольствие прогулки.

Билл Обри передвинул свою палатку на две мили от нас, выше по течению реки, и шакал переселился на такое же расстояние вверх по течению. Как всякий хищник, не встречающий противодействия, он становился день ото дня нахальнее, и Чинк постоянно испытывал величайший страх, над которым его хозяин только подсмеивался.

Своё решение отделиться от нас Обри объяснил необходимостью иметь под рукой лучший корм для лошади, но вскоре выяснилось, что он просто искал одиночества, чтобы без помехи распить бутылку водки, которую где-то раздобыл. А так как одна бутылка не могла его удовлетворить, то на другой же день он оседлал коня и, сказав: «Чинк, охраняй палатку!», ускакал через горы к ближайшему кабаку. И Чинк послушно остался на часах, свернувшись клубочком у входа в палатку.

При всей своей щенячьей нелепости Чинк все же был сторожевым псом, и хозяин его знал, что он будет исправно исполнять свои обязанности по мере сил. Во второй половине этого дня один

проезжавший мимо горец остановился, по обычаю, на некотором расстоянии от палатки и крикнул:

— Послушай, Билл! Эй, Билл! Но, не получив ответа, он направился к палатке и был встречен Чинком самым подобающим образом: шерсть его ошетинулась, он рычал, как взрослая собака. Горец понял, в чем дело, и отправился своей дорогой.

Настал вечер, а хозяин всё ещё не возвращался, и Чинк начал испытывать сильный голод. В палатке лежал мешок, а в мешке было немного ветчины. Но хозяин приказал Чинку стеречь его имущество, и Чинк скорее издох бы с голоду, чем притронулся к мешку.

Терзаемый муками голода, он осмелился, наконец, покинуть свой пост и стал бродить невдалеке от палатки в надежде поймать мышь или найти вообще что-нибудь съедобное. Но неожиданно этот отвратительный шакал снова атаковал его и заставил бежать обратно к палатке.

Тут в Чинке произошла перемена. Он, казалось, вспомнил о своём долге, и это придало ему силы, подобно тому, как крик котёнка превращает робкую кошку-мать в яростную тигрицу. Он был ещё только щенком, глуповатым и нелепым, но в нем жил наследственный твёрдый характер, который должен был развиваться с годами. Когда шакал попытался последовать за ним в палатку — палатку его хозяина, — Чинк повернулся лицом к врагу, грозный, словно маленький демон.

Шакал попятился. Он злобно рычал и угрожал разорвать щенка на куски, но всё-таки не осмелился войти в палатку.

И началась настоящая осада. Шакал возвращался каждую минуту. Расхаживая вокруг, он скрёб землю задними лапами в знак презрения и вдруг опять направлялся прямо ко входу в палатку, а бедный Чинк, полумёртвый от страха, мужественно защищал имущество, вверенное его охране.

Всё это время Чинк ничего не ел. Раза два в течение дня ему удалось выбежать к протекавшему рядом ручью и напиться воды, но он не мог так же быстро раздобыть себе пищу.

Он мог бы прогрызть мешок, лежавший в палатке, и поесть копченого мяса, но он не смел тронуть то, что ему доверили охранять. Он мог бы, наконец, улучшить минуту и, оставив свой пост, перебежать в наш лагерь, где, конечно, его бы хорошо накормили.

Но нет, он должен был оправдать доверие хозяина, во что бы то ни стало!

Под натиском врага из него выработался настоящий верный сторожевой пёс, готовый, если нужно, умереть на своём посту, в то время как его хозяин пьянствовал где-то за горой.

Четыре злосчастных дня и четыре ночи провёл этот маленький героический пёс, почти не сходя с места и стойко охраняя палатку и хозяйское добро от шакала, который всё время держал его в смертельном страхе.

На пятый день утром старый Обри протрезвился и вспомнил, что он не у себя дома, а его лагерь в горах оставлен им на попечение щенка. Он уже устал от беспросыпного пьянства и поэтому сразу оседлал коня и направился в обратный путь.

На полдороге в его затуманенной голове мелькнула мысль, что он оставил Чинка без всякой еды.

«Неужели маленький негодяй слопал всю мою ветчину?» — подумал он в тревоге и заспешил домой. Когда он доехал до гребня горы, откуда видна была его палатка, ему сперва показалось, что всё по-прежнему благополучно, на своём месте. Но вдруг он увидел: там, у входа в палатку, ошетилившись и рыча друг на друга, стояли — морда к морде — большой злобный шакал и бедный маленький Чинк.

— Ах, чтоб меня! — воскликнул Обри смущенно. — Я совсем забыл про этого проклятого шакала. Бедный Чинк, он попал в тяжёлую передрыгу! Удивительно, как это шакал ещё не разорвал его на куски, да и палатку впридачу.

Да, мужественный Чинк, быть может, в последний раз выдерживал натиск врага. Его ноги дрожали от страха и голода, но он всё ещё принимал самый воинственный вид и, без сомнения, готов был умереть, защищая свой пост.

Биллу Обри с первого взгляда всё стало ясно. Подскакав к палатке и увидев нетронутый мешок с ветчиной, он понял, что Чинк ничего не ел с самого дня его отъезда.

Щенок, дрожа от страха и усталости, подполз к нему, заглянул ему в лицо и стал лизать руку, как бы желая сказать: «Я сделал то, что ты мне велел, хозяин».

Это было слишком для старого Обри, и слёзы стояли в его глазах, когда он торопливо доставал еду маленькому герою.

Затем он повернулся к нему и сказал:

— Чинк, старый друг, я с тобой поступил очень плохо, а ты со мной хорошо. Обещаю, что никогда больше не оставляю тебя дома, если отправлюсь погулять ещё разок. Не знаю, чем бы тебя порадовать, друг, раз ты не пьёшь водки. Вот разве я избавляю тебя от твоего самого большого врага!

Он снял с шеста посреди палатки свою гордость — дорогой магазинный карабин. Не думая о последствиях, он сломал казённую печать и вышел за дверь.

Шакал, по обыкновению, сидел невдалеке, скаля зубы в дьявольской усмешке.

Но прогремел выстрел, и страхи Чинка кончились.

Подоспевшие сторожа обнаружили, что нарушен закон об охране парка, что старый Обри застрелил одного из его диких обитателей. Его карабин был отнят и уничтожен, и он вместе со своим четвероногим другом был позорно изгнан из парка и лишён права вернуться, под угрозой тюремного заключения.

Но Билл Обри ни о чём не жалел. — Ладно, — сказал он. — А все-таки я сделал доброе дело для своего товарища, который никогда меня не предавал.

1. Каким был Чинк? Как его описал автор? Найдите ответы в тексте.

2. Как Чинк и Билл относились друг к другу? Что больше всего ценил в собаке старый Билл? Прочитайте.

Познакомиться с произведениями зарубежных авторов нам помогают **писатели-переводчики**.

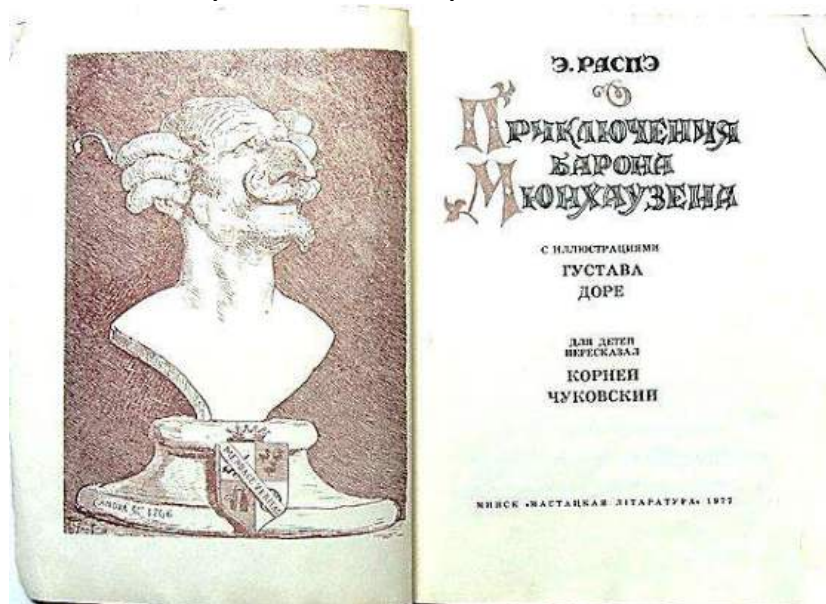
ПЕРЕВОДЧИК — специалист по переводам с одного языка на другой. Перевод с английского, французского, немецкого и др. языков.

Корней Иванович Чуковский

Всем детям и родителям известны сказки, стихи и загадки К.И.Чуковского. Но помимо написания сказок, Корней Иванович занимался переводом английского фольклора, произведений зарубежных авторов: Редьярда Киплинга «Рикки-Тикки-Тави», Марка Твена «Принц и нищий», «Приключения Гекльберри Финна» и др.

Книги в его обработке просто оживали от правильно подобранных словесных красок и оттенков. Он пересказал для детей «Робинзона Крузо» Д.Дефо, «Барона Мюнхгаузена» Э.Распэ, многие библейские сюжеты и греческие мифы.

А вот перевод из английских народных песенок К. И. Чуковского и С. Я. Маршака.

Робин-Бобин Барабек
 Скушал сорок человек,
 Съел корову и быка,
 И кривого мясника,
 И телегу, и дугу,
 И метлу, и кочергу,
 Скушал церковь, скушал дом
 И кузницу с кузнецом,
 А потом и говорит:
 - У меня живот болит!

К. И. Чуковский

Робин-Бобин кое-как
 Подкрепился натошак:
 Съел теленка утром рано,
 Двух овечек и барана,
 Съел корову целиком
 И прилавок с мясником,
 Сотню жаворонков в тесте
 И коня с телегой вместе,
 Пять церквей и колоколен -
 Да еще и недоволен!

С. Я. Маршак

Самуил Яковлевич Маршак

Вы уже давно знакомы с творчеством писателя и поэта Самуила Яковлевича Маршака, мамы и папы читали вам его весёлые и добрые стихи и сказки. Вы познакомились с его творчеством в школе.

Но Самуил Яковлевич Маршак был ещё и замечательным **переводчиком**.

Самуил Яковлевич Особенно хорошо знал английский, так как учился в одной из школ Англии.

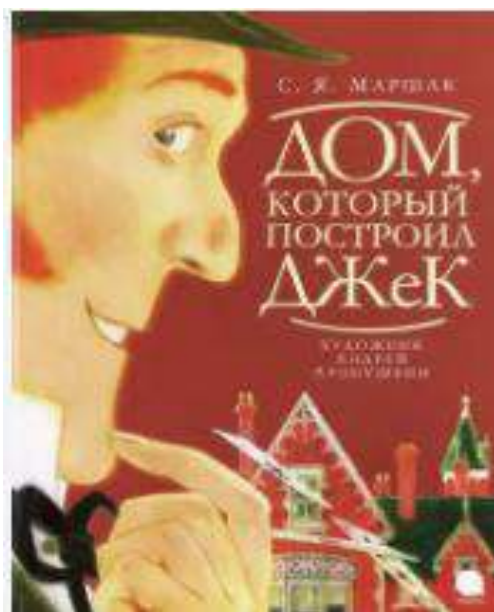
Его глубоко тронули народные песни, баллады и стихи английских поэтов и он стал переводить их на русский язык. Самуил исколесил весь Альбион, собирая коллекцию английских народных сказок, баллад и песен, которые впоследствии перевёл на русский язык. Среди них знаменитые “Дом, который построил Джек” и “Вересковый мёд”. Он переводил произведения Алана Милна и Джанни Родари.

С.Я.Маршак переводил также с латышского, польского, еврейского, чешского, казахского, венгерского, итальянского, украинского и армянского языков.

В гостях у королевы

Английская песенка

- Где ты была сегодня, киска?
- У королевы, у английской.
- Что ты видала при дворе?
- Видала мышку на ковре!

Борис Владимирович Заходер

Заходер перевёл с английского языка «Винни-Пуха» Алана Милна, «Мэри Поппинс» Памелы Трэверс, «Приключения Алисы в Стране чудес» Льюиса Кэрролла и пьесу «Питер Пэн» Джеймса Барри, с чешского языка — сказки и весёлые истории Карела Чапека, с

немецкого – «Бременских музыкантов» братьев Гримм, с польского – стихотворения Людвика Ежи Керна..

Сопелки, Пыхтелки и Шумелки, без которых сегодня трудно представить русского Винни-Пуха, — вольное творчество Бориса Заходера, который заменил «маленькие мозги» медвежонка на опилки.

Писатель вспоминал: «Это была любовь с первого взгляда: я увидел изображение симпатичного медвежонка, прочитал несколько стихотворных цитат — и бросился искать». Заходер тут же взялся за перевод. Точнее, как он подчеркивал, — за пересказ. Время работы над переводом «Винни-Пуха» писатель называет одним из самых счастливейших периодов своей жизни. Борис Владимирович Заходер настолько полюбил обаятельного медвежонка, что учредил для своих друзей одноименную премию.

Писатель выступал скорее искусным пересказчиком, нежели простым переводчиком текстов чешских, английских, польских и немецких авторов, при этом, внося в переводы собственное творческое начало. Благодаря ему, многие из них стали любимыми у читателей всех возрастов. Наследник Чуковского и Маршака, Борис Заходер привнёс в детскую литературу свои новые свежие краски.

Рукописные книги

Сейчас книги печатают в типографиях, но было время, когда этого делать ещё не умели. Тогда книги писали от руки. На Руси этим сложным делом занимались монахи. Ведь грамотных людей в то время было немного, а нужда в книгах была большой. Без книг не могли совершать церковные службы, учить людей грамоте.

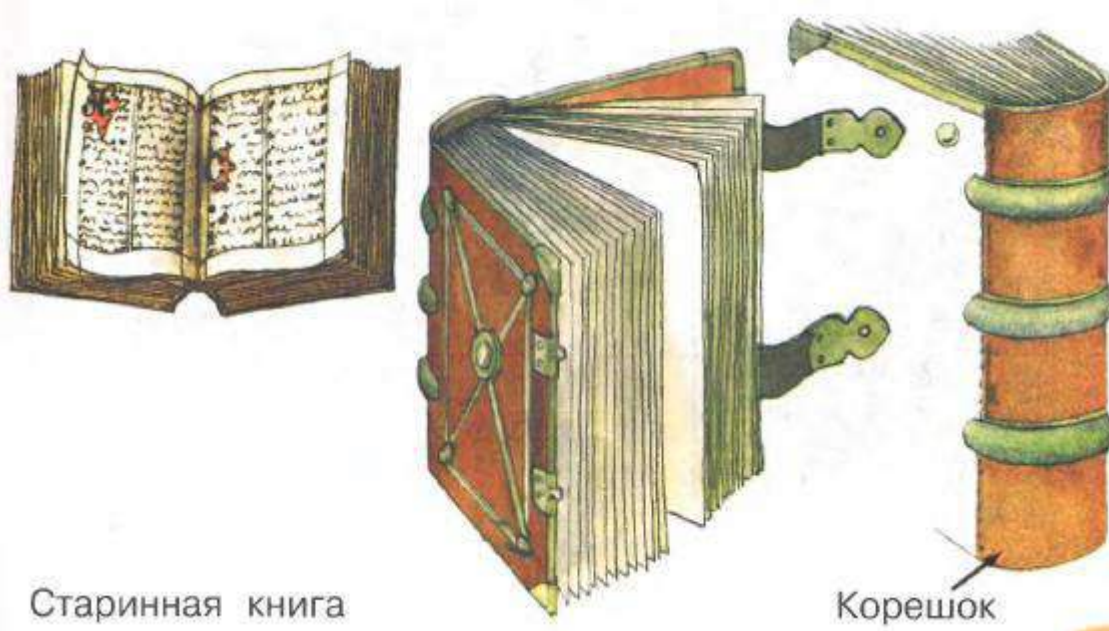
В больших монастырях образовались центры, откуда по всей стране расходились переписанные монахами копии различных книг. Лишь через несколько веков появились наёмные писцы, которые переписывали книги на заказ и для продажи.

Рукописные книги Древней Руси — настоящие произведения искусства.

Каждая глава и отдельная страница рукописной книги начиналась и заканчивалась рисунками — заставками и концовками. Начальная буква каждого абзаца рукой мастера превращалась в настоящее чудо.

Рукописная книга была большой и тяжёлой. Переплёт для неё делался из досок и обтягивался кожей или тканью. Переплёты дорогих книг были роскошно отделаны золотом и драгоценными камнями.

Для письма в основном использовали пергамент. На нём писали с обеих сторон. Отдельные листы сшивались, и в таком виде они уже выглядели книгой, какой она является и сейчас.

Переписка книги была делом долгим и трудным.

После того, как был подготовлен необходимый материал (вначале пергамент, а затем бумага), переписчик садился за работу. Он размечал страницу — определял места для заглавия, инициала — большой буквы, с которой начинается первая фраза, проводил строчки для написания текста.

В рукописных книгах были прекрасные рисунки (миниатюры) и заставки, созданные художниками.

Первую букву рисовали цветными чернилами, чаще всего красными. Поэтому первая строка каждого абзаца называется красной.

Н. П. Кончаловская

Наша древняя столица

Слава нашей стороне!
Слава русской старине!
И про эту старину
Я рассказывать начну,
Чтобы дети знать могли
О делах родной земли.

В монастырской келье узкой,
В четырёх глухих стенах
О земле о древнерусской
Быль записывал монах.
Он писал зимой и летом,
Озарённый тусклым светом.
Он писал из года в год
Про великий наш народ.
О нашествии Батыя
Написал он в грозный час,
И слова его простые
Сквозь века дошли до нас.

ПЕРВОПЕЧАТНИК ИВАН ФЁДОРОВ

В центре Москвы, у стен древнего Китай-города, на высоком постаменте возвышается бронзовая фигура человека, одетого в длинный старинный кафтан. Перехваченные ремешком волосы ниспадают на плечи. Лицо его серьёзно и сосредоточенно: он читает лист только что отпечатанной книги.

На камне памятника высечено имя — Иван Фёдоров.

Иван Фёдоров (около 1520 -1583) – первый книгопечатник, благодаря которому в Русском государстве стало развиваться книгопечатание.

Началом русского книгопечатания считается открытие в начале 1560-х годов типографии Ивана Фёдорова и его помощника Петра Мстиславца.

Она располагалась у стены Китай-города (так назывался район Москвы за пределами Кремля, вокруг которого в начале правления Ивана Грозного была возведена крепостная стена).

В 1564 году появилась книга «Апостол», сохранившаяся до наших дней. Текст в «Апостоле» был отпечатан на церковнославянском языке. Это была искусная работа: первая буква в начале каждой строки рисовалась вручную, а каждая глава была украшена цветочным орнаментом ручной работы.

Следом за «Апостолом» Фёдоровым был издан «Часослов» в количестве двух экземпляров. Качество книг при этом заметно улучшалось с каждым разом.

Самой знаменитой среди других печатных книг Ивана Фёдорова является Острожская «Библия». В неё первопечатник вложил всё своё умение и мастерство.

Появление первой печатной книги на русском языке стало знаковым событием в истории России и огромным шагом в просвещении общества.

Н. П. Кончаловская

Наша древняя столица

МАСТЕР ФЕДОРОВ ИВАН И ЕГО ПЕЧАТНЫЙ СТАН

Пред царём коленопреклонённый
Книжный мастер — Фёдоров Иван.
Бывший дьякон с тёмною бородкой
До земли склонился головой,
Царь к нему стремительной походкой
Подошёл, отставил посох свой
И приподнял
мастера
за плечи:
«Ну, Ивашка, мне покажешь ты,
Где в палатах расставляешь печи,
Чтоб сушить печатные листы
Для бесценных первых наших книжек?»

Молодой, широкоплечий, статный,
Перед Грозным Фёдоров Иван
О палате рассуждал печатной:
Где поставит он печатный стан;
Пояснял он царственному тёзке,
Как сушить печатные листы,
Как хранятся для печати доски
Да какие буквы отлиты.

И в печати помощь видел Грозный
Для своих больших державных дел...
А печатник, мудрый и серьёзный,
Много дальше Грозного глядел.

Мы умеем предками гордиться —
Память о печатнике живёт,
Фёдорову памятник в столице
Сохраняет бережно народ.

С. Я. Маршак

Книжка про книжку

У Скворцова Гришки
 Жили-были книжки —
 Грязные, лохматые,
 Рваные, горбатые,
 Без конца и без начала,
 Переплёты — как мочала,
 На листах — каракули.
 Книжки горько плакали.

Дрался Гришка с Мишкой,
 Замахнулся книжкой,
 Дал разок по голове —
 Вместо книжки стало две.

— Как нам быть? — спросили книжки.
 Как избавиться от Гришки?
 И сказали братья Гримм:
 — Вот что, книжки, убежим!

Бежим в библиотеку.
 В центральный наш приют,-
 Там книжку человеку
 В обиду не дают!

И книжки двинулись в поход.
 Беспризорные калеки
 Входят в зал библиотеки.
 Светят лампы над столом,
 Блещут полки за стеклом.

В переплётах тёмной кожи,
 Разместившись вдоль стены,
 Словно зрители из ложи,
 Книжки смотрят с вышины.

Вышли книжки из больницы,
Починили им страницы,
Переплёт, корешки,
Налепили ярлыки.
А потом в просторном зале
Каждой полку указали.

А у Гришки неудача:
Гришке задана задача.
Стал задачник он искать.
Заглянул он под кровать,
Под столы, под табуретки,
Под диваны и кушетки.
Ищет в печке, и в ведре,
И в собачьей конуре.
Гришке горько и обидно,
А задачника не видно.

Что тут делать? Как тут быть?
Где задачник раздобыть?
Остаётся — с моста в реку
Иль бежать в библиотеку!

Говорят, в читальный зал
Мальчик маленький вбежал
И спросил у строгой тётки:
— Вы тут книжки выдаёте?

А в ответ со всех сторон
Закричали книжки: — Вон!

От автора

Написал я эту книжку
Много лет тому назад,
А на днях я встретил Гришку
По дороге в Ленинград.
Он давно уже не Гришка,
А известный инженер.

У него растёт сынишка,
Очень умный пионер.

Побывал у них я дома,
Видел полку над столом,
Пятьдесят четыре тома
Там стояли за стеклом.
В переплётах — в куртках новых,
Дружно выстроившись в ряд,
Встали книжки двух Скворцовых,
Точно вышли на парад.

А живётся им не худо,-
Их владельцы берегут.
Никогда они оттуда
Никуда не убегут!

1. Понравилось вам стихотворение?
2. А почему сбежали книжки от Гришки?
3. Где им помогли?
4. Исправился ли Гришка?

Н. А. Найдёнова

Мой друг

Хорошая книга –
Мой спутник, мой друг,
С тобой интересней
Бывает досуг!

Мы время отлично
Проводим вдвоём
И наш разговор
Потихоньку ведём.

Я слышу тебя,
Я иду за тобой,
Я к морю спускаюсь
И вижу прибор.

С тобою дорога
Моя далека
В любую страну
И в любые века.

Ты мне говоришь
Про дела смельчаков,
Про злобных врагов
И смешных чудаков.

Про тайные земли
И движение планет.
С тобой ничего
Непонятного нет.

Ты учишь правдивым
И доблестным быть.
Природу, людей
Понимать и любить.

Тобой дорожу я,
Тебя берегу.
Без книги хорошей,
Я жить не могу.

1. Кого описывает автор?
2. Как автор описывает книгу? Зачитайте из текста.
3. Какую роль играют книги в вашей жизни?

Б. В. Заходер
Что такое стихи?

Что же такое Стихотворение?

Музыка

Нашего сердцебиения?

Нашего разума

Тайное пение?

Танец

Рассудка и воображения?

Что же такое Стихотворение?

Ты — вдохновение!

Ты — озарение!

Вечность,

Открытая нам

На мгновение!

Да! -

Соглашается Стихотворение. —

Я — вдохновение,

Я — озарение,

Неповторимое

Повторение.

Но я

Лишь бессмысленная болтовня,

Если

Читателя нет у меня.

Ты, мой читатель,

Душой одарённый, —

Ты мне нужнее, чем сердце в груди.

Жду. Приходи.

1. Как вы поняли, что же такое стихотворение?
2. Когда мы слышим музыку сердца?
3. Что такое вдохновение? Когда нас посещает вдохновение?
4. Что такое творчество читателя и поэта?

Правила юного читателя.

- С книгой надо обращаться аккуратно.
- Книга не любит читателей с грязными руками.
- Нельзя читать во время еды.
- В книге нельзя рисовать, раскрашивать иллюстрации, ставить пометки.
- Нельзя загибать в книге страницы, надо пользоваться закладкой.
- Книга очень боится всего, из-за чего она может рассыпаться на кусочки. Это происходит, если её кладут раскрытой переплётом вверх и если вместо закладок оставляют в ней линейки, карандаши и прочие толстые предметы. У книг дома должно быть своё постоянное место.
- Книги библиотечные – особо уязвимые существа: ведь ими пользуются намного чаще, чем домашними.
- Когда вы берёте книгу, вы становитесь её полноправным хозяином, но – только на несколько дней в соответствии с правилами библиотеки.
- В назначенный срок книгу ждут в родном доме – библиотеке.

Памятка 1

Прочитай выразительно

1. Прочитай название произведения (фамилию автора и заголовок).
2. Прочитай произведение. Определи главную мысль (подумай, о чём или о ком в нём говорится).
3. Какое настроение хотел создать автор? Какие чувства вызывает у тебя это произведение?
4. Перечитай, обращая внимание на знаки препинания (запятые, точки, многоточия, вопросительные и восклицательные знаки).
5. Поупражняйся в чтении: прочитай вслух несколько раз.
6. Прочитай выразительно друзьям или родителям.

Памятка 2

Выучи наизусть

1. Прочитай произведение (стихотворение, загадку, песенку) или отрывок. Определи главную мысль.
2. Выучи первые две строчки, потом ещё две строчки. Повтори все четыре строки вместе. (Отрывок из прозаического произведения учи по предложениям.)
3. Работай так, пока не выучишь всё произведение.
4. Закрой книгу и прочитай произведение наизусть. Если были допущены ошибки, перечитай текст ещё несколько раз.

Памятка 3

Читаем по ролям (коллективная работа)

1. Прочитайте название произведения (фамилию автора и заголовок).
2. Прочитайте текст беседы (диалога).
3. Поговорите с одноклассниками о героях произведения. (Кто они? Какие? Как себя ведут? О чём и как они говорят?)
4. Распределите роли и поупражняйтесь в ролевом чтении.
5. Прочитайте произведение так, чтобы было понятно, кого из героев изображает каждый из вас.

Памятка 4

Перескажи кратко

1. Прочитай название произведения (фамилию автора и заголовок).
2. Прочитай произведение. Определи главную мысль.
3. Раздели текст на смысловые части.
4. Перечитай каждую часть, отмечая главные моменты.
5. Перескажи, выделяя главные моменты каждой части.
6. Проверь себя по книге: не упущен ли в твоём пересказе какой-то важный эпизод.

Памятка 5

Перескажи подробно

1. Прочитай название произведения (фамилию автора и заголовок).
2. Прочитай произведение. Определи главную мысль.
3. Раздели текст на смысловые части.
4. Перескажи каждую часть отдельно: сначала первую, затем вторую и так далее.
5. Перечитай текст и перескажи всё произведение подробно.

Памятка 6

Расскажи о герое

1. Прочитай произведение. Выпиши имена героев.
2. Кто является главным героем? Кто второстепенным? О ком из них ты хочешь рассказать?
3. Каким герой показан в произведении? Как он выглядит? О чём и как он говорит? Какие поступки совершает?
4. Как относится к герою автор произведения?
5. Выскажи своё отношение к герою и его поступкам.

Учимся работать с книгой

1. Выберите книгу, которую хотите прочитать.
2. Поработайте с книгой до чтения: рассмотрите оформление обложки, прочитайте фамилию автора и заголовок, рассмотрите титульный лист, прочитайте аннотацию, познакомьтесь с оглавлением (содержанием).
3. Прочитайте книгу. Рассмотрите иллюстрации.
4. Подумайте: о ком или о чём эта книга. Что понравилось? Что не понравилось?
5. Перечитайте эпизоды, которые понравились.
6. Поделитесь своим впечатлением о книге с друзьями, родителями или напишите отзыв.

Учимся самостоятельно работать с произведением

1. Прочитайте фамилию автора и заголовок.
2. Прочитайте произведение.
3. Определите жанр и тему, основную мысль произведения.
4. О каких героях, событиях рассказывает автор? Найдите в тексте ключевые слова и кульминационный эпизод (самый напряжённый момент).
5. Если значение какого-либо слова или выражения было непонятно, обратитесь к словарю.
6. Разделите текст на смысловые части, составьте план.
7. Выскажите своё мнение о произведении. (Что нового вы узнали? О чём вы думали, читая произведение? Понравились ли вам герои? Было ли вам интересно читать?)

СОДЕРЖАНИЕ

Фольклор (устное народное творчество)

Потешки	4
Считалки	6
Небылицы	7
Загадки	8
В. И. Даль Старик годовик	9
О В. И. Дале	10
Пословицы	12
Скороговорки	13
Русская народная сказка «Дочь-семилетка»	15
Русская народная сказка «Самое дорогое»	19
Русская народная сказка «Про ленивую и радивую»	22
«Летучий корабль»	26
«Морозко»	35
«По щучьему веленью»	38
Народные песни	44
И. З. Суриков «Рябина»	45
А. В. Кольцов «Русская песня».	46
Картины	47
Былина «Илья Муромец и Соловей-разбойник»	48

Картины природы в творчестве поэтов и писателей XIX века

Ф. И. Тютчев «Весенняя гроза»	53
И. С. Никитин «Утро»	54
А.Н. Майков «Весна»	55
Ф. И. Тютчев «Есть в осени первоначальной...»	56
Ф. И. Тютчев «В небе тают облака»	57
А.Н. Майков «Осень»	58
А. А. Фет «Осень»	59
Н. А. Некрасов «Славная осень! Здоровый, ядрёный...»	60
А.А. Фет «Кот поёт, глаза прищуря»	61
Н. А. Некрасов «Однажды в студёную зимнюю пору...»	62
Картины	63

Творчество И. А. Крылова

«Слон и Моська»	67
«Чиж и Голубь»	68
«Лисица и виноград»	69
Эзоп «Ворон и лисица», «Лисица и виноград»	70

Творчество Л. Н. Толстого

«Лев и собачка»	72
«Лебеди»	74
«Зайцы»	75
Сказка «Ореховая ветка»	76
Басня «Белка и волк»	78

Литературная сказка

Д. Н. Мамин-Сибиряк «Сказка про Воробья Воробеича»	80
Д. Н. Мамин-Сибиряк «Серая шейка»	86
Д. Н. Мамин-Сибиряк «Умнее всех»	92

О Родине и её истории

К. Д. Ушинский «Наше отечество»	101
Ф. Н. Глинка «Москва»	102
К. М. Симонов «Родина»	106
С. А. Васильев «Россия»	108
Т. В. Бокова «Родина»	110
Н. М. Рубцов «Привет, Россия!»	110
Н.П. Кончаловская «Наша древняя столица» (отрывки)	112

Произведения о взаимоотношениях человека и животных

К. Г. Паустовский «Заячьи лапы»	115
К. Г. Паустовский «Барсучий нос»	121
К. Г. Паустовский «Кот-ворюга»	124
Д. Н. Мамин-Сибиряк «Приёмыш»	128
А. И. Куприн «Барбос и Жулька»	133
М. М. Пришвин «Выскачка»	138
М. М. Пришвин «Жаркий час»	141
Агния Барто Дикарка	142
Агния Барто Думают ли звери?	142
Агния Барто Мы не заметили жука	143
Агния Барто Мой пёс	144

Картины природы в произведениях поэтов и писателей XX века

И. А. Бунин «Первый снег»	146
Картины	147
И. А. Бунин «Полевые цветы»	149
А. П. Чехов «Степь»	150
А. А. Блок «Сны»	152
К. Д. Бальмонт «Снежинка»	154
К. Д. Бальмонт «Золотое слово»	155
С. А. Есенин «Нивы сжаты, рощи голы»	156

С. А. Есенин «Берёза»	157
С. А. Есенин «С добрым утром!»	158
Саша Чёрный «Летом»	159
С. Я. Маршак «Ландыш»	160

Произведения о детях

А. П. Чехов «Ванька»	162
М. Горький «Пепе»	166
Л. Пантелеев «Честное слово»	172
Л. Пантелеев «На ялике»	178
Л. А. Кассиль «Алексей Андреевич»	191
А. П. Гайдар «Горячий камень»	196
А. П. Гайдар «Тимур и его команда»	201
Н. Н. Носов «Огурцы»	211
Е. А. Пермяк «Дедушкин характер»	215
В. Ф. Панова «Серёжа»	218
С. В. Михалков «Данила Кузьмич»	224
А. И. Мусатов «Оружие»	228
И. Никулина «Бабушкин кактус»	232

Юмористические произведения

В. Драгунский Где это видано...	236
В. Драгунский Если бы я был взрослым	241
М. М. Зощенко «Пора вставать!»	243

Зарубежная литература

Ш. Перро «Подарки феи»	245
Ц. Топелиус «Солнечный Луч в ноябре»	249
Р. Киплинг «Маугли»	254
Дж. Родари «Волшебный барабан».	265
Дж. Лондон «Бурый волк»	270
Э. Сетон-Томпсон «Чинк»	283
О писателях-переводчиках: С. Я. Маршаке, К. И. Чуковском, Б. В.	292

Библиографическая культура

Рукописные книги	298
Н. П. Кончаловская «Наша древняя столица»	300
Первопечатник Иван Фёдоров	301
Н. П. Кончаловская «Мастер Фёдоров Иван и его печатный стан»	303
С. Я. Маршак «Книжка про книжку»	304
Н. А. Найдёнова «Мой друг»	307
Б. В. Заходер «Что такое стихи»	308
Правила юного читателя.	309

Перечень произведений по ФРП (по выбору).

3 класс 4/3 часа в неделю

Раздел. Произведения	Учебники 2012-2016	Учебники 2023
О Родине и её истории 6/5 ч (по выбору).		
К. Д. Ушинский «Наше Отечество»	-	-
Ф. Н. Глинка «Москва»	-	-
М. М. Пришвин «Моя Родина»	Ч.2 с.58	Ч.2 с.46
К. М. Симонов «Родина»	-	-
С. А. Васильев «Россия»	-	-
Т. В. Бокова «Родина»	-	-
Н. М. Рубцов «Привет, Россия!»	-	-
Н.П. Кончаловская «Наша древняя столица» (отрывки)		
Фольклор (устное народное творчество) 16/12 ч		
Потешки	-	-
Считалки	-	-
Небылицы	-	-
Скороговорки	-	-
Пословицы	-	Ч.1 с.34,36
Рассказ о В. И. Дале, знакомство с его книгами	-	-
«Дочь-семилетка»	-	-
«Самое дорогое»	-	-
«Про ленивую и радивую»	-	-
Сестрица Алёнушка и братец Иванушка»	Ч.1 с.22	Ч.1 с.10
«Иван-царевич и Серый волк»	Ч.1 с.28	Ч.1 с.15
«Сивка-бурка»	Ч.1 с.40	Ч.1 с.25
«Летучий корабль»	-	-
«Морозко»	-	-
«По щучьему веленью»	-	-
Народные песни	Ч.1 с.14	Ч.1 с.6
И. З. Суриков «Рябина»	-	-
А. В. Кольцов «Русская песня»	-	-
Былина «Илья Муромец и Соловей-разбойник»	-	-
Творчество А. С. Пушкина 9/7 ч		
«В тот год осенняя погода...»	Ч.1 с.86	Ч.1 с.64
«Опрятней модного паркета...»	Ч.1 с.87	Ч.1 с.65
«Сказка о царе Салтане»	Ч.1 с.92	Ч.1 с.70
Творчество И. А. Крылова 4/3 ч		
«Мартышка и Очки»	Ч.1 с.134	Ч.1 с.108
«Ворона и Лисица»	Ч.1 с.137	Ч.1 с.110

«Лисица и виноград»	-	-
«Слон и Моська»	-	-
«Чиж и Голубь»	-	-
«Кукушка и Петух»	-	-
Эзоп «Лисица и виноград»	-	-
Эзоп «Ворон и лисица»	-	-
Картины природы в произведениях поэтов и писателей XIX века 8/6 ч (не менее пяти авторов по выбору).		
Ф. И. Тютчев «Листья»	Ч.1 с.63	Ч.1 с.44
Ф. И. Тютчев «Весенняя гроза»	Ч.1 с.62	-
Ф. И. Тютчев «Есть в осени первоначальной...»	-	-
Ф. И. Тютчев «В небе тают облака»	-	-
А.Н. Майков «Осень»	-	-
А.Н. Майков «Весна»	-	-
А. А. Фет «Осень»	-	-
А.А. Фет «Кот поёт, глаза прищуря»	-	-
А. А. Фет «Мама! Глянь-ка из окошка...»	Ч.1 с.64	Ч.1 с.45
И. С. Никитин «Встреча зимы»	Ч.1 с.68	Ч.1 с.46
И. С. Никитин «Утро»	-	-
Н. А. Некрасов «Не ветер бушует над бором...»	Ч.1 с.169	Ч.1 с.52
Н. А. Некрасов «Славная осень! Здоровый, ядрёный...»	Ч.1 с.168	-
Н. А. Некрасов «Однажды в студёную зимнюю	-	-
И. З. Суриков «Детство»	Ч.1 с.72	Ч.1 с.48
Творчество Л. Н. Толстого 10/8 ч (не менее 3 произведений по выбору).		
«Акула»	Ч.1 с.152	Ч.1 с.124
«Прыжок»	Ч.1 с.156	Ч.1 с.127
«Лев и собачка»	Ч.1 с.160	-
«Какая бывает роса на траве»	Ч.1 с.162	Ч.1 с.122
«Куда девается вода из моря?»	Ч.1 с.163	Ч.1 с.123
«Лебеди»	-	-
«Зайцы»	-	-
Сказка «Ореховая ветка»	-	-
Басня «Белка и волк»	-	-
Литературная сказка 9/7 ч (не менее двух).		
Д. Н. Мамин-Сибиряк «Сказка про храброго зайца»	Ч.1 с.183	Ч.1 с.136
Д. Н. Мамин-Сибиряк «Сказка про Воробья	-	-
Д. Н. Мамин-Сибиряк «Серая шейка»	-	-
Д. Н. Мамин-Сибиряк «Умнее всех»	-	-
И. С. Соколов-Микитов «Листопадничек»	Ч.2 с.60	Ч.2 с.56

М. Горький «Случай с Евсейкой»	Ч.2 с.4	
В. Ф. Одоевский «Мороз Иванович»	Ч.1 с.196	Ч.1 с.140
В. М. Гаршина «Лягушка-путешественница»	Ч.1 с.188	Ч.1 с.150
Картины природы в произведениях поэтов и писателей XX века 10/8 ч		
И. А. Бунин «Первый снег»	-	-
И. А. Бунин «Полевые цветы»	Ч.1 с.175	-
А. П. Чехов «Степь»	-	-
А. А. Блок «Ворона»	Ч.2 с.53	Ч.2 с.44
А. А. Блок «Сны»	Ч.2 с.51	-
К. Д. Бальмонт «Снежинка»	-	-
К. Д. Бальмонт «Золотое слово»	Ч.1 с.173	-
С. А. Есенин «Черёмуха»	Ч.2 с.55	Ч.2 с.50
С. А. Есенин «Нивы сжаты, рощи голы»	-	-
С. А. Есенин «Берёза»	-	-
С. А. Есенин «С добрым утром!»	-	-
Саша Чёрный «Летом»	-	-
С. Я. Маршак «Гроза днём»	Ч.2 с.110	Ч.2 с.90
С. Я. Маршак «В лесу над росистой поляной»	Ч.2 с.111	Ч.2 с.91
С. Я. Маршак «Ландыш»	-	-
Произведения о взаимоотношениях человека и животных 16/12 ч		
К. Г. Паустовский «Заячьи лапы»	-	-
К. Г. Паустовский «Барсучий нос»	-	-
К. Г. Паустовский «Кот-ворюга»	-	-
Д. Н. Мамин-Сибиряк «Приёмыш»	-	-
А. И. Куприн «Барбос и Жулька»	-	-
А. И. Куприн «Слон»	Ч.2 с.25	Ч.2 с.24
М. М. Пришвин «Выскочка»	-	-
М. М. Пришвин «Жаркий час»	-	-
Б. С. Житков «Про обезьянку»	Ч.2 с.83	Ч.2 с.73
стихотворения А. Л. Барто	-	-
стихотворения Саши Чёрного	Ч.2 с.46-48	Ч.2 с.40-43
Произведения о детях 18/13 ч (по выбору не менее 2-3 авторов)		
А. П. Чехов «Ванька»	-	-
В. Г. Короленко «Слепой музыкант»	-	-
М. Горький «Пепе»	-	-
Л. Пантелеев «Честное слово»	-	-
Л. Пантелеев «На ялике»	-	-
Л. А. Кассиль «Алексей Андреевич»	-	-
А. П. Гайдар «Горячий камень»	-	-

А. П. Гайдар «Тимур и его команда»	-	-
Н. Н. Носов «Огурцы»	-	-
Е. А. Пермяк «Дедушкин характер»	-	-
В. Ф. Панова «Серёжа»	-	-
С. В. Михалков «Данила Кузьмич»	-	-
А. И. Мусатов «Оружие»	-	-
И. Никулина «Бабушкин кактус»	-	-
Юмористические произведения 6/4 ч		
Драгунский «Денискины рассказы» (1-2 произведения)	-	-
Н.Н. Носов «Весёлая семейка» (1-2 рассказа из цикла)	-	-
Н. Н. Носов «Федина задача»	Ч.2 с.164	Ч.2 с.129
Н. Н. Носов «Телефон»	Ч.2 с.170	Ч.2 с.140
М. М. Зощенко «Великие путешественники»	Ч.2 с.154	Ч.2 с.120
М. М. Зощенко «Пора вставать!»	-	-
Зарубежная литература 10/7 ч (по выбору не менее двух-трёх авторов)		
Ш. Перро «Подарки феи»	-	-
Х.-К. Андерсен «Гадкий утёнок»	Ч.2 с.200	Ч.2 с.146
Ц. Топелиус «Солнечный Луч в ноябре»	-	-
Р. Киплинг «Маугли»	-	-
Дж. Родари «Волшебный барабан»	-	-
Дж. Лондон «Бурый волк»	-	-
Э. Сетон-Томпсона «Чинк»	-	-
О писателях-переводчиках: С. Я. Маршак, К. И. Чуковском, Б. В. Заходере	-	-
Библиографическая культура 4/3 ч		
Рукописные книги	Ч.1 с.6	-
Н. П. Кончаловская «Наша древняя столица»	-	-
О первом книгопечатнике Иване Фёдорове	Ч.1 с.8	-
С. Я. Маршак «Книжка про книжку»	-	-
Н. А. Найдёнова «Мой друг»	-	-
Б. В. Заходер «Что такое стихи»	-	-